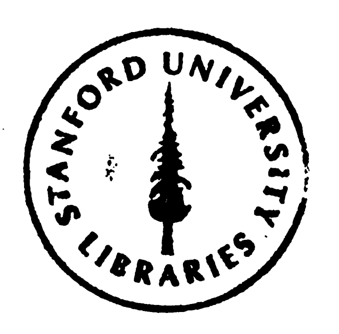

D7.P6
1898
Rc
53
20

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

…E de E. DROJJINE. par E. Popoff, avec article par L. Tolstoy.

Prix: 2 Fr.; 1s. 6d.; 99 Kr.; 1 M. 50 Pf.; 75 коп.

Е. И. ПОПОВЪ.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ЕВДОКИМА НИКИТИЧА

ДРОЖЖИНА

1866—1894.

Съ послѣсловіемъ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ, А ВЪ ПРАВДѢ.

№ 17.

2-е исправленное изданіе Владиміра Черткова.

V. Tchertkoff.
Purleigh, Essex, England.
1898.

Христіанское Ученіе

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Содержаніе: Отъ издателя. Предисловіе. **Часть I.** Древнія вѣроученія и новое жизнепониманіе. **Часть II.** О грѣхахъ. **Часть III.** О соблазнахъ. **Часть IV.** Обманы вѣры и освобожденіе отъ нихъ. **Часть V.** Освобожденіе отъ соблазновъ. **Часть VI.** Борьба съ грѣхами. **Часть VII.** О молитвѣ. **Часть VIII.** Заключеніе.

ЦѢНА 50 КОП.

Царство Божіе внутри васъ

или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе. — Л. Н. ТОЛСТОГО.

Содержаніе: I. Ученіе о непротивленіи злу насиліемъ съ самаго основанія христіанства исповѣдывалось и исповѣдуется меньшинствомъ людей. II. Сужденіе о непротивленіи злу насиліемъ людей вѣрующихъ и невѣрующихъ. III. Непониманіе христіанства людьми вѣрующими. IV. Непониманіе христіанства людьми научными. V. Противорѣчіе нашей жизни съ нашимъ христіанскимъ сознаніемъ. VI. Отношеніе людей нашего міра къ войнѣ. VII. Значеніе общей воинской повинности. VIII. Неизбѣжность принятія христіанскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ людьми нашего міра. IX. Принятіе христіанскаго жизнепониманія освобождаетъ людей отъ бѣдственности нашей языческой жизни. X. Безполезность государственнаго насилія для уничтоженія зла. Нравственное движеніе человѣчества совершается не только черезъ познаніе истины, но и черезъ установленіе общественнаго мнѣнія. XI. Христіанское общественное мнѣніе уже зародилось въ нашемъ обществѣ и неизбѣжно разрушитъ насильническое устройство нашей жизни. Когда это будетъ. З а к л ю ч е н і е. XII. Покайтесь, потому что Царство Божіе близко, при дверяхъ.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Е. И. ПОПОВЪ.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ЕВДОКИМА НИКИТИЧА

ДРОЖЖИНА

1866—1894.

Съ послѣсловіемъ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

2-е исправленное изданіе Владиміра Черткова.

V. Tchertkoff.
Purleigh, Essex, England.
1898.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

27-го Января 1894 года въ больницѣ Воронежской тюрьмы умеръ отъ воспаленія легкихъ нѣкто Евдокимъ Никитичъ Дрожжинъ, бывшій сельскій учитель Курской губерніи. Тѣло его брошено въ могилу на острожномъ кладбищѣ, какъ кидаютъ туда тѣла всѣхъ преступниковъ, умирающихъ въ тюрьмѣ. Между тѣмъ это былъ одинъ изъ самыхъ святыхъ, чистыхъ и правдивыхъ людей, какіе бываютъ въ жизни.

Въ Августѣ 1891 года онъ былъ призванъ къ отбыванію воинской повинности, но считая всѣхъ людей братьями и признавая убійство и насиліе самымъ большимъ грѣхомъ, противнымъ совѣсти и волѣ Бога, онъ отказался быть солдатомъ и носить оружіе. Точно такъ же, признавая грѣхомъ отдавать свою волю во власть другихъ людей, могущихъ потребовать отъ него дурныхъ поступковъ, онъ отказался и отъ присяги. Люди, жизнь которыхъ основана на насиліи и убійствѣ, заключили его сначала на годъ въ одиночное заключеніе въ Харьковѣ, а потомъ перевели въ Воронежскій Дисциплинарный батальонъ, гдѣ въ теченіи 15 мѣсяцевъ мучили его холодомъ, голодомъ и одиночнымъ заключеніемъ. Наконецъ, когда у него отъ непрерывныхъ страданій и лишеній развилась чахотка и онъ былъ приз-

Христіанское Ученіе

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Содержаніе: Отъ издателя. Предисловіе. **Часть I.** Древнія вѣроученія и новое жизнепониманіе. **Часть II.** О грѣхахъ. **Часть III.** О соблазнахъ. **Часть IV.** Обманы вѣры и освобожденіе отъ нихъ. **Часть V.** Освобожденіе отъ соблазновъ. **Часть VI.** Борьба съ грѣхами. **Часть VII. О молитвѣ. Часть VIII. Заключеніе.**

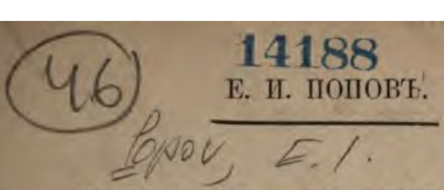
ЦѢНА 50 КОП.

Царство Божіе внутри васъ

или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе. — Л. Н. ТОЛСТОГО.

Содержаніе: I. Ученіе о непротивленіи злу насиліемъ съ самаго основанія христіанства исповѣдывалось и исповѣдуется меньшинствомъ людей. II. Сужденіе о непротивленіи злу насиліемъ людей вѣрующихъ и невѣрующихъ. III. Непониманіе христіанства людьми вѣрующими. IV. Непониманіе христіанства людьми научными. V. Противорѣчіе нашей жизни съ нашимъ христіанскимъ сознаніемъ. VI. Отношеніе людей нашего міра къ войнѣ. VII. Значеніе общей воинской повинности. VIII. Неизбѣжность принятія христіанскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ людьми нашего міра. IX. Принятіе христіанскаго жизнепониманія освобождаетъ людей отъ бѣдственности нашей языческой жизни. X. Безполезность государственнаго насилія для уничтоженія зла. Нравственное движеніе человѣчества совершается не только черезъ познаніе истины, но и черезъ установленіе общественнаго мнѣнія. XI. Христіанское общественное мнѣніе уже зародилось въ нашемъ обществѣ и неизбѣжно разрушитъ насильническое устройство нашей жизни. Когда это будетъ. Заключеніе. XII. Покайтесь, потому что Царство Божіе близко, при дверяхъ.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Е. И. ПОПОВЪ.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ЕВДОКИМА НИКИТИЧА

ДРОЖЖИНА

1866—1894.

Съ послѣсловіемъ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ, А ВЪ ПРАВДѢ.

№ 17.

2-е исправленное изданіе Владиміра Черткова.

V. Tchertkoff.
Purleigh, Essex, England.
1898.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

27-го Января 1894 года въ больницѣ Воронежской тюрьмы умеръ отъ воспаленія легкихъ нѣкто Евдокимъ Никитичъ Дрожжинъ, бывшій сельскій учитель Курской губерніи. Тѣло его брошено въ могилу на острожномъ кладбищѣ, какъ кидаютъ туда тѣла всѣхъ преступниковъ, умирающихъ въ тюрьмѣ. Между тѣмъ это былъ одинъ изъ самыхъ святыхъ, чистыхъ и правдивыхъ людей, какіе бываютъ въ жизни.

Въ Августѣ 1891 года онъ былъ призванъ къ отбыванію воинской повинности, но считая всѣхъ людей братьями и признавая убійство и насиліе самымъ большимъ грѣхомъ, противнымъ совѣсти и волѣ Бога, онъ отказался быть солдатомъ и носить оружіе. Точно такъ же, признавая грѣхомъ отдавать свою волю во власть другихъ людей, могущихъ потребовать отъ него дурныхъ поступковъ, онъ отказался и отъ присяги. Люди, жизнь которыхъ основана на насиліи и убійствѣ, заключили его сначала на годъ въ одиночное заключеніе въ Харьковѣ, а потомъ перевели въ Воронежскій Дисциплинарный батальонъ, гдѣ въ теченіи 15 мѣсяцевъ мучили его холодомъ, голодомъ и одиночнымъ заключеніемъ. Наконецъ, когда у него отъ непрерывныхъ страданій и лишеній развилась чахотка и онъ былъ приз-

нанъ негоднымъ къ военной службѣ, его рѣшили перевести въ гражданскую тюрьму, гдѣ онъ долженъ былъ отсиживать еще 9 лѣтъ заключенія. Но при доставленіи его изъ батальона въ тюрьму въ сильно морозный день полицейскіе служители по небрежности своей повезли его безъ теплой одежды, долго стояли на улицѣ у полицейскаго дома и поэтому такъ простудили его, что у него сдѣлалось воспаленіе легкихъ, отъ котораго онъ и умеръ черезъ 22 дня.

Смерть его быстро сдѣлалась извѣстной его друзьямъ и знакомымъ и показалась всѣмъ важнымъ и значительнымъ событіемъ. Многимъ одновременно пришла мысль о необходимости составленія біографіи Дрожжина и, по счастью моему, работа эта досталась мнѣ. Я постарался собрать все, что осталось писаннаго его рукою: его письма къ разнымъ лицамъ, дневники, записки; просилъ знавшихъ его сообщить мнѣ свои воспоминанія о немъ, побывалъ на его родинѣ и лично повидалъ нѣкоторыхъ изъ его друзей и родныхъ, нѣкоторыхъ лицъ изъ его батальоннаго и тюремнаго начальства, видѣлъ его товарищей по заключенію, и все, что мнѣ казалось важнымъ изъ этого матеріала, соединилъ въ одну біографію, которая была уже совсѣмъ готова, когда 17-го Іюня нынѣшняго года на меня напали жандармы и, по предписанію Департамента Государственной полиціи, отняли у меня какъ біографію, такъ и другія мои бумаги.

Къ счастью тѣ документы, по которымъ я составлялъ біографію, сохранялись не въ моей квартирѣ, и, благодаря этому, я могъ возстановить біографію и дополнить ее тѣми свѣдѣніями о жизни Дрожжина, которыя я получилъ послѣ обыска у меня.

Москва, 26-го Октября 1894 г.

Е. Поповъ.

I.

Дѣтство и школьные годы, учительство и политическое дѣло.

Евдокимъ Никитичъ Дрожжинъ родился 30 Іюля 1866 года въ деревнѣ Толстый Лугъ, Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи. Родители его, крестьяне этой деревни, живы и до сихъ поръ и продолжаютъ заниматься земледѣліемъ. Ребенкомъ онъ былъ рѣзвый, веселый, шаловливый и смышленный. Грамотѣ его никто не училъ, но когда ему шелъ 8-ой годъ, родители его неожиданно замѣтили, что онъ знаетъ уже азбуку и склады. 8-ми же лѣтъ онъ поступилъ въ мѣстную приходскую школу, затѣмъ перешелъ въ образцовое двухклассное училище, находившееся въ сосѣднемъ селѣ Любимовкѣ. Выйдя оттуда, онъ былъ принятъ на платную должность помощника учителя въ приходской школѣ. 17-ти лѣтъ онъ поѣхалъ въ уѣздный городъ Бѣлгородъ и поступилъ въ учительскую семинарію.

Какъ въ школахъ, такъ и въ семинаріи Дрожжинъ отличался отъ своихъ товарищей большой самостоятельностью. Обыкновенно онъ не участвовалъ въ дѣтскихъ играхъ товарищей и держался въ сторонѣ и за это его не долюбливали, но въ дружбѣ своей онъ былъ постояненъ и сохранилъ ее съ нѣкоторыми изъ товарищей до самой смерти. Уроковъ обыкновенно не готовилъ, и если учился

нанъ негоднымъ къ военной службѣ, его рѣшили перевести въ гражданскую тюрьму, гдѣ онъ долженъ былъ отсиживать еще 9 лѣтъ заключенія. Но при доставленіи его изъ батальона въ тюрьму въ сильно морозный день полицейскіе служители по небрежности своей повезли его безъ теплой одежды, долго стояли на улицѣ у полицейскаго дома и поэтому такъ простудили его, что у него сдѣлалось воспаленіе легкихъ, отъ котораго онъ и умеръ черезъ 22 дня.

Смерть его быстро сдѣлалась извѣстной его друзьямъ и знакомымъ и показалась всѣмъ важнымъ и значительнымъ событіемъ. Многимъ одновременно пришла мысль о необходимости составленія біографіи Дрожжина и, по счастью моему, работа эта досталась мнѣ. Я постарался собрать все, что осталось писаннаго его рукою: его письма къ разнымъ лицамъ, дневники, записки; просилъ знавшихъ его сообщить мнѣ свои воспоминанія о немъ, побывалъ на его родинѣ и лично повидалъ нѣкоторыхъ изъ его друзей и родныхъ, нѣкоторыхъ лицъ изъ его батальоннаго и тюремнаго начальства, видѣлъ его товарищей по заключенію, и все, что мнѣ казалось важнымъ изъ этого матеріала, соединилъ въ одну біографію, которая была уже совсѣмъ готова, когда 17-го Іюня нынѣшняго года на меня напали жандармы и, по предписанію Департамента Государственной полиціи, отняли у меня какъ біографію, такъ и другія мои бумаги.

Къ счастью тѣ документы, по которымъ я составлялъ біографію, сохранялись не въ моей квартирѣ, и, благодаря этому, я могъ возстановить біографію и дополнить ее тѣми свѣдѣніями о жизни Дрожжина, которыя я получилъ послѣ обыска у меня.

Москва, 26-го Октября 1894 г.

Е. Поповъ.

I.

Дѣтство и школьные годы, учительство и политическое дѣло.

Евдокимъ Никитичъ Дрожжинъ родился 30 Іюля 1866 года въ деревнѣ Толстый Лугъ, Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи. Родители его, крестьяне этой деревни, живы и до сихъ поръ и продолжаютъ заниматься земледѣліемъ. Ребенкомъ онъ былъ рѣзвый, веселый, шаловливый и смышленный. Грамотѣ его никто не училъ, но когда ему шелъ 8-ой годъ, родители его неожиданно замѣтили, что онъ знаетъ уже азбуку и склады. 8-ми же лѣтъ онъ поступилъ въ мѣстную приходскую школу, затѣмъ перешелъ въ образцовое двухклассное училище, находившееся въ сосѣднемъ селѣ Любимовкѣ. Выйдя оттуда, онъ былъ принятъ на платную должность помощника учителя въ приходской школѣ. 17-ти лѣтъ онъ поѣхалъ въ уѣздный городъ Бѣлгородъ и поступилъ въ учительскую семинарію.

Какъ въ школахъ, такъ и въ семинаріи Дрожжинъ отличался отъ своихъ товарищей большой самостоятельностью. Обыкновенно онъ не участвовалъ въ дѣтскихъ играхъ товарищей и держался въ сторонѣ и за это его не долюбливали, но въ дружбѣ своей онъ былъ постояненъ и сохранилъ ее съ нѣкоторыми изъ товарищей до самой смерти. Уроковъ обыкновенно не готовилъ, и если учился

успѣшно, то только благодаря своимъ выдающимся способностямъ. Онъ не могъ выносить начальническаго обращенія съ собою кого бы то ни было и въ подобныхъ случаяхъ приходилъ въ раздраженіе и чѣмъ нибудь выражалъ свою непокорность. Дѣлалъ ли, напримѣръ, директоръ семинаріи ни къ чему ненужное распоряженіе о томъ, чтобы семинаристы приходили на занятія въ сюртукахъ, застегнутыхъ на всѣ пуговицы, Дрожжинъ умышленно приходилъ въ разстегнутомъ сюртукѣ или застегнутомъ какъ нибудь наискось. Эта непокорность, естественно, раздражала начальство, и оно косилось на Евдокима Никитича.

Кромѣ того, пріѣхавъ въ Бѣлгородъ, Дрожжинъ познакомился съ однимъ человѣкомъ, котораго онъ называетъ въ своихъ запискахъ, „Бѣлгородскимъ другомъ“ и который имѣлъ большое вліяніе на его духовное и нравственное развитіе. Это былъ сосланный въ Бѣлгородъ по политическому дѣлу молодой, образованный, либеральный, умный и гуманный человѣкъ. У него по вечерамъ собирались молодые люди, человѣкъ 12: учителя, студенты, семинаристы; тутъ же бывалъ и Дрожжинъ со своими товарищами. На вечерахъ этихъ обыкновенно было общее чтеніе, разговоры, споры, въ которыхъ принималъ горячее участіе и Дрожжинъ, всегда отстаивая всякую живую, оригинальную мысль, хотя бы она раздѣлялась только меньшинствомъ. Благодаря этимъ бесѣдамъ, Дрожжинъ усвоилъ соціалистическія убѣжденія своего друга и увлекался нашей либеральной литературой, предпочитая всему другому Щедрина, сказки котораго онъ зналъ такъ хорошо, что могъ ихъ разсказывать почти слово въ слово на память.

Въ личной жизни своей онъ мало отличался отъ товарищей. Также, какъ и они, онъ пилъ вино и

не считалъ дурнымъ внѣбрачное половое общеніе, но никогда не поэтизировалъ своего отношенія къ женщинамъ и относился съ презрѣніемъ къ любовнымъ похожденіямъ своихъ товарищей, наряжавшихся, кокетничавшихъ и заводившихъ романы. Нрава Евдомимъ Никитичъ былъ веселаго и эта веселость не покидала его до самой смерти. Онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, силенъ и любилъ бороться.

Наиболѣе постоянныя и продолжавшіяся до самой смерти дружескія отношенія сохранились у Евдокима Никитича только съ однимъ семинарскимъ товарищемъ А. Н. Д-ко, который тоже бывалъ у „Бѣлгородскаго друга“ и тоже раздѣлялъ его соціалистическія убѣжденія. Другой человѣкъ, съ которымъ былъ друженъ Евдокимъ Никитичъ и который имѣлъ очень важное значеніе въ его жизни послѣдніе годы, былъ Николай Трофимовичъ Изюмченко, молодой крестьянинъ изъ сосѣдней съ Толстымъ Лугомъ деревни Обуховки. Познакомившись съ Изюмченко въ 1885 году, во время своего лѣтняго пребыванія на родинѣ, Дрожжинъ сообщилъ ему соціалистическія и революціонныя убѣжденія. Изюмченко, — чуткій и впечатлительный юноша — полюбившій и подружившійся съ нимъ, тотчасъ же усвоилъ его убѣжденія. Вотъ что пишетъ самъ Дрожжинъ объ этомъ знакомствѣ:

„Познакомившись съ нимъ, я послѣ нѣсколькихъ разговоровъ вызвалъ въ немъ то настроеніе, которое имѣлъ тогда самъ. Но настроеніе это ограничилось только общими взглядами. А развить мнѣ его, т. е. доставить ему возможность имѣть болѣе, чѣмъ настроеніе, имѣть столько знаній, чтобы его настроеніе не было безформеннымъ, этого мнѣ не пришлось, и потому, что не долго съ нимъ прожилъ, и еще болѣе вслѣдствіе собственной моей несостоятель-

ности. Изюмченко нигдѣ не учился, кромѣ двухъ лѣтъ въ сельской школѣ. Имѣетъ отъ природы доброе сердце. Оставшись рано сиротой, перенесъ много нищеты, а въ 20 лѣтъ отдавалъ дань молодости, какъ отдаютъ ее обыкновенно деревенскіе паробки: игралъ на гармоніи и сквернословилъ (въ чемъ не уступалъ ему и я), иногда выпивалъ водочки и заставлялъ себя прелюбодѣйствовать (въ этомъ послѣднемъ случаѣ я ему уступалъ, потому что вліяніе нашего Бѣлгородскаго друга иногда сказывалось въ томъ, что святыя идеи цѣломудрія боролись съ молодостью и господствующимъ легкимъ взглядомъ).“

Весною 1886 года Дрожжину предстояло окончить курсъ въ семинаріи, но учебное начальство, зная его взгляды и зная о его посѣщеніяхъ вечеровъ у политическаго ссыльнаго, не допустило его до экзаменовъ. Дрожжинъ долженъ былъ вернуться домой и, пробывъ тамъ около 2-хъ мѣсяцевъ, поѣхалъ въ Рыльскъ и тамъ весною 1887 года сдалъ экзаменъ на сельскаго учителя. Проживъ лѣто дома, онъ осенью уѣхалъ въ деревню Черничену (Дмитріевскаго уѣзда), куда онъ былъ назначенъ сельскимъ учителемъ. Вотъ что онъ пишетъ въ одномъ письмѣ о своей жизни за это время:

„Обстоятельства мои на службѣ были таковы: глухая деревушка и патріархальные мужики, городъ въ 30 верстахъ, своихъ книгъ нѣтъ, жалованья 200 рублей въ годъ, и, хотя изъ этого можно бы было сберечь для книгъ что нибудь, но это возможно только при болѣе зрѣломъ взглядѣ на свою жизнь, а я могъ только по временамъ возбуждаться и тогда жилъ сердцемъ, но всетаки не разсудкомъ. Да и какой разсудокъ у 20-лѣтняго парня, выученнаго на мѣдныя деньги, запуганнаго директоромъ и читавшаго только Майнъ-Рида, Жюль Верна и Купера! (Разъ

молодой учитель, взявшій для себя изъ „фундаментальной" библіотеки Шекспира, далъ его намъ тайкомъ; такъ директоръ узнавши чуть съ ума не сошелъ отъ страха за опасность такого незаконнаго чтенія)."

Въ Черничинѣ Дрожжинъ пробылъ учителемъ два года, каждое лѣто возвращаясь въ свою деревню Толстый Лугъ. Въ это же время онъ близко сошелся съ однимъ изъ учителей Т. В. Б-вымъ, переписка съ которымъ у него не прекращалась до самой смерти. Вотъ что писалъ мнѣ самъ Б. о своемъ знакомствѣ съ Евдокимомъ Никитичемъ: „Съ Дрожжинымъ я познакомился въ то время, когда мы оба состояли на должности сельскихъ учителей. Сближеніе наше, наша дружба, произошли не отъ того, что мы были товарищи по службѣ, а также и не отъ собутыльничества, какъ думаютъ многіе, знающіе насъ; нѣтъ, открытая душа Евдокима Никитича; его живой, здравый умъ; характеръ, непоколебимый въ достиженіи какой угодно цѣли; прямота въ выраженіи правды передъ кѣмъ бы то ни было (за что онъ заслужилъ отъ большинства своихъ знакомыхъ названіе циника); его небрежное отношеніе къ своей собственной персонѣ, помимо моей воли, заставляли полюбить его. Я хорошо помню, какъ одинъ разъ пришелъ ко мнѣ плохо одѣтый молодой человѣкъ и торжественно объявилъ мнѣ, что онъ — учитель Дрожжинъ, слыхалъ про меня и пришелъ познакомиться со мною, и тутъ же потребовалъ не водки, а чаю; я съ своей стороны сразу узналъ, что это за человѣкъ, и мы сошлись съ нимъ. Правда, мы не отказывались отъ товарищескихъ пирушекъ, происходившихъ при полученіи жалованья, но эти пирушки были очень рѣдки, часто и очень часто не соотвѣтствовали по времени получкѣ жалованья, а жалованье наше учительское получается часто черезъ три, а чаще всего черезъ пять мѣсяцевъ. Денегъ

у Дрожжина никогда не водилось, потому что знакомые его крестьяне, какъ только узнавали, что онъ получилъ жалованье, такъ сейчасъ же приходили и разбирали у него всѣ оставшіяся деньги, если онъ не успѣвалъ ихъ растратить на какія нибудь книжки для своихъ учениковъ; оттого-то онъ всегда бѣдно былъ одѣтъ.“

Дѣйствительно, мать Евдокима Никитича говорила мнѣ, что, когда онъ жилъ у нихъ зимою, то у него не было даже теплой одежды; когда она предлагала ему что нибудь справить, то онъ обыкновенно отказывался, и, если случалось идти куда нибудь, то надѣвалъ ея старый полушубокъ, подпоясываясь веревочкой. По внѣшнему виду нельзя даже было подумать, что это учитель.

„Иногда случалось такъ“, продолжаетъ Б.: „какой нибудь бѣдный крестьянинъ, узнавъ, что завтра учитель ѣдетъ за жалованьемъ, приходилъ къ нему наканунѣ его отъѣзда и выпрашивалъ у него денегъ, которыхъ онъ еще не получалъ. Въ такихъ случаяхъ Евдокимъ Никитичъ всегда заѣзжалъ ко мнѣ, и я, бывало, только спрошу у него: „А твое, аль завистовано?“ (это значитъ — выпрошено.) На это онъ объяснялъ мнѣ, что выпрошено, да не все, а всетаки не хватитъ на чай, сахаръ, и табакъ; при этомъ долженъ сказать, что онъ часто обходился и безъ этого. Потомъ онъ, помявшись немного, обращался съ рѣшительнымъ вопросомъ:

„Ну, такъ чтожъ, отсылать подводчика или не нужно?“

—Куда?

—Да назадъ, домой.

—А мы какъ, пѣшіе?

—Ну да, пѣшіе, а то что его таскать за собой.

—Идетъ, говорю.

И тогда Евдокимъ Никитичъ чуть не запрыгаетъ

отъ радости. Не могу сказать, отчего ему радостно было въ подобныхъ случаяхъ: предстоящая ли возможность помочь бѣдняку, или предстоящее путешествіе со мною до города, со мною, *москалемъ*, единственнымъ человѣкомъ, который сочувствовалъ ему и считалъ его братомъ и который принялъ его по братски на чужой сторонѣ (онъ былъ малороссъ и вообще не долюбливалъ москалей, постоянно при мнѣ и при всѣхъ высказывая свой патріотизмъ и брезгливость къ Россіи, такъ что мнѣ не мало труда стоило уничтожить въ немъ эту угловатость, какъ это мнѣ казалось, его чистой души.) Я никогда не спрашивалъ его объ этомъ, потому что находилъ неумѣстнымъ, да и зачѣмъ было спрашивать, душа его была чиста, ясна и видима для меня, какъ на ладони. Для меня одинаково была дорога его веселость, какъ для него, вѣроятно, мое согласіе въ какомъ бы то ни было задуманномъ имъ предпріятіи, а потому я даже опасался спрашивать его, боясь лишнимъ словомъ, неумѣстнымъ вопросомъ омрачить его душу, тѣмъ болѣе, что своей веселостью онъ заражалъ меня и мнѣ при немъ гораздо становилось легче, мрачныя думы разлетались, какъ дымъ отъ вѣтра, я все забывалъ на свѣтѣ, и личныя обиды, и обиды постоянно обижаемыхъ.“

Будучи учителемъ въ Черниченѣ, Евдокимъ Никитичъ имѣлъ частыя столкновенія съ мѣстнымъ священникомъ и вызывалъ въ немъ неудовольствіе. Причиною этого было то, что Евдокимъ Никитичъ не скрывалъ предъ учениками своихъ взглядовъ. Ученики любили Дрожжина, и его слова дѣйствовали на нихъ. Священникъ счелъ нужнымъ донести инспектору народныхъ училищъ о превратныхъ убѣжденіяхъ Дрожжина. Инспекторъ, недовольный Дрожжинымъ тѣмъ, что тотъ при свидѣтеляхъ съ нимъ всегда держалъ себя свободно и не выказывалъ ни-

какого подобострастія, — рѣшилъ перевести его въ другое училище, въ деревню Князево (Путивльскаго уѣзда). При этомъ онъ написалъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

„Я убѣдился въ томъ, что поведеніе ваше совершенно не соотвѣтствуетъ званію учителя. Отрицаніе постовъ, нелѣпый взглядъ на мірозданіе, порицаніе распоряженій начальства — вотъ глупѣйшая ваша философія, созданная вашимъ глупымъ, недоучившимся умишкомъ. Понимая, что все это вытекаетъ у васъ отъ крайней неразвитости, верхоглядства и болѣзненности нахватавшагося верхушекъ и ничего не смыслящаго вашего мозжечка, я предостерегаю васъ на сей разъ и послѣдній разъ, снисходя только безумію вашему. Объявляю однако, что если вы и въ Князевѣ и на будущее время поведете себя такъ же безтактно, какъ и въ Черниченой, то немедля будете уволены не только отъ званія учителя, но еще я долженъ буду прибѣгнуть къ инымъ мнѣ прискорбнымъ мѣрамъ, а для васъ весьма пагубнымъ. О чемъ увѣдомляю васъ въ надеждѣ, что вы измѣните, какъ образъ жизни, такъ и образъ мыслей вашихъ.“

Непрягинъ.

Революціонныя убѣжденія уже переставали удовлетворять Дрожжина. Въ этотъ годъ (1889) онъ познакомился съ жившимъ въ 25 верстахъ отъ его родины Д. А. Хилковымъ, открыто исповѣдывавшимъ и на словахъ, и на дѣлѣ свои христіанско-нравственныя убѣжденія. Сближеніе съ Хилковымъ и съ его часто гостившими у него единомышленниками, знакомство съ религіознонравственными сочиненіями Л. Н. Толстого совершили въ это время въ душѣ Дрожжина тотъ внутренній переворотъ, который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ все то, что случилось съ нимъ.

„Добрыя идеи мнѣ были сродни“, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ: „какъ и большинству моихъ деревенскихъ сотоварищей, и для нашего Бѣлгородскаго друга достаточно было только протянуть намъ руку, — и всѣ мы беззавѣтно увѣровали, обновились и освѣжились. Но безъ свѣдѣній всѣ мы ничего не умѣли дѣлать, даже говорить, а также дѣлать въ самомъ себѣ приращеніе. И разсѣявшись въ разныя стороны по одиночкѣ, каждому изъ насъ грозило постепенное засореніе мозговъ и сердца, если бы... не *случайныя обстоятельства*. Я совершенно случайно наткнулся на „Краткое Изложеніе Евангелія“ Льва Николаевича Толстого и познакомился съ Д. А. Хилковымъ. Тотъ протянулъ мнѣ руку, и я опять обновился. Ломки никакой не могло быть, потому что я, хотя и считалъ себя революціонеромъ, но такъ какъ я жилъ не умомъ, а сердцемъ, то основаніе для новаго зданія было вполнѣ пригодно: принялъ и освятилъ новое христіанское ученіе беззавѣтно. Говорю *освятилъ*, потому что, дѣйствительно, стремился дѣломъ доказать свое христіанское имя и сильно боролся съ соблазнами.“

Съ этого времени измѣняются, какъ взгляды Дрожжина на свою жизнь, на свои поступки, идеалы, такъ и сама его жизнь. Вмѣсто обезпеченнаго положенія сельскаго учителя, пользующагося исключительнымъ положеніемъ среди народа, онъ сталъ мечтать о простой крестьянской трудовой жизни, въ которой бы можно было, не отнимая ничего у народа, служить ему своею жизнью. Вмѣсто дѣятельности революціонера — насильнической и потаенной, онъ сталъ искать дѣятельности христіанской — терпѣнія, прощенія, миролюбія. Употребленіе вина, распущенная жизнь, ругательства были оставлены, началась борьба съ куреніемь табаку, раздражительностью и другими слабостями. Большою помощью въ борь-

бѣ его со своими пороками послужила, какъ онъ самъ писалъ въ одномъ письмѣ, еще возникшая въ немъ привязанность къ К-ой, бывшей учительницей въ одномъ съ нимъ селѣ. Это была образованная, серьезная, но разочарованная въ жизни дѣвушка, старше его годами и сильно больная грудью. Ихъ вполнѣ чистыя личныя отношенія продолжались недолго и потомъ поддерживались только перепиской.

Пріѣхавъ осенью на свое новое мѣсто въ деревнѣ Князевой, Евдокимъ Никитичъ вступилъ въ свою должность, но учениковъ сталъ учить не такъ, какъ это принято въ школахъ, а свободно, такъ, какъ самъ находилъ лучше, и передъ учениками своими высказывалъ открыто свои новыя убѣжденія. Начальство угрожало ему лишеніемъ мѣста, но онъ, не дорожа уже своею учительскою дѣятельностью, не боялся этихъ угрозъ и не измѣнялъ своего поведенія. Такимъ образомъ, онъ пробылъ въ Князевѣ до весны 1890 года. Всю весну и лѣто Дрожжинъ провелъ у своихъ родныхъ, то участвуя съ ними въ полевыхъ работахъ, то охотясь вмѣстѣ съ гостившимъ у него Т. В. Б-ымъ по берегамъ протекающей недалеко отъ Толстаго Луга рѣчки. Впослѣдствіи, уже сидя въ тюрьмѣ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ это время въ одномъ изъ писемъ къ Б.

Въ это время Н. Т. Изюмченко, взятый въ солдаты осенью 1889 года, жилъ въ Курскѣ и около него собрался кружокъ писарскихъ учениковъ, которымъ онъ передавалъ свои революціонные взгляды, принятые имъ отъ Дрожжина. Но, когда Дрожжинъ написалъ ему письмо, въ которомъ излагалъ свои новые религіозные взгляды и говорилъ, что они дурно поступали, вызывая и распространяя въ людяхъ злобу и насиліе, Изюмченко тотчасъ же сердцемъ понялъ происшедшую въ душѣ Дрожжина перемѣну

и согласился съ нимъ. Увидя, что писарскіе ученики уже въ значительной степени заражены революціоннымъ духомъ, онъ счелъ себя виноватымъ въ этомъ и обязаннымъ исправить эту ошибку. Съ этою цѣлью онъ написалъ Дрожжину, чтобы тотъ привезъ побольше „матеріалу“, т. е. книгъ, содержащихъ изложеніе его новыхъ убѣжденій, которыя онъ могъ бы дать своимъ товарищамъ.

Но въ это время произошло событіе, измѣнившее всю ихъ дальнѣйшую жизнь.

Событіе это состояло въ томъ, что въ началѣ лѣта (1890 г.) Дрожжинъ далъ Изюмченку (Семену) бывшую у него старую революціонную рукопись „Сказку о 4-хъ братьяхъ“; Изюмченко же далъ ее товарищу С-ку, парню лѣтъ 16, который учился въ старшемъ отдѣленіи образцоваго двухкласнаго училища. Тотъ захотѣлъ ее имѣть у себя и началъ переписывать, но товарищъ, стоявшій на квартирѣ у учителя, донесъ на него начальству. Начальство сдѣлало обыскъ, нашло рукопись, и С-ка тотчасъ же исключили. Рукопись признали принадлежащей Дрожжину. Священникъ, другъ-пріятель участковаго инспектора, на другой же день отвезъ рукопись ему въ Рыльскъ, а тотъ отослалъ Курскому жандармскому полковнику. Это было въ Августѣ.

Вскорѣ послѣ этого было перехвачено полиціей два письма Дрожжина къ учительницѣ К-ой, не содержащихъ ничего политическаго, а просто спорные вопросы о любви, и къ Н. Т. Изюмченку въ Курскъ одно, въ которомъ Евд. Ник. хотѣлъ его предупредить объ отобраніи рукописи и совѣтовалъ ему уничтожить, если у него есть что нибудь. Вслѣдствіе всего этого, Изюмченка арестовали по политическому дѣлу и посадили на гауптвахту.

28-го Сентября въ Толстый Лугъ пріѣхали жандармы подъ предводительствомъ отдѣльнаго корпуса

жандармовъ ротмистра В. Н. Деболи, адъютанта жандармскаго управленія. Онъ произвелъ самый тщательный обыскъ, какъ во дворѣ Дрожжиныхъ, такъ и у сестры Евдокима Никитича Дарьи Никитичны Червяковой, вдовы, живущей отдѣльнымъ хозяйствомъ, бывшей смѣлой въ выраженіи своего сочувствія брату. Этому пріѣхавшему жандармскому офицеру Деболи Дрожжинъ показалъ такъ: рукопись принадлежитъ ему, переписана еще въ Бѣлгородѣ съ печатной, но отъ кого — не помнитъ; дана Изюмченку для прочтенія съ предварительнымъ разъясненіемъ, что̀ въ ней есть нехорошее, именно то, что возбуждаетъ на мщеніе, что строй жизни изображенъ въ ней вѣрно, но на это нужно смотрѣть совершенно хладнокровно, что за зло нужно платить добромъ, что притѣсняющіе люди достойны только жалости, что ихъ нужно остерегаться, но не мстить, чтобы не уподобиться имъ. Семенъ Изюмченко на дознаніи подтвердилъ все это, сказавъ, что С-ку онъ далъ по секрету отъ Дрожжина.

Но кромѣ обвиненія Дрожжина въ распространеніи имъ „Сказки о 4-хъ братьяхъ", на него былъ сдѣланъ священникомъ доносъ еще въ томъ, что онъ ложно толкуетъ Евангеліе. Поводомъ къ этому было слѣдующее, какъ пишетъ Дрожжинъ въ своихъ запискахъ:

„Разъ я сидѣлъ въ чужой хатѣ и въ присутствіи человѣкъ пяти, въ числѣ которыхъ троимъ предстоялъ призывъ, объяснялъ тексты Евангелія 5-й главы отъ Матѳея о присягѣ и войнѣ, и 53-ей о власти царской и духовной. Между прочимъ, я рѣзко выражался о чудотворствѣ Николая на соборѣ. Въ этой хатѣ въ числѣ рекрутовъ, которымъ я говорилъ, что воевать и присягать не нужно, былъ одинъ, жена котораго — сестра учителя мѣстнаго училища, а учитель женатъ на племянницѣ мѣстнаго богатаго

протоіерея и мужья эти между собою кумовья. Въ руки этого попа и этого учителя попала рукопись отъ С-ка въ началѣ Августа. Кумъ учителя, рекрутъ, слыхалъ мое толкованіе Евангелія и видалъ „пособіе къ чтенію“ (указатель — въ какой главѣ Евангелія найти, напримѣръ, о попахъ, о постахъ, о церквахъ, о царяхъ, о князьяхъ и т. п. вещахъ) и хотя не имѣлъ злого намѣренія, но почему нибудь сказалъ женѣ, та брату, тотъ попу, а попъ, когда пріѣхалъ жандармскій офицеръ и остановился въ училищѣ, наговорилъ ему, что Дрожжинъ пороздалъ какія-то „прокламаціи“ и говорилъ въ присутствіи такихъ-то, что царя не нужно, а также и поповъ упразднить слѣдуетъ, присягать, воевать не надо, податей тоже, или не нужно, или что это грабежъ, храмы Божіи обратить въ магазины для ссыпки овса, и опять „прокламаціи“.

„Ну, натурально, офицеръ принялся за это, а я не счелъ нужнымъ скрывать что нибудь и сказалъ что̀ изъ этого всего дѣйствительно было. Составили протоколъ, а такъ какъ знакомые мои не сочли нужнымъ отдать свои прокламаціи, а офицеръ просилъ, то я взялъ у одного и представилъ таковую, т. е. „пособіе“.

Въ протоколѣ Дрожжинъ показалъ слѣдующее:

...Съ Н. Т. Изюмченко я познакомился 5 лѣтъ тому назадъ, принялъ его за хорошаго человѣка, и потому, сталъ его пріятелемъ; былъ съ нимъ откровененъ; желалъ, чтобы и онъ имѣлъ такіе же взгляды на міръ, какіе имѣлъ тогда я. За послѣднее время я съ нимъ не видѣлся съ поступленія его на службу, но переписку велъ, хотя незначительную . . . Въ перепискѣ же старался выразить и то, что я перемѣнился къ лучшему и что изъ соціалиста-атеиста я сталъ вѣрующимъ въ начало началъ — Бога Отца, Христа

и его Евангеліе, каковой перемѣны желалъ и въ немъ.

„Ученіе, которое я исповѣдую, есть ученіе, проповѣданное Христомъ, ученіе любви и добра, изложенное въ Евангеліяхъ 4-хъ евангелистовъ. А такъ какъ Христосъ завѣщалъ проповѣдывать Евангеліе, то я стараюсь это дѣлать . . . Въ православный храмъ не хожу на основаніи текста Евангелія о духовномъ храмѣ, вообще все внѣшнее богопочитаніе, обряды и таинства я отвергаю на основаніи Евангелія. П-ну*) о присягѣ я объяснялъ такъ: новобранцы и привлеченные въ судъ попами приводятся къ присягѣ, а въ Евангеліи сказано: „не клянись вовсе . . .“ (Мѳ. V, 33—38). Но я не говорилъ, что не присягай, когда прикажутъ.

„Пособіе къ чтенію Евангелія я предлагалъ слушающему для того же, для чего имѣлъ самъ. Своихъ убѣжденій и образа пониманія Евангелія я никому не навязывалъ, но на предлагаемые вопросы и при удобномъ случаѣ я считалъ обязанностью высказать ихъ, при этомъ имѣлъ въ виду всегда, чтобы то или другое пониманіе у слушателя родилось само собой. При разговорѣ съ П-ымъ о святыхъ я тоже употреблялъ, принятый мною, методъ о зарожденіи понятій слушающаго самодѣятельно; напримѣръ, Николай въ спорѣ съ Аріемъ ударилъ его, и за это его назвали строгимъ поборникомъ вѣры Христовой, а Христосъ, когда *его брали въ саду и когда его били*, смирялся и вообще не велѣлъ драться, поэтому Николай, какъ не исполнившій одной изъ заповѣдей Христа, не на столько святъ и безукоризненъ, какъ это понимаютъ. Вопросы касательно царей, правительствъ и сильныхъ міра сего, я раз-

*) Крестьянинъ, призывавшійся къ военной службѣ, чрезъ котораго стало извѣстнымъ священнику о разговорѣ Дрожжина съ крестьянами.

рѣшаю на основаніи Евангелія такъ: кто хочетъ быть старшимъ, будь слугой; не противься, когда у тебя берутъ что нибудь и когда тебя насилуютъ: лучше умереть ради исполненія заповѣди о непротивленіи злу, указанной въ проповѣди о нелюбостяжаніи.

„Читать и объяснять Евангеліе я вынужденъ былъ съ начала Сентября. Около этого времени товарища Б., гостившаго у меня, прогнали изъ Толстаго Луга. Священникъ Тарновскій распустилъ про меня и еще нѣкоторыхъ слухъ, что будто бы всѣ мы повыбросили иконы, не умываемся и т. п. Все это такъ настроило Толстолуговцевъ, что всѣ почти полѣзли ко мнѣ за разъясненіями.

„Бывшія у меня книги и записки я отправилъ тому лицу, отъ котораго получилъ, такъ какъ догадался, что мнѣ предстоитъ обыскъ, а лишаться книгъ я не желалъ. Всѣ записки и книги у меня религіозно-нравственнаго содержанія, революціоннаго же нѣтъ ничего. Кому отослалъ эти книги и кто Т-мъ, о которомъ я упоминаю въ концѣ письма къ Изюмченку, я лицъ этихъ назвать не хочу.“

Послѣ протокола Дрожжинъ заявилъ, что считаетъ своимъ долгомъ читать Евангеліе и впередъ не оставитъ этой привычки.

„Въ результатѣ“, пищетъ онъ въ запискахъ,„ получилось: 1) распространеніе революціонной рукописи, и 2) подтасовка текстовъ Евангелія, имѣющая цѣлью потрясеніе основъ общественной жизни.

„Затѣмъ послѣдовали 252 и 318 статьи уложенія о наказаніяхъ, обывательская подвода съ полицейскимъ и Курская тюрьма.“

Когда Дрожжина взяли и повезли въ тюрьму, собравшіяся и понявшія, въ чемъ дѣло, бабы плакали, а мужики говорили: „хай тобі Богъ помога!“

Онъ же самъ, сидя въ телѣгѣ, говорилъ, какъ передавала мнѣ его мать, провожавшимъ и столпив-

шимся около него людямъ: „Читайте Евангеліе, все познаете, читайте!“

Въ Курскѣ Дрожжинъ былъ заключенъ въ большую, свѣтлую и сухую комнату съ окномъ надъ подъѣздомъ, но строгость въ тюрьмѣ была ужасная. Бросивши за полгода до ареста курить табакъ, онъ тутъ отъ скуки опять надумалъ, написалъ прошеніе и получилъ разрѣшеніе; также были разрѣшены и письменныя принадлежности и книги.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ было сдѣлано распоряженіе объ увольненіи его отъ должности сельскаго учителя.

Въ это же время въ Толстый Лугъ пріѣзжали еще раза три жандармы, и, стараясь найти болѣе серьезные поводы для преслѣдованія Дрожжина, перевернули чуть не всю деревню, съ кѣмъ онъ видѣлся, куда ходилъ, что говорилъ и т. д., напали еще на слѣды прокламаціи и захватили ее. Это была книжка „Римскій мудрецъ Эпиктетъ.“ Изд. Посредника, цѣна 8 коп.

Но, очевидно, власти сами видѣли, что не было никакихъ серьезныхъ поводовъ для законнаго преслѣдованія Дрожжина, и жандармскій полковникъ разрѣшилъ ему свиданіе съ родными. Черезъ родныхъ онъ, сидя въ тюрьмѣ, получалъ отъ сосѣдей много выраженій сочувствія. Они приносили ему гостинцы и полтинники.

Вообще, въ отношеніяхъ Дрожжина съ односельцами произошла въ послѣднее время большая перемѣна. Вотъ что̀ онъ самъ пишетъ объ этомъ въ дневникѣ своемъ: „Въ 1884—5—6—7 годахъ меня ненавидѣла вся деревня за то, что, во первыхъ, съ малолѣтства я былъ самый буйный мальчикъ, а къ 20 годамъ надѣлъ сюртукъ и пересталъ ходить въ церковь. И я ни съ кѣмъ не сходился. Насолить-то я насолилъ, а не искупилъ этого ничѣмъ. И вотъ результатъ: товарищей моихъ превозносятъ, что они

прилично одѣты (я былъ всегда небреженъ), получаютъ больше жалованья, разумны въ рѣчахъ и поступкахъ, вообще зрѣлы, и гордились, когда состоятъ съ ними въ дружбѣ. Во мнѣ были свойства противуположныя, меня презирали. Но въ 1889—90 годахъ я скинулъ сюртукъ; вспомнилъ, что я еще не забылъ, какъ пашутъ. Нѣкоторые не одобряли, говоря, что получая жалованье, не стоитъ мучиться, но большинство и всѣ родственники какъ бы обрадовались на мгновеніе и опять перестали обращать на меня вниманіе. Въ сущности же, именно въ это-то мгновеніе и произошла перемѣна во взглядѣ мужика: тому, что я пашу и кошу, не придали особаго значенія, такъ какъ это, вѣроятно, есть необходимое условіе довѣрія, но за довѣріемъ послѣдовало расположеніе и прощеніе прежнихъ моихъ безобразій. Встрѣчаясь на сѣнокосѣ, уже не говорятъ: „Овдокимъ Микитичъ; охота тобі мучицця, лежавъ бы у холодку", но безъ всякаго снисхожденія, идя за мною ручку (рядъ), рѣжетъ пяты, и скучаетъ, когда я не успѣваю уходить. А потомъ беретъ мою косу и пробуетъ — хороша ли; если нѣтъ, то пробуетъ самъ отточить ее, исправляетъ посадку, приловчается сперва самъ, а потомъ и меня учитъ, какъ нужно приловчаться къ моей косѣ, даетъ пробовать свою и т. д. Словомъ относится къ моему невѣжеству безъ осужденія, но требователенъ въ обязанностяхъ."

„Одновременно съ такимъ взглядомъ на мой трудъ, и на мои убѣжденія стали смотрѣть тоже иначе. Родные говорили: „Глущенківъ *), учитель, казавъ: „Бога нема", и всячески злословили, что въ церковь не хожу, а теперь про это молчокъ. И хотя не могутъ оправдать совершенно, но даютъ такое сни-

---

*) Глущенковы — уличное прозвище Дрожжиныхъ.

схожденіе, что равняютъ съ собой: „Э, молъ, ничего! я самъ на Великъ день только бываю“.

„Есть въ деревнѣ люди, которые по нѣскольку лѣтъ не говѣютъ; такіе есть въ каждой деревнѣ — и народъ смотритъ на это сквозь пальцы, даже тогда, когда это бываетъ по причинѣ пьянства; есть такія болтушки, которыя говорятъ такія вещи (самыя обыкновенныя, конечно), что будь болтунъ въ сюртукѣ и мало знакомый — его бы „замели“ или, по крайней мѣрѣ, „обратили бы вниманіе“, тогда какъ болтовню своихъ мужики слушаютъ равнодушно.

„Какъ свой человѣкъ, я могъ свободно войти въ каждую хату и говорить что угодно. Въ другомъ мѣстѣ меня, а въ Толстомъ Лугѣ другого, за тѣ же слова сейчасъ же сперли бы меньшіе братья, а мнѣ это не угрожало, потому что изъ 200 домовъ въ деревнѣ враждебныхъ могло быть не болѣе 20, а остальные то родственники, то сосѣди, то друзья. Ко мнѣ относились безъ почтенія, но какъ къ близкому. Въ нашей деревнѣ были и еще учителя, имъ говорятъ многіе „вы“ и величаютъ по имени и отчеству, мнѣ ни за что не скажутъ „вы“, а „Овдошъ“ (Глущенківъ) За то меня многіе *любили*, а товарищей почитали. Ни одинъ мужикъ или баба въ деревнѣ не задумается въ критическую минуту кликнуть меня: „Ей, Овдошъ, пособи свинью загнать“, потому что я быстроногъ и блистательно исполню просьбу. Моему товарищу ни въ жизнь такъ не прикажутъ.“

Въ Апрѣлѣ 1891 г. (спустя полгода послѣ арестованія) въ тюрьму пріѣхалъ тотъ же жандармскій офицеръ Деболи и объявилъ Дрожжину, что слѣдствіе по его дѣлу окончено и что онъ, Дрожжинъ, былъ отчасти правъ, говоря, что его дѣло въ сущности ничтожное, недостаточное для арестованія, что они сами его раздуваютъ. Офицеръ прибавилъ, что, можетъ быть, Совѣтъ Министровъ найдетъ достаточ-

нымъ наказаніемъ просиженные 6 мѣсяцевъ и что можно выйти на поруки.

Отецъ Евдокима Никитича досталъ у сосѣдей 400 рублей и прислалъ ихъ, какъ поручительство, и въ Іюнѣ мѣсяцѣ (послѣ 8 мѣсяцевъ заключенія) Дрожжина выпустили на свободу, но взяли съ него подписку, что онъ не будетъ отлучаться изъ дому. Выйдя изъ тюрьмы, Дрожжинъ пошелъ въ лагери къ Изюмченку, который тоже, просидѣвъ 5 мѣсяцевъ, былъ освобожденъ. Изюмченко напоилъ Дрожжина чаемъ и они пошли вмѣстѣ въ городъ. Всю ночь они просидѣли на городскомъ кладбищѣ, находящемся вблизи вокзала, и проговорили про ученіе Христа.

„До арестованія", пишетъ Дрожжинъ: „Изюмченко продолжалъ въ Курскѣ быть такимъ, какимъ былъ дома: дебоширомъ, шутомъ... И жандармскій офицеръ мнѣ говорилъ: „Вѣдь этотъ Изюмченко, по свидѣтельству его же товарищей (писарскихъ учениковъ), не имѣетъ никакой нравственной почвы!" Но вотъ его арестовали, и совершилась слѣдующая перемѣна: Изюмченко, нужно полагать, созналъ, что то, что̀ въ немъ предполагаютъ, не шутка, когда правительство такъ поступаетъ, что онъ страдаетъ за святую идею, а не за воровство (хотя собственно онъ ничего не сдѣлалъ въ политическомъ смыслѣ, однако чувствовалъ себя способнымъ къ тому и былъ бы болѣе доволенъ собой, если бы сдѣлалъ). Зналъ онъ и говорилъ, что нѣтъ правды и счастья на бѣломъ свѣтѣ, и зналъ, что онъ говорилъ хорошія слова. Но онъ, вмѣсто похвалы себѣ за это, слышитъ лишь то, что онъ фигляръ и развратникъ, а еще ищетъ какой то правды! Конечно, его забрало за живое." И онъ рѣшился доказать, что онъ серьезный человѣкъ; ему даже не пришлось много работать надъ собой: онъ давно былъ добрый, искренній и способный дѣлать все хорошее, и не дѣлалъ только

потому, что никто этого отъ него не требовалъ, а теперь видитъ, что это требованіе предъявляется самимъ его положеніемъ, призваніемъ. И вотъ, я, освободившись изъ тюрьмы, нахожу Изюмченка совершенно инымъ человѣкомъ. Заключеніе принесло ему положительное благо. На другой день я разстался съ нимъ и уѣхалъ домой."

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Дрожжинъ былъ въ своемъ уѣздномъ городѣ Суджѣ и видѣлся тамъ съ Н. И. Дудченкомъ. Вотъ какъ сообщаетъ мнѣ Н. И. объ этомъ свиданіи: „Я работалъ въ столярной мастерской, когда ко мнѣ вошелъ Дрожжинъ. Поздоровавшись, онъ сказалъ, что, узнавши о моей высылкѣ и будучи въ городѣ, зашелъ провѣдать меня. Мы пошли съ нимъ купаться; дорогою и сидя у рѣки, разговорились о томъ — о семъ. Между прочимъ, онъ мнѣ разсказалъ, что недавно вернулся изъ Курска, гдѣ просидѣлъ 8 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, находясь подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ участіи въ революціонномъ движеніи, что слѣдствіе надъ нимъ по этому дѣлу кончено и онъ въ этомъ отношеніи оправданъ. „Теперь бы, говоритъ, жить дома спокойно, работать, помогать брату въ хозяйствѣ. Но дѣло въ томъ, что меня осенью призываютъ къ отбытію воинской повинности, такъ какъ я не отслужилъ остающихся трехъ лѣтъ учителемъ и, слѣдовательно, льготы лишился. Служить въ солдатахъ я не могу, — это противно моему убѣжденію, а за отказъ, навѣрно, попаду подъ судъ и вообще подвергнусь преслѣдованію."

Говорилъ онъ это спокойно, какъ человѣкъ обсудившій предстоящее ему дѣло и рѣшившійся на него. Но въ голосѣ его слышалась грусть, страданіе. Мы разстались, такъ какъ ему нужно было въ тотъ день возвратиться домой въ деревню."

Недѣли черезъ двѣ послѣ освобожденія Дрожжина

изъ Курска, вдругъ къ нему приходитъ Изюмченко:

— Я ушелъ со службы.

— Почему?

— А вотъ почему: ротный командиръ запретилъ мнѣ читать что бы то ни было, а я сказалъ ему, что я этого не могу сдѣлать и читать всегда буду, потому что умѣю читать и желаніе есть, а для подписи вамъ книгъ чужихъ не отдаю, потому что вы такимъ образомъ уже 2 книги не отдали, а онѣ чужія. Меня отдали подъ судъ „за неисполненіе приказанія", перевели въ разрядъ штрафованныхъ и хотѣли сейчасъ же дать 50 ударовъ, такъ я пришелъ къ тебѣ, чтобы поговорить, пожить, запастись крѣпостью.

Они прожили вмѣстѣ 2 недѣли и поѣхали къ Хилкову. Въ это время тамъ гостила М., которая доказывала, что Изюмченку не слѣдуетъ возвращаться, а разъ убѣжалъ, то слѣдуетъ продолжать скрываться, а не идти на вѣрныя страданія, между тѣмъ какъ Дрожжинъ и Хилковъ совѣтовали возвратиться въ полкъ, отдать ружье и отказаться отъ службы. Изюмченко рѣшилъ поступить такъ, какъ совѣтовали Дрожжинъ съ Хилковымъ. Онъ одинъ отправился на лошади Дрожжина домой, а Евдокимъ Никитичъ пошелъ въ другое мѣсто. Дорогой Изюмченко рѣшилъ не идти до Курска пѣшкомъ — 100 съ лишнимъ верстъ, — а арестоваться въ своемъ селѣ, и съ этимъ намѣреніемъ самъ явился къ сотскому и разсказалъ, въ чемъ дѣло. Жандармъ уже дня три жилъ тамъ, очень обрадовался и отправилъ его въ Курскъ. Съ вокзала его прямо посадили на гауптвахту и когда произвели дознаніе о побѣгѣ, то онъ заявилъ, что мало того, что онъ ушелъ, но что теперь онъ и служить не будетъ, потому что военная служба есть гадкое дѣло.

Дрожжинъ, между тѣмъ, жилъ дома въ Толстомъ

Лугѣ. Вотъ какъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ и его семьей Н. И. Дудченко. „Исполняя обѣщаніе“, пишетъ онъ мнѣ: „Я зашелъ къ Дрожжину въ Толстый Лугъ. У нихъ дома была только старуха мать, остальные были въ полѣ, на жнивахъ. Встрѣтила она меня съ маленькимъ безпокоиствомъ, но это сейчасъ же прошло, она меня узнала, — очевидно, была предупреждена. Она повела меня въ хату и, какъ только мы вошли, начала плакать и причитать, жалуясь на нашу горькую судьбу (она разумѣла сына и его друзей). Я сталъ ее утѣшать и она скоро успокоилась. Все время, пока я былъ у нея, она разсказывала о жизни сына. Она не жаловалась на него, что сынъ бросилъ учительскую должность, не упрекала его въ томъ, что онъ измѣнилъ свои убѣжденія, такъ какъ считала, что измѣнилъ онъ ихъ къ лучшему, но она удивлялась и скорбѣла о томъ, что преслѣдуютъ людей за то, что въ нихъ есть самаго лучшаго и къ чему бы ихъ, по ея мнѣнію, слѣдовало поощрять. Она нѣсколько разъ повторяла: „Усі-жъ то васъ ненавыдять, усі-жъ то вамъ зло діють, хочь бы вы міжъ собою були дружны, хочь бы одынъ другого не забувалы!“ — Мнѣ нужно было уходить; она мнѣ разсказала, какъ найти работающихъ въ полѣ, и я ушелъ напутствуемый ея пожеланіями и благословеніями. Евдокимъ Никитичъ съ братомъ косили хлѣбъ. Пробылъ я съ ними нѣсколько минутъ. Разговора почти не было. Евдокимъ Никитичъ былъ грустенъ и спокоенъ, братъ былъ тоже грустенъ. Я простился съ ними и ушелъ.“

Когда я въ Мартѣ нынѣшняго (94) года былъ въ Толстомъ Лугѣ, мать Евдокима Никитича съ особенной любовью вспоминала это двухмѣсячное пребываніе у нихъ ея сына и съ трогательною тщательностью и подробностями передавала мнѣ

его разговоры. Семья Дрожжиныхъ состоитъ изъ старика отца — Никиты, матери Софіи, семейнаго брата Петра Никитича и сестры вдовы Дарьи Никитичны, живущей отдѣльно съ двумя дѣтьми. Петръ — умный, читающій и дѣловитый крестьянинъ, весь увлеченный своими хозяйственными планами и дѣлами, ссорится и со старикомъ, и съ сестрой изъ за имущества. Когда былъ живъ Евдокимъ Никитичъ, онъ однимъ своимъ присутствіемъ, своимъ примѣромъ безкорыстія и доброжелательства умиротворялъ ихъ и сдерживалъ брата; теперь же мирить ихъ приходится старушкѣ, не имѣющей больше поддержки въ сынѣ. Она уже выплакала всѣ слезы объ умершемъ и только морщится отъ внутренней боли, когда вспоминаетъ и говоритъ о немъ.

Онъ часто уговаривалъ свою мать, чтобы она не завидовала, не была жадна, не желала бы богатства. А она обыкновенно говорила, что какъ же не желать, когда все время въ нуждѣ. А онъ отвѣчалъ: „Ну, и довольно съ васъ. Что же вы, хотите, чтобы у васъ въ хатѣ, какъ у Терещенка *), рыбы по потолку за стекломъ ходили?“

Давно уже у нихъ въ деревнѣ умеръ вдовецъ и у него остались малолѣтнія дѣти и земля ихъ была отдана Дрожжинымъ. Теперь эти дѣти выросли и не имѣютъ своего надѣла, и земля ихъ не давала покою Евдокиму Никитичу. Много разъ дома, а потомъ въ письмахъ, онъ уговаривалъ родныхъ возвратить эту сиротскую землю.

„Больше всего“, говорила мнѣ мать Евдокима Никитича, онъ не любилъ поповъ и пановъ“. Одинъ разъ, когда всѣ были въ хатѣ, къ нимъ вошелъ слѣпецъ. Вошелъ, сѣлъ у двери и сталъ пѣть. И когда онъ запѣлъ извѣстную пѣсню:

---

*) **Мѣстный богачъ.**

Неправда съ панами
За столомъ пыруе,
Правда-жъ підъ столомъ
Сыдыть тай горюе. . .

Евдокимъ Никитичъ вдругъ вскочилъ со своего̀ мѣста и говоритъ:

—„Эге-жъ, мамо, отто правда! Хиба я не такъ казавъ?“

Онъ любилъ музыку и самъ хорошо игралъ на скрипкѣ. Любимая его пѣсня была:

Проснется день; его краса
Украситъ Божій свѣтъ.
Увижу море, небеса,
А родины ужъ нѣтъ.
Отцовскій домъ покинулъ я,
Травой онъ заростетъ,
Собака вѣрная моя
Завоетъ у воротъ. . . .

—„Какъ онъ ее заиграетъ. такъ я и плачу“, говорила мнѣ его мать, „а если веселую заиграетъ, такъ всѣхъ разсмѣшитъ.“

—Мать его часто говорила съ нимъ о его предстоящемъ испытаніи, но не только не отговаривала его отъ его рѣшенія, а понимала и сочувствовала его убѣжденіямъ. Она мнѣ нѣсколько разъ говорила, что рада, что не удерживала его, не помѣшала ему дѣлать то, что ему Богъ положилъ на душу. Какъ мать, предвидя его страданія, она болѣла за него сердцемъ и жаловалась ему. „Я стану горювать“, говорила она мнѣ: погубишь себя“, кажу, „сыночку.“ А вінъ каже: „Царство Божіе приближается, мамо, не жалѣйте обо мнѣ“. „И никого не побоявся и никого не постыдився“, прибавляла старуха; „пронесусь“, каже, „мамо, что ни будетъ, — не потаюсь, а то на моей душѣ грѣхъ будетъ“.

ГЛАВА II.

Призывъ, Курскъ, Харьковъ, Орелъ.

3-го Августа начались его испытанія. Рано утромъ въ этотъ день онъ выѣхалъ съ матерью изъ Толстаго Луга въ Суджу, гдѣ онъ долженъ былъ явиться на призывъ. Онъ ѣхалъ съ намѣреніемъ отказаться отъ военной службы и съ готовностью перенести тѣ послѣдствія, которымъ подвергались тѣ, которые раньше его отказывались отъ военной службы и которые должны были быть извѣстны ему: Залюбовскій, отправленный въ Туркестанъ на полтора года и на одинъ годъ въ дисциплинарный батальонъ; Хохловъ, сидѣвшій двѣ недѣли въ сумасшедшемъ отдѣленіи и отпущенный за негодностью по болѣзни; Любичъ, посланный на Китайскую границу въ нестроевыя роты и др. Дрожжинъ могъ разсчитывать и для себя на подобныя же сравнительно легкія послѣдствія отказовъ отъ военной службы, могъ ожидать и болѣе тяжелыхъ, но едва ли ожидалъ и предвидѣлъ то, что надъ нимъ впослѣдствіи сдѣлали.

Въѣхавши съ матерью въ Суджу, они увидали на крыльцѣ аптеки человѣка, который закричалъ:

—Это Дрожжинъ?

—Дрожжинъ.

—Почемъ онъ тебя знаетъ? спросила мать.

—Меня тутъ всѣ знаютъ.

Дѣйствительно, Дрожжина въ Суджѣ знали, ждали его и знали, что онъ намѣренъ отказаться отъ службы. Узнали это потому, что Суджанскій священникъ Тарновскій былъ родственникъ священнику въ Толстомъ Лугѣ, съ которымъ Дрожжинъ имѣлъ многочисленные разговоры и столкновенія.

Въ 9 часовъ утра Дрожжинъ явился къ воинскому начальнику, но долженъ былъ ждать его пробужденія до 1-го часу по полудни. Наконецъ, воинскій начальникъ всталъ, поѣлъ и отправился купаться, а Дрожжину велѣли опять ждать.

„Это показалось мнѣ страннымъ,“ пишетъ Дрожжинъ: ждалъ я до 3-хъ часовъ и, не дождавшись, голодный, и помня, что лошади также голодны, уѣхалъ домой. О, какой переполохъ изъ этого вышелъ. „Дрожжинъ ушелъ.“ Сельскимъ властямъ былъ данъ строгій приказъ арестовать и привести. Но я, управившись съ кое-какими дѣлами, явился самъ. Вхожу къ дѣлопроизводителю (поручикъ):
—„Ты зачѣмъ ушелъ?“
—Въ первый разъ я слышу отъ людей, носящихъ приличную одежду, „ты“, и волосы на головѣ шевелятся. Даже чувствую, что поблѣднѣлъ, хотя спокоенъ. Съ этого времени меня не пустили болѣе назадъ, и я сталъ ждать пріема. Солдаты и писаря скоро узнали мое намѣреніе и большинство не одобрило.“

„Спустя нѣсколько дней мнѣ вдругъ писарь говоритъ, что такъ какъ я еще не принятъ, то на меня пищи казенной не будетъ полагаться. Я сказалъ, что не можетъ этого быть, чтобы меня, задерживая, не кормили, но онъ сказалъ, что такъ ему начальство приказало. Тогда я сказалъ, что въ такомъ случаѣ я пойду домой, потому что пищи у меня нѣтъ. Писарь понялъ это по своему и доложилъ начальству, что Дрожжинъ намѣревается бѣжать. Началь-

ство безъ провѣрки приказываетъ кормить меня, *но держать подъ арестомъ.* На пыльномъ полу, безъ всякой мебели, съ однимъ пиджакомъ, провелъ я двое сутокъ. Очень было неудобно. И досаднѣе всего то, что въ комнатѣ окна отворялись. Когда мнѣ было нужно, я, не безпокоя, солдатъ, вылѣзалъ въ окно, шелъ до вѣтру и возвращался на мѣсто. Меня впослѣдствіи всегда возмущали болѣе такія стѣсненія, которыя были глупы. Напримѣръ, не позволяютъ писать письмо, не зная того, что стоитъ только употребить нѣкоторыя хлопоты и я буду отправлять письма и помимо начальства. Къ такимъ мѣрамъ, лишеннымъ замысловатости, но свидѣтельствующимъ о желаніи учинить наибольшую пакость, я всегда не чувствовалъ уваженія и возмущался ими."

8-го Августа Дрожжинъ былъ на пріемѣ и несмотря на то, что воинскій начальникъ, вопреки врачамъ, не хотѣлъ его принимать, такъ какъ онъ не выходилъ въ груди на полвершка, — онъ всетаки былъ принятъ „по общему состоянію здоровья."

Въ этотъ же день вечеромъ Дрожжина повели въ церковь, требуя отъ него присяги. Онъ отказался. „При разговорѣ съ священникомъ," пишетъ Дрожжинъ въ одномъ письмѣ: „выяснилось, что я, не присягая и не дѣлая многаго другого, не могу назваться православнымъ. На приведенный мною текстъ V главы отъ Матѳея, стихъ 34, священникъ отвѣтилъ: „Мало- ли чего!" Я отвѣчалъ тоже. Наконецъ, священникъ сказалъ: „Мы дѣлаемъ то, что отъ насъ требуютъ, а если вы не хотите, то какъ знаете," и сейчасъ же разоблачился. Воинскій начальникъ уговаривалъ и далъ на раздумье сроку до сегодняшняго дня, и вотъ сегодня меня арестуютъ и отправятъ въ тюрьму, потомъ въ Курскъ, а оттуда въ Восточную Сибирь (должн

быть, есть такой законъ, что таковымъ дается служба безъ присяги въ Сибири, на Амурѣ. Любичъ возвратился, очень доволенъ . . .) Всѣхъ денегъ у меня теперь 6 рублей, да братъ, можетъ быть, дастъ рублей 10 . . . Вообще полагаю, хорошо бы было принести на мѣсто рублей 20, чтобы обзавестись хозяйствомъ, потому что врядъ ли я оттуда возвращусь."

10-го воинскій начальникъ опять имѣлъ разговоръ съ Дрожжинымъ и предупреждалъ его, что если онъ не присягнетъ, то онъ назначитъ его на Амуръ. Но угроза эта не могла имѣть для Дрожжина серьезнаго значенія, такъ какъ, еще будучи учителемъ и постоянно терпя стѣсненія отъ начальства, онъ хотѣлъ перевестись на должность учителя въ Уссурійскій край, думая, что тамъ можно пользоваться бо̀льшей свободой въ дѣйствіяхъ, и уже наводилъ справки о формальностяхъ перевода туда.

Теперь, мечтая о ссылкѣ на Амуръ и готовясь къ ней, Дрожжинъ, очевидно, думалъ, что есть спеціальный законъ относительно отказывающихся отъ военной службы по религіознымъ убѣжденіямъ; на самомъ же дѣлѣ, такого закона не было. Во всѣхъ этихъ случаяхъ отказовъ отъ присяги и ношенія оружія ближайшія власти относились къ отказывающимся различно и неопредѣленно, и или отпускали ихъ подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ, или, содержа ихъ подъ секретомъ, подвергали различнымъ, назначаемымъ высшими властями, наказаніямъ. Но есть одна общая черта, присущая всѣмъ начальникамъ, къ которымъ попадались эти всегда секретныя дѣла, это желаніе отдѣлаться отъ такого страннаго и безпокойнаго человѣка, желаніе удалить его отъ себя, снять съ своей совѣсти отвѣтственность за тѣ страданія, которымъ будетъ неизбѣжно подвергнутъ этотъ смирный, безобидный

человѣкъ, виноватый только въ томъ, что онъ считаетъ для себя обязательнымъ исполненіе самыхъ низшихъ требованій христіанства — неубиванія своихъ братьевъ. Тоже, вѣроятно, чувствовалъ и Судженскій воинскій начальникъ, угрожая Дрожжину назначеніемъ его на Амуръ. Это было его личное желаніе, а не исполненіе какого-нибудь опредѣленнаго закона.

На другой день Дрожжинъ сидѣлъ на лавочкѣ съ унтеръ-офицеромъ и не всталъ на встрѣчу мимо проходящему воинскому начальнику; за это онъ былъ посаженъ въ темный карцеръ, но черезъ часъ выпущенъ, такъ какъ „еще ничего не зналъ по военному."

Черезъ нѣсколько дней, такъ какъ Дрожжинъ все-таки не соглашался присягать, воинскій начальникъ исполнилъ свое обѣщаніе — назначилъ его на Амуръ; 13-го Дрожжинъ былъ отправленъ изъ Суджи, а 14-го прибылъ въ Курскъ, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Сибирь.

Въ Курскѣ онъ былъ помѣщенъ на сборномъ пунктѣ.

„Здѣсь отношеніе солдатъ къ моему дѣлу было равнодушнѣе, чѣмъ въ Суджѣ," пишетъ онъ въ своихъ запискахъ. „Здѣсь попадались разные. Болѣе счастливые увѣряли, что долгъ каждаго служить вѣрой и правдой. Но тутъ же были и больные, шедшіе на поправку; нѣкоторые изъ нихъ, должно полагать, на себѣ испытавшіе много несправедливостей, соглашались со мной, что присяги никто не выполняетъ и что служить только тому хорошо, у кого въ карманѣ есть. Встрѣчались ѣхавшіе изъ дисциплинарныхъ батальоновъ, — эти прямо оправдывали меня, но *всѣ* безнадежно махали руками: „пропадешь, замучаютъ!" Въ нѣкоторыхъ озлоб-

ленныхъ подмѣтилъ какъ бы ревность и ихъ неодобреніе переводилъ такъ: „намъ досталось, а ты хочешь улизнуть; шалишь, вотъ тебѣ покажутъ!" Въ этомъ же мѣсяцѣ Дрожжина водили въ Курское Губернское Присутствіе для свидѣтельствованія здоровья, но и тутъ признали его годнымъ. Водили опять и къ священнику 67 резервнаго батальона для присяги, и этотъ священникъ отнесся бумагой начальству, что Дрожжинъ „евангелистъ."

„Достойно примѣчанія", говоритъ Дрожжинъ въ запискахъ, „столкновеніе съ дѣлопроизводителемъ. Этотъ уже старый человѣкъ очень былъ удивленъ: „Какъ? Ты, мужикъ, и служить не хочешь? Ты не присягалъ? Да я съ тебя, сволочь ты т-такая, шкуру сдеру" и т. д. „Я по принципу не отвѣчалъ обидой. Но внутри меня клокотало, въ особенности когда, вынувъ мою руку изъ-за пазухи и увидавъ, что я ее опять отправилъ туда же, онъ заставилъ солдата учить меня, какъ надо стоять. Солдатъ толкалъ меня въ животъ, въ ноги и установивъ, приказалъ не шевелиться."

„Очутившись на сборномъ пунктѣ", пишетъ Дрожжинъ, „я страшно остался собой недоволенъ за излишнее смиренство и вопрошалъ себя: почему бы мнѣ не сказать этому солдату-карлику: „отойди, а то съ ногъ сшибу!"

„Такое раскаяніе повторялось еще много разъ, потому что еще много разъ приходилось смиренничать (и замѣчательно, что это я дѣлалъ все не произвольно, а какъ бы руководясь непонятной причиной, которую я всегда, обсудивъ дѣло и найдя, что со мной поступаютъ низко и что мое смиренство только даетъ имъ силу и поводъ, такъ сказать, богохульствовать, и приходя въ озлобленіе на самого себя, —находилъ эту причину незаконною)."

Эта неясность и нерѣшительность въ оцѣнкѣ сво-

ихъ поступковъ происходила въ Евдокимѣ Никитичѣ, очевидно, отъ того, что дисциплина съ ея грубостью, которую онъ началъ на себѣ испытывать, попавъ въ военную среду въ качествѣ низшаго чина, возбудила въ немъ два совершенно противуположныя другъ другу чувства, которыя онъ не успѣлъ еще раздѣлить разсудкомъ: одно — оскорбленное самолюбіе, которое вообще было развито у Дрожжина и составляло его порокъ и источникъ страданій; другое же чувство — совершенно законное — сознаніе своего человѣческаго достоинства, попираемаго грубой, неразумной силой, и нежеланіе подчиниться этой силѣ, дѣйствующей во имя какихъ-то непризнаваемыхъ имъ правъ и законовъ, нежеланіе признавать ея власть надъ собой. Эти два, спутавшіеся между собой, мотива и мѣшали Дрожжину выяснить для себя свое положеніе и поведеніе. Но немного далѣе онъ чутьемъ пришелъ къ вѣрному рѣшенію этого вопроса, къ признанію необходимости одновременно и непротивленія властямъ, и неподчиненія имъ.

„Не понималъ я того," говоритъ онъ, „почему, отказываясь присягать и служить, считаю нужнымъ исполнять приказаніе швейцара раздѣться до гола и явиться въ такомъ видѣ людямъ, да еще швейцаръ толкаетъ, такъ повелительно: „скорѣй, будутъ тебя ждать!"

„Еще, почему я, очутившись, по оплошности комиссіи, одинъ, безъ провожатаго, среди Курска, очень спѣшилъ только на минутку взглянуть на нѣкоторыхъ знакомыхъ, а потомъ бѣгомъ побѣжалъ на сборный пунктъ, боясь, чтобы не подумали, что я бѣжалъ. Что я этимъ хорошаго дѣлалъ, когда можно было спокойно переночевать, написать письма (такъ какъ мнѣ и этого не позволяли)?

—Еще: почему я, если бы мнѣ сказали; поѣзжай

изъ Курска въ Харьковъ безъ надзора, даже не давъ на то слова, дѣйствительно бы исполнилъ это въ точности!"

— „И еще: почему я, не признавая человѣческаго суда вообще, добровольно и даже безъ чувства омерзѣнія (напротивъ, съ чувствомъ удовольствія) становлюсь подъ конвой, иду туда, куда приказываютъ, стою въ прихожей, жду, и при входѣ, напримѣръ, полковника обязательно встаю? А въ залѣ суда сидятъ наряженные люди и такъ сосредоточились въ привычномъ опредѣленномъ положеніи, такъ легкомысленно увѣрены, что по ихъ мановенію подсудимый встанетъ въ указанномъ мѣстѣ, что если бы вдругъ въ такую минуту подсудимый нашелъ лишнимъ стоять передъ ними, такъ какъ онъ этого не понимаетъ, и не пошелъ бы въ залу суда, то судъ, навѣрно, растерялся бы и не зналъ бы что дѣлать: тащить ли его въ залу силою. или не употреблять этого пріема."

„Всѣ эти вопросы имъ никто не ставилъ раньше, и я не разрѣшалъ ихъ. К-чъ, по моему, правильно сдѣлалъ, что не сѣлъ въ линейку, пока не понесли и не посадили*). Если бы кто нибудь сказалъ, что онъ этимъ заставилъ людей употребить насиліе, т. е. подалъ поводъ къ соблазну, то на это можно сказать то, что, напротивъ, онъ этимъ показалъ, что онъ не дѣлаетъ того, чего не должно бы быть, что въ дѣлѣ насилія надъ собой не хочетъ быть участникомъ. Глупо идти добровольно на судъ, если его не признаешь. Если мы, уклоняясь отъ судовъ, и подаемъ поводъ отдѣльнымъ лицамъ увеличивать противъ насъ грѣховныя мѣры, то, съ другой стороны не поддерживаемъ общественнаго мнѣнія, что судъ есть торжественный актъ."

---

*) При арестованіи у Д. А. Хилкова.

Во все время пребыванія Дрожжина въ Курскѣ, его держали, какъ арестанта, подъ надзоромъ и не пускали въ городъ. Книги, присланныя ему по почтѣ, вмѣстѣ съ письмомъ, были задержаны и вмѣстѣ съ отобранными раньше при, произведенномъ у него нарочно для того, обыскѣ неизвѣстно куда дѣлись.

Въ Курскѣ Дрожжинъ пробылъ мѣсяцъ. Бригадный командиръ, квартирующій въ Харьковѣ, узнавъ объ его отказѣ, пожелалъ его видѣть лично и потребовалъ въ Харьковъ. 13-го Сентября его отправили туда.

По прибытіи въ Харьковъ, онъ былъ помѣщенъ на сборномъ пунктѣ, въ пересыльной казармѣ. Здѣсь онъ пробылъ нѣсколько больше мѣсяца, все время, какъ арестантъ, подъ надзоромъ капраловъ, которые, впрочемъ, относились къ нему съ уваженіемъ.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ его потребовали къ бригадному командиру. Евдокимъ Никитичъ явился. Бригадный командиръ сталъ его спрашивать о причинахъ его отказа отъ службы, но, вѣроятно, обращался и говорилъ съ нимъ по начальнически, чего Дрожжинъ не могъ выносить. Онъ не счелъ нужнымъ отвѣчать командиру и не проронилъ ни слова. Командиръ разсердился, обругалъ его идіотомъ и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы назначеніе Суджанскимъ воинскимъ начальникомъ Дрожжина на Амуръ было отмѣнено и чтобы онъ былъ зачисленъ въ 62 резервный батальонъ, стоящій тутъ же въ Харьковѣ. Это и было сдѣлано, несмотря на то, что Дрожжинъ, какъ не присягавшій, не могъ считаться солдатомъ.

21-го Октября онъ прибылъ во 2-ю роту этого батальона. Его тотчасъ же обыскали, и то, что нашли — 30 книгъ и 10 писемъ — отобрали и не отдали. Въ тотъ же день начальство его допросило,

почему онъ отказался присягнуть и не имѣетъ ли онъ теперь расположенія сдѣлать это. Дрожжинъ отказался и объяснилъ почему. Сказалъ было и о томъ, что и въ строю не имѣетъ намѣренія служить, но начальство не сочло нужнымъ разговаривать о томъ, что неизбѣжно ожидалось увидѣть на дѣлѣ.

23-го Октября Евдокиму Никитичу предложили стать на занятія, — онъ отказался. За это его посадили въ карцеръ „строгимъ арестомъ“, т. е. съ выдачей горячей пищи только одинъ разъ въ три дня, въ остальные же дни хлѣбъ и воду. Просидѣвъ тамъ 5 сутокъ, Дрожжинъ вышелъ въ роту, ему опять предложили идти на занятія. Онъ опять отказался. Ротный офицеръ разбранилъ ого и прогналъ, но велѣлъ остричься. Дрожжинъ и отъ этого отказался. Тогда ротный офицеръ, ругая его и его мать самыми гадкими словами, закричалъ солдатамъ: „Валите его на табуретъ! Эй, побольше народу! Похуже его, е. его м., оболванивайте, какъ арестанта, а не какъ солдата! . . .“

Такъ его и остригли насильно и поручикъ распорядился посадить Дрожжина въ карцеръ „до распоряженія.“ Тамъ онъ и сидѣлъ до 22 Ноября. Эти 25 сутокъ „ареста до распоряженія“ равнялись для него цѣлому величайшему испытанію. Кромѣ одиночнаго заключенія, лишенія свободы, голой койки, духоты, клоповъ и т. д., здѣсь еще надъ потолкомъ карцера, въ которомъ онъ сидѣлъ, ежедневно человѣкъ 10 горнистовъ и барабанщиковъ учениковъ производили такой шумъ и громъ, что солдаты, стерегшіе арестованныхъ, принуждены были разговаривая кричать во все горло, „а мнѣ,“ говоритъ Дрожжинъ, „какъ будто кто молотомъ садилъ по головѣ. Я чуть съ ума не сошелъ.“

Въ это же время производилось дознаніе и на дознаніи, на вопросъ начальства, почему онъ не

сталъ на ученье, Дрожжинъ отвѣчалъ, что это для него не нужно, потому что онъ имѣетъ отвращеніе къ военной службѣ, считаетъ грѣхомъ насиловать и убивать людей. Составленныя о немъ бумаги были отправлены въ Петербургъ, а онъ 22-го Ноября былъ переведенъ на главную гауптвахту и посаженъ опять въ одиночное заключеніе, гдѣ онъ и просидѣлъ до Сентября слѣдующаго года. — Гауптвахта находится въ вѣдѣніи воинскаго начальника; поэтому, Дрожжинъ попалъ опять къ тому же начальству, у котораго онъ былъ, когда находился на сборномъ пунктѣ.

Здѣсь во внѣшнемъ отношеніи жизнь для Дрожжина была нѣсколько легче. Камера не слишкомъ тѣсная, (полторы сажени въ квадратѣ) не темная, барабанщиковъ нѣтъ, и есть матрацъ. Черезъ мѣсяцъ Дрожжинъ выхлопоталъ разрѣшеніе пить чай (на свой счетъ), имѣть одѣяло, подушку. Но порядокъ жизни и строгость оставались тѣ-же самые. Каждый разъ, какъ нужно выдти изъ карцера, заключеннаго сопровождаютъ 2 солдата съ ружьями. Караулъ перемѣняется каждый день, при чемъ бываютъ частые обыски, чтобы у арестованныхъ не было ни ножа, ни пилы, ни табаку. — Полъ въ карцерѣ крашеный, стѣны оштукатуренныя, окно съ рѣшеткой. Въ замкнутой двери окошечко со стекломъ. По корридору ходитъ часовой съ ружьемъ.

Но, кромѣ всего этого, Евдокиму Никитичу пришлось перенесть еше новое испытаніе, худшее, чѣмъ барабанный бой и трубы 10 музыкантовъ. Это „приставаніе“ офицеровъ. Караулъ на гауптвахтѣ смѣняется ежедневно, и каждый новый дежурный офицеръ считалъ свеей обязанностью освѣдомиться у Евдокима Никитича: „за что?“ Затѣмъ, начинали оспаривать его и, если слова не брали, то обзывали дуракомъ или сумасшедшимъ, угрожали „поротьемъ“,

дразнили, глумились надъ его святостью, а потомъ, когда доводили до послѣдней степени раздраженія, до изступленія, то потѣшались надъ нимъ, говоря: „теперь лѣзетъ драться, а въ солдаты не хочетъ идти.“ И это мученіе продолжалось изо дня въ день 4 мѣсяца, пока всѣ офицеры (ихъ до 40 человѣкъ) не узнали „за что“ и что онъ за человѣкъ.

Въ Январѣ мѣсяцѣ одинъ разъ въ его камеру зашелъ молодой дежурный офицеръ и сталъ „приставать“ и браниться. Евдокимъ Никитичъ не вытерпѣлъ и сказалъ ему: „Послушайте, я не звалъ васъ ко мнѣ въ камеру. Вы сами пришли. Такъ не доводите меня до того, чтобы я попросилъ васъ выдти!“ Офицеръ разсердился и приказалъ перевести его въ холодный карцеръ. Въ карцерѣ было 11 градусовъ мороза, а на Евдокимѣ Никитичѣ одна шинель, полъ въ карцерѣ каменный, никакой мебели, ни койки, ни табурета, такъ что Евдокимъ Никитичъ для того, чтобы согрѣться, долженъ былъ всю ночь ходить и только подъ утро легъ на полъ. Но когда, проспавъ часа два, онъ всталъ, то почувствовалъ, что у него лѣвый бокъ онѣмѣлъ. Его била лихорадка и черезъ полчаса вышло горломъ крови съ чайный стаканъ.

Какъ ни жестоко и ни подло издѣвательство свободныхъ и обезпеченныхъ властвующихъ людей надъ заключеннымъ, лишеннымъ всего и беззащитнымъ человѣкомъ, но Дрожжинъ умѣлъ найти и въ этихъ страданіяхъ благо для своей души.

„Страданія эти“, пишетъ впослѣдствіи Евдокимъ Никитичъ въ своемъ дневникѣ: „въ значительной степени выкупаются той выгодой, какую я нахожу въ нихъ, ибо если бы было иначе, то отупѣлъ бы и озлобился. А потому, ни я и никто другой не можетъ сказать, что я страдаю. Страданіе зависитъ отъ отношенія къ страданію. Люди ошибаются.

думая, что я несчастенъ, потому что дальше настоящаго не вникаютъ, иначе бы они поняли, что это самое худшее положеніе въ моей жизни даетъ мнѣ больше счастья, чѣмъ въ ихъ заурядной жизни (1 золотникъ моего счастья равняется бочкѣ наслаждающагося жизнью)."

Но надо сказать правду, что не всѣ постоянно жестоко относились къ Евдокиму Никитичу. Воинскій начальникъ полковникъ графъ О' Руркъ, подполковникъ Стрѣха, обращались съ нимъ человѣчнѣе, а о нѣкоемъ комендантскомъ адъютантѣ поручикѣ В. А. Шидловскомъ онъ въ своихъ запискахъ вспоминаетъ съ особой любовью, называя его замѣчательно добрымъ, гуманнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ, пользовавшимся любовью и солдатъ, и писарей, и всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Только благодаря стараніямъ Шидловскаго, Дрожжину была разрѣшена прогулка во время его болѣзни, а впослѣдствіи и чтеніе книгъ.

Но едва только Дрожжинъ свыкся съ своимъ положеніемъ, какъ въ концѣ Февраля ему пришлось выдержать еще новое, неожиданное и своеобразное испытаніе.

Другъ Дрожжина А. Н. Д-ко, бывшій вмѣстѣ съ Дрожжинымъ въ Бѣлгородской учительской семинаріи, впослѣдствіи учитель подъ Харьковомъ, сохранившій свои либеральные взгляды, переданные имъ „бѣлгородскимъ другомъ", сидѣлъ въ это время по высочайшему приговору въ Петербургѣ въ одиночномъ заключеніи по обвиненію въ организаціи революціоннаго кружка. Евдокимъ Никитичъ разузналъ его адресъ и сообщилъ ему о себѣ, объ отказѣ отъ службы и о своемъ теперешнемъ заключеніи и 20-го Февраля получилъ отъ него такое письмо:

Дорогой Евдокимъ Никитичъ!

„Письмо твое отъ 20-го Января я получилъ въ Февралѣ. Идя на верхъ въ камеру, я терялся въ догадкахъ, отъ кого бы то могло быть!

„Читаю — подпись твоя и при томъ адресъ: Въ управленіе Воинскаго начальника. „Ну, думаю, слава тебѣ, Господи! Буря, которой я такъ боялся, пронеслась счастливо надъ головой Евдокима Никитича . . . “ Читаю письмо въ камерѣ и нахожу именно то, чего я такъ боялся и что, къ моему великому прискорбію, всетаки произошло. Именно, твой отказъ отъ присяги и нежеланіе служить. *„Я не желаю входить въ разсужденія о твоемъ поступкѣ, ни въ обвиненіе или оправданіе его. Нѣтъ! Я хочу только просить многоцѣннаго Евдокима Никитича, хочу умолять, все что угодно для него сдѣлать, лишь бы онъ согласился служить. Ради Бога, присягай, служи, ради всего святого, ради того кусочка дружескаго чувства, которое ты ко мнѣ питаешь, не заставь того, который такъ высоко цѣнилъ тебя въ послѣднее время, не заставь его, на всегда потерять друга и съ болью вспоминать о промелькнувшей надеждѣ*, подобно молніи, послѣ которой ночь становится еще мрачнѣе. Если согласенъ, пиши голый отвѣтъ; подробности ты мнѣ разскажешь послѣ. Если же ты не согласенъ уважить мою просьбу, то отвѣта не присылай; мнѣ было бы не очень радостно такое извѣщеніе, а лучше отложи до моего освобожденія. Повѣрь мнѣ, что я говорю все это глубоко убѣжденный въ этомъ, и разъ этого не было бы, я могъ бы совершенно легко промолчать . . . Затѣмъ, отъ всего сердца желаю тебѣ успѣховъ въ военной службѣ.“

Легко понять, что долженъ былъ почувствовать, получивъ это письмо, Дрожжинъ, только потому съ легкостью переносившій всѣ лишенія одиночнаго заключенія и „приставанія“ офицеровъ, что онъ полонъ былъ радости сознанія перенесеннаго испытанія отказа отъ присяги и отъ службы, и увѣренности, что онъ сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать.

„Это письмо безъ доказательствъ“, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, „письмо друга, желающаго мнѣ только блага, — письмо, какъ результатъ долгой и честной внутренней работы, а потомъ и борьбы, захватило меня въ совершенно противуположномъ убѣжденіи и произвело во мнѣ ужасное дѣйствіе. Д-ко въ моихъ глазахъ самая благородная и честная душа и самоотверженный, любящій другъ, — я его любилъ сильно, больше всѣхъ своихъ товарищей. Поэтому, не могъ отнестись къ написанному легко. И вотъ я и захандрилъ, да какъ еще! Недѣли три я почти не ѣлъ и не спалъ. Тоска грызла безпрерывно, злость на себя и на него и безсиліе. Если бы онъ былъ тутъ, возлѣ меня, я бы ему доказалъ, что я дѣлаю то, что и слѣдуетъ дѣлать, но онъ не допускаетъ никакихъ доказательствъ и только во имя дружбы умоляетъ...“

22 Февраля Евдокимъ Никитичъ отвѣтилъ Д-ку......

„Скажу только одно: я тебя всегда любилъ и для своего же счастья не хочу терять этого чувства. Дай Богъ видѣться въ добромъ здоровьѣ. Но не дай Богъ, чтобы мы увидѣли другъ друга врагами. Можетъ быть, я тебѣ и повѣрю и буду служить, но только не отъ одного слова — „служи“. Вѣдь ты мнѣ другъ? И, кромѣ счастья, ничего не желаешь мнѣ? А вопросъ о жизни рѣшенъ разъ: чтобы умереть, оставивъ добрую память, а не проклятіе. Будь здоровъ!“

Въ такомъ состояніи унынія, упадка духа, Евдокимъ Никитичъ написалъ 7-го Марта первое письмо Н. Т. Изюмченку, который въ то время сидѣлъ въ секретной одиночной камерѣ въ Курскѣ, дожидаясь послѣдствій своего ухода изъ полка и отказа отъ дальнѣйшей службы. Евдокимъ Никитичъ не зналъ его адреса и писалъ на угадъ, но 13-го числа получилъ отвѣтъ. Изюмченко писалъ:

Любезный Евдокимъ Никитичъ!

„Твое письмо мнѣ принесло сколько радости, столько же и печали. Радость въ томъ, что я только узналъ отъ тебя, гдѣ ты есть, что меня мучило болѣе всего на свѣтѣ; печаль же то, что ты страдаешь и не такъ, какъ я, но болѣе. Я, слава Богу, нисколько не страдаю, потому что считаю долгомъ страдать. И ничуть не боюсь; за желаніе для меня лучшаго очень благодарю, отъ души и тебѣ этого желаю. Осмѣлюсь только тебѣ выговорить, другъ, почему ты меня раньше не увѣдомилъ о себѣ, за что извини. Есть много кое-чего поговорить съ тобою, но нельзя, видно, такъ судьбѣ угодно. Живу я богаче, чѣмъ ты; у меня есть то, чѣмъ ты думаешь разбогатѣть *). И попадается кое-что, помощь въ духовномъ. Недавно я отсидѣлъ 8 сутокъ въ карцерѣ темномъ за то, что попросилъ извиненія отъ офицера, что моя мать сука. Сижу до сихъ поръ на гауптвахтѣ и предполагаю еше долго просидѣть, потому что не было еще до сихъ поръ допроса. Но что я живу лучше тебя, этимъ я могу похвастать, потому что я чувствую себя всегда веселымъ. Затѣмъ, до свиданія. Остаюсь, любящій тебя до глубины души твой братъ

Николай.“

*) Книги.

Это письмо Изюмченка, человѣка, который когда-то самъ искалъ у него поддержки и подъ его вліяніемъ росъ духовно и совершилъ поступки, за которые находился въ заключеніи, произвело на Дрожжина сильное дѣйствіе и принесло ему и нравственное, и физическое выздоровленіе. О впечатлѣніи отъ этого письма Дрожжинъ пишетъ въ своихъ запискахъ: „Господи, подумалъ я, да неужели же сила, которая поддерживаетъ Изюмченка. ложь? Нѣтъ, эта сила всемогуща и въ ней не будетъ недостатка и для меня, — стоитъ лишь только на нее положиться. И отъ этихъ мыслей мнѣ стало легче. Потомъ я еще разъ прочелъ письмо Д-ка, сравнилъ и нашелъ, что Изюмченка лучше. При этомъ я уже нашелъ письмо Д-ка эгоистичнымъ, потому что онъ требуетъ безъ доказательствъ, и небрежнымъ, потому что не былъ разборчивъ и остороженъ въ словахъ, писавъ человѣку, который въ заключеніи. Послѣ этого мнѣ совсѣмъ стало легко и свѣтло. Какъ сейчасъ помню, я бросилъ это письмо подальше, взялъ кусокъ хлѣба и прямо началъ ѣсть его съ сахаромъ, завелъ разговоръ съ часовымъ и смѣшилъ его остротами и самъ смѣялся. Потомъ выспался прекрасно, и голова перестала болѣть. И такъ, Изюмченко оказался крѣпче меня духомъ и поддержалъ, исцѣлилъ. Съ этихъ поръ мы стали часто писать другъ другу, и оба радовались.“

Съ Марта и почти до конца пребыванія своего въ Харьковѣ Дрожжинъ велъ дневникъ, которымъ онъ очень дорожилъ. Впослѣдствіи дневникъ этотъ былъ отобранъ у него начальствомъ и Дрожжинъ передъ смертью нѣсколько разъ просилъ своихъ друзей, чтобы они добыли этотъ дневникъ. Благодаря лишь случайности и несмотря на то, что дневникъ этотъ побывалъ у начальника дисциплинарнаго батальона, у начальника тюрьмы, въ полицейскомъ управленіи и у уѣзднаго исправника, мнѣ все та

посчастливилось получить его. Въ дневникѣ этомъ Дрожжинъ очень мало пишетъ о себѣ, но излагаетъ преимущественно тѣ мысли, которыя вызывались въ немъ получаемыми отъ друзей письмами и прочитываемыми книгами. Такъ какъ за этотъ промежутокъ времени между Мартомъ и Сентябремъ (1892 года) у меня нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о его жизни, то я привожу здѣсь наиболѣе интересныя мѣста изъ дневника и его переписки, соединяя ихъ вмѣстѣ для того, чтобы не нарушать послѣдовательности событій.

25-го *Марта.* Голова болитъ между верхомъ лба и лѣвымъ вискомъ. За двѣ недѣли сильно ослабѣлъ физически и вообще.

На второе письмо А. Н. Д-ка (отъ 15-го Марта), въ которомъ тотъ писалъ:

„Конечно, я остаюсь при своемъ убѣжденіи, что служить нужно, хотя отвѣтъ твоего письма показываетъ, что ты со мною не согласенъ. Что-же? я умываю руки — я сдѣлалъ все возможное къ тому, что считалъ для себя и для тебя благомъ —ты отнесся съ недовѣріемъ. Ничего другого я теперь сдѣлать не въ состояніи. И такъ, поступай, какъ знаешь, но я съ тобой не согласенъ.“

Евдокимъ Никитичъ 25-го Марта отвѣчалъ ему:

„Я твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что я этимъ ничего дурнаго не сдѣлаю. Свои дѣйствія я на столько сообразовалъ съ мыслями, сколько у меня хватало силы и добросовѣстности. Поэтому, „служить“ является для меня дѣломъ немыслимымъ, неестественнымъ и я этого физически бы не вынесъ . . . Я сдѣлалъ то, что сдѣлалъ, потому, что по моей вѣрѣ такъ надо, такъ убѣжденъ, и убѣжденъ твердо . . . И вотъ, при такихъ об

стоятельствахъ я получилъ твое первое письмо. Ошибаешься, другъ, будто я отнесся къ нему съ недовѣріемъ. По настоящему, что можетъ быть глупѣе этого письма? Это было бы похоже на то, если бы пристающему на пароходѣ къ берегамъ Америки сказать: ты напрасно пріѣхалъ, прыгай въ воду и, во что бы то ни стало, постарайся вплавь возвратиться въ Европу. Вѣдь, навѣрно, тотъ человѣкъ пропащій, который согласится „постараться". Сперва я ничего не понялъ и хотѣлъ такъ и написать. Потомъ моя гордость была уколота. Потомъ почувствовалъ какъ бы ударъ въ темя и присѣлъ . . . Да, другъ, ты меня обидѣлъ, превративъ въ кусокъ мяса! Ты не предвидѣлъ того впечатлѣнія, которое произвело на меня то письмо, а потому и фразы: „и, кромѣ счастья, ничего тебѣ не желаю," понять не могъ. Ну, такъ, пойми хоть теперь: это былъ вопль пришибленнаго тобою друга, который знаетъ, что обидѣвшій въ заключеніи и потому относится осторожно, не хочетъ мстить, прощаетъ все и только умоляетъ: пощади! Сколько я вынесъ страданій со дня полученія этого письма, ты не можешь постигнуть . . . Прости меня, братъ, но мнѣ такъ тяжело про это говорить, какъ потерять друга. Скажу коротко: впродолженіи нѣсколькихъ недѣль, вслѣдствіе разлада, я буквально рисковалъ попасть на Сабурову дачу*), и, только благодаря друзьямъ, выздоровѣлъ. Но, какъ искупленіе страданій, было не отреченіе отъ своихъ убѣжденій, а отъ тебя, милый другъ Архипъ Никитичъ. Настоящаго письма я не писалъ бы (да и никогда никакого), если бы второе твое письмо было похоже на первое, Спасибо тебѣ, что обошелъ то,

*) Домъ умалишенныхъ подъ Харьковомъ.

чему посвятилъ первое письмо, и только мелькомъ упоминаешь, что остаешься при своемъ. И отлично. Да и странно было бы, не принимая въ соображеніе никакихъ убѣжденій другого и ни того, что, можетъ быть, онъ только этимъ и живъ, требовать отъ него точь въ точь того же образа дѣйствія, какой всего милѣе твоему сердцу. И потому, меня очень радуетъ то, что ты вторично не просишь, не умоляешь и не заклинаешь дружескими чувствами? Все, что угодно для тебя, дорогой А. Н., сдѣлаю, только не говори двухъ словъ: „присягай, служи": будемъ опять друзья, если возьмешь свои слова назадъ. Но если не можешь воздержаться, а будешь не доказывая просить, то не пиши и забудь меня. Если же считаешь долгомъ говорить, и говорить все тѣ же слова, то хоть изъ жалости, чтобы сохранить мое здоровье, — молчи, иначе будешь стараться отнять то, „чѣмъ я живу."

(Изъ письма къ В. С. Б. 4-го Мая.)

„...Изъ Курска меня повезли въ Харьковъ. Здѣсь была послана бумага обо мнѣ по начальству и въ концѣ концовъ велѣно оставить меня въ Харьковѣ, (а не ѣхать на Амуръ какъ бы слѣдовало по назначенію Суджанскаго Воинскаго начальника) Меня поручили дядькѣ, который приказалъ дѣлать разнообразныя тѣлодвиженія, я его не послушалъ, и фельдфебеля не послушалъ. За это меня арестовали, посадили въ чуланъ, гдѣ много клоповъ, и я мучился тамъ съ мѣсяцъ. Начальство допрашивало: почему? Я говорю, что это для меня не нужно, такъ какъ я ни въ караулъ, ни на войну не пойду, потому что считаю грѣхомъ насиловать и убивать. Послѣ чего меня посадили на городскую гауптвахту, гдѣ нахожусь и теперь.

Сплю на матрасѣ; есть одѣяло, подушка. Даютъ ѣсть 2 раза въ день, обѣдъ: борщъ, кусокъ мяса и каша, а ужинъ—борщъ. Пью чай на свой счетъ, завелъ жестяной чайникъ, чтобы покупать кипятокъ. Въ камерѣ пишу письма, читаю. Камера въ полторы сажени. Въ койкѣ сперва были клопы, но я ихъ вывелъ чаемъ. Зимой было хуже сидѣть, потому что прохладно и воздухъ не чистый, а теперь хорошо. Всего въ мѣсяцъ издерживаю рубля 2, домашніе присылаютъ. Бѣлье моетъ знакомый солдатикъ. Въ банѣ бываемъ на казенный счетъ. Пищу можно покупать и свою, какую угодно. А когда я было заболѣлъ, то начальство позволило и прогулку по двору. „До вѣтру" насъ водятъ подъ ружьемъ два солдата. Караулъ перемѣняется ежедневно, при чемъ бываетъ обыскъ, чтобы не было ножа, пилы и табаку.

„Полъ въ камерѣ крашеный, стѣны штукатурены, окно съ рѣшеткой. Въ замкнутой двери окошечко со стекломъ. По корридору ходитъ часовой съ ружьемъ. Тутъ всегда сидятъ человѣкъ 5 и всѣ порознь. Но по многу не сидятъ, сутокъ по 5, по 10, разными видами ареста: простымъ, строгимъ, усиленнымъ, а я „до распоряженія." Подробностей не пишу, потому что всего не умѣстишь, а совѣтую вамъ обратиться къ первому встрѣчному солдатику и онъ разскажетъ лучше меня: и про карцеръ, и про штрафной журналъ, про разрядъ штрафованныхъ и про дисциплинарный батальонъ. Вы, навѣрно, не интересовались этимъ, а потому, ничего и не знаете. Я это сужу по себѣ. И такъ, мнѣ сидѣть сносно: иногда бываетъ „скучно и грустно, и некому руку подать," а потомъ опять веселъ и спокоенъ. Такъ что даже особаго хотѣнія нѣтъ выходить изъ карцера. Въ Курскѣ жилось еще лучше. Впрочемъ, на

первыхъ порахъ было очень скверно. Потому что по новости дѣла всѣ сердились и ругались, а я по неопытности грубилъ, притворяясь, будто ничего не понимаю по военному. Но, какъ новобранца, меня по закону не могли наказывать строго, потому что я не принималъ присяги. А если бы принялъ, а потомъ отказалсл, то, навѣрное, уже былъ бы битъ розгами. Дѣло мое послано по начальству."

(Отвѣтъ на письмо Н. Изюмченка 4-го Мая.)

„Изъ настоящаго письма вижу, что ты борешься съ своей плотью и страдаешь. Переписываться съ тобою никогда не брошу, хотя ты бы сдѣлалъ покушеніе на мою жизнь (что угодно). И это за то, что, когда я чувствовалъ себя, какъ ты теперь чувствуешь, ты прислалъ мнѣ открытое письмо. Угадываю даже, что у тебя нѣтъ апетита. Точь въ точь такія же мысли у меня были, когда я былъ въ дурномъ расположеніи духа. И теперь я принялъ себѣ за правило — *вѣрить себѣ только тогда, когда буду веселъ*. Неправильно ты думаешь, что я *Толстовецъ*. Я — Дрожжинъ и дѣлаю только то, что мнѣ нравится, а не потому, чтобы сдѣлать угодное Толстому и быть за это въ числѣ его друзей. Письма наши не могутъ доставляться по адресу только тѣ, которыя сочтутся должными пріобщенія къ дѣлу или не понравятся читающимъ и уничтожатся. Цѣлуй этотъ крестикъ † . Дай Богъ скорѣе увидѣться! Мы съ тобой попеременно считаемъ долгомъ страдать. Я радъ тому, что не желаешь учить никого, и я тоже. Дѣло не въ ученіи, а въ дѣлахъ. — Голова болитъ, апетитъ худъ."

ВѢРА.

„Безъ вѣры невозможно угодить Богу."

„Всякій стремящійся къ истинѣ долженъ непремѣнно вѣрить. Безъ вѣры же онъ не стремится. Вѣра рождается только при дѣлахъ: сообразовывая поступки съ мыслями, становится живою. Вѣра есть увѣренность въ добрѣ, что оно разумно. Она рожденный даръ, но пока человѣкъ не сдѣлаетъ добраго дѣла, до тѣхъ поръ она мертва, а потомъ становится разумною. Никакое знаніе не есть знаніе истинное, пока не имѣетъ пропорціональное количество дѣлъ.

(Письмо къ Т. В. Бирюкову.)

„Получилъ я отъ тебя только одно настоящее письмо, а того, которое служило отвѣтомъ на мое отъ 27-го Марта не получалъ . . . Дѣйствительно, люди, мучившіе меня на первыхъ порахъ, не въ состояніи были бы отвѣтить на вопросы разума: за что мучать, для чего, во имя чего? Ибо въ силу общеизвѣстнаго раздѣленія дѣйствій, они прежде всего сомнѣваются въ томъ, они ли мучать, и не есть ли это „благо", которое я по невѣжеству считаю мученіемъ? . . ."

„Но бросаю этотъ мрачный тонъ; сейчасъ я въ самомъ радужномъ настроеніи, и это съ тѣхъ поръ, какъ мысль начала, мало.по-малу, копошиться, во первыхъ, по поводу полемики съ Д-комъ, и во вторыхъ, кое-что прочиталъ. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что Д-ко готовъ что угодно для меня сдѣлать, лишь бы я согласился присягнуть и служить, и грозилъ въ противномъ случаѣ вѣчнымъ забвеніемъ. Вслѣдствіе этого, я заболѣлъ, но, благодаря внѣшнимъ условіямъ, (съ наступленіемъ весны въ камерѣ стало тепло, вентиляція, нако-

нецъ, прогулка по двору, а относиться постепенно стали лучшс,) черезъ мѣсяцъ выздоровѣлъ и съ тѣхъ поръ уже всегда чувствовалъ себя весело."

„Жить мнѣ теперь во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно. Караульные перестали придираться, потому что воинскій начальникъ и состоящіе при немъ два офицера заступаются и даютъ льготы. Эти офицеры давали читать кое-что, а вчера получилъ отъ Ц. В. 5 книгъ Толстого. Если будешь писать ей, то засвидѣтельствуй мою глубокую благодарность.

„Д-скій, дѣйствительно, подходилъ къ гауптвахтѣ и его не допустили, но это еще передъ Рождествомъ, когда я былъ въ ужасномъ положеніи, т. е. буквально выполнялъ заповѣдь: если тебя морятъ холодомъ или голодомъ, благодари, что не ругаютъ; если ругаютъ, благодари, что не бьютъ; если бьютъ, то благодари, что не убили . . . и т. д." Сидѣть буду, конечно, чуть ли не безконечно, но я въ такомъ настроеніи, что нисколько этого не понимаю; допросовъ никакихъ не дѣлаютъ и воинскій начальникъ, вѣроятно, о моемъ дѣлѣ ничего не знаетъ; оно, должно, въ Питерѣ."

„Вчера былъ безстыднѣйшій очередной офицеръ, забралъ всѣ мои письма (любопытно прочитать) и, что ужаснѣе всего, помѣтилъ твое письмо, и я не могу спокойно перечитывать, — просто хочу уничтожить! А сегодня возвратилъ все, потому что и не имѣлъ права забирать. О-охъ!"

„Кто что дѣлаетъ, тотъ то и защищаетъ, всегда."
„И ненавидятъ того, кто дѣлаетъ не то,что онъ. Люди всегда эгоисты и поэтому защищаютъ эгоизмъ."

Въ началѣ августа Дрожжинъ получилъ письмо отъ Н. И. Д. . . . Д. былъ посаженъ на гауптвахту на 8 недѣль. Камеры ихъ находились рядомъ. Они въ стѣнѣ продѣлали сквозное отверстіе, назвали его „телефономъ“ и по цѣлымъ ночамъ вели разговоры. Говорилось больше всего о Христѣ и его ученіи, о русскихъ писателяхъ: Л. Толстомъ, Щедринѣ, Достоевскомъ и о другихъ отвлеченныхъ предметахъ. Между прочимъ, Евдокимъ Никитичъ убѣдилъ Д. отказаться отъ половыхъ сношеній съ женщинами. Дрожжинъ дѣлился съ нимъ и книгами, которыя ему удавалось доставать, благодаря разрѣшенію, полученному черезъ Шидловскаго. Но про то, что Дрожжинъ давалъ другимъ книги, разрѣшенныя только ему, и про „телефонъ“ узнало начальство, и Дрожжина лишили возможности чтенія, а Д. отсадили въ другую камеру, но они всетаки успѣвали переписываться или видѣться украдкой. Отсидѣвъ свой срокъ на гауптвахтѣ, Д. возвратился въ полкъ.

Вотъ письмо Д.:

Добрѣйшій Евдокимъ Никитичъ!

„Приношу вамъ искреннѣйшую благодарность за то, что Вы показали мнѣ цѣлую бездну новыхъ и прекрасныхъ взглядовъ на жизнь и указали мнѣ обязанности каждаго честнаго человѣка и его отношенія къ людямъ. Благодаря Вамъ, я сталъ видѣть и замѣчать то, чего прежде не видѣлъ и не замѣчалъ. Уже теперь я сталъ замѣчать, что во мнѣ много поубавилось глупѣйшей спѣси и заносчивости, а ну, да я не буду хвалить себя: скажу только, что Вамъ и однимъ Вамъ я обязанъ тѣмъ, что во мнѣ стали подниматься неясные пока вопросы и много сомнѣній, и хотя вопросы эти не приводятъ къ яснымъ отвѣтамъ, но уже и то хорошо, что вопросы эти стали являться и тре-

вожить мой, спавшій до сихъ поръ, умъ. Много настоящихъ вещей и порядковъ стали казаться мнѣ пе такими, какими бы они должны быть. Много знаемыхъ мною людей, которыхъ я считалъ прежде хорошими и умными, стали казаться подлыми и глупыми. Ну, чтобы тамъ ни случилось, а мы постараемся писать другъ другу (по крайней мѣрѣ, я, съ своей стороны, этого очень желаю).

Ученіе православной религіи противорѣчитъ наукѣ о нравственности, ибо, выставляя Христа, какъ Бога, устраняетъ изъ нея идеальнаго человѣка, безъ котораго невозможно построеніе абсолютной и относительной этики.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, бумаги объ Евдокимѣ Никитичѣ, посланныя въ Петербургъ, возвратились въ Харьковъ. Оказалось, что о его и Изюмченка дѣлѣ было доложено государю 15-го Іюля и онъ поставилъ рѣшеніе: Выслать Дрожжина въ распоряженіе Иркутскаго Генералъ-Губернатора на 3 года *по отбытіи наказанія за воинское преступленіе*. Поэтому надъ Дрожжинымъ устроили полковой судъ. Въ этотъ день онъ писалъ въ своемъ дневникѣ:

Сентября 11-го. (Судъ.) „Такъ привыкъ къ одиночеству и къ тому, что разговаривать нельзя, что кажется страннымъ то, что вдругъ мнѣ можно и говорить, и голову подымать вверхъ и глазъ не косить. Полагаю, что, еслибы выдержали годовъ 10, то можно такъ привыкнуть, чтобы совсѣмъ не говорить, потому что лишнее, и вслѣдствіе привычки, робости и одичалости.“

Обвиняли Дрожжина за то, что онъ въ прошломъ году ослушался взводнаго стать на ученье и фельдфебеля — остричься. Такъ что все преступленіе Дрожжина было сведено къ простому неповиновенію

солдата своему начальству. О томъ, что онъ отказывался служить, не присягалъ. не было и упомянуто. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ начальству христіанскаго государства судить и наказывать человѣка за то, что онъ хочетъ не на словахъ, а на дѣлѣ исполнить ясныя и простыя слова Христа. И вотъ, его, *не солдата*, судятъ *военнымъ* судомъ и за *воинское* преступленіе. Судъ присудилъ его къ заключенію на 2 года въ дисциплинарный батальонъ безъ перевода (какъ бывшаго учителя) въ разрядъ штрафованныхъ.

„Ну, думаю себѣ", пишетъ Евдокимъ Никитичъ въ своихъ запискахъ: „я и тамъ не стану ничего дѣлать. Однако этотъ судъ навелъ на меня уныніе; о присягѣ и помину нѣтъ, а просто „неисполненіе приказанія", вѣдь этакъ, думаю, и тамъ, въ батальонѣ придется сидѣть въ одиночномъ года 2, а тамъ еще что нибудь выдумаютъ, чтобы мучить, а не судить за полное отклоненіе."

„Когда меня прикомандировали въ Харьковъ, я обрадовался, думая: это хорошо, что не на Амуръ, тутъ есть всякое начальство, скоро дѣло пройдетъ всѣ инстанціи и сидѣть придется сравнительно недолго, а если на Амуръ, то оттуда бумаги дойдутъ только за годъ, да за годъ обратно и вообще насидишься несравненно дольше. Это, конечно, такъ, но, вотъ, бумаги возвратились, а дѣло далеко не кончилось, а только началось. Ну, думаю, — и насижусь же я."

Дисциплинарный батальонъ не есть тюрьма, въ которой воинскій преступникъ долженъ отбывать какое либо наказаніе, а это есть учрежденіе, цѣль котораго въ томъ, чтобы настойчивостью и всевозможными строгостями, жсстокостями и наказаніями исправлять тѣхъ солдатъ, которые плохо подчиняются дисциплинѣ. Поэтому, назначеніе Дрожжина

въ дисциплинарный батальонъ имѣло цѣлью не наказать его за его преступленіе (исповѣданіе христіанскаго ученія), а принудить, заставить его отказаться отъ своихъ взглядовъ и поступковъ.

На другой день (12-го Сентября) онъ писалъ роднымъ:

„Наконецъ, я дождался сколько нибудь слуху о своемъ дѣлѣ. Вчера меня судили за то, что я не захотѣлъ обучаться солдатскому ученію, и присудили на 2 года въ дисциплинарный батальонъ. Это такой большой дворъ и казармы, выстроены въ полѣ и цѣлый день безъ отдыха идетъ муштровка, тамъ солдатъ больше тысячи. Почти всѣ они штрафованные, такъ что за провинность ихъ бьютъ розгами, а нѣкоторыхъ не могутъ бить, напримѣръ, духовнаго званія или дворянъ, — вотъ и меня тоже бить не будутъ, потому что имѣю почетное званіе. Не знаю, буду ли я отбывать срокъ всѣ 2 года или меньше, или больше, но оттуда меня сошлютъ на вольное поселеніе. Вчера же получилъ извѣстіе отъ Коли изъ Курска, пишетъ, что его будутъ судить окружнымъ судомъ тоже въ дисциплинарный батальонъ, но его могутъ бить розгами, а потомъ тоже въ ссылку."

„Но мы не унываемъ, потому что мы, ничего не сдѣлавши, идемъ туда, куда идутъ за воровство, за разбой, и не боимся ничего, потому что на все воля Божія: убьютъ — и пусть убиваютъ; тогда намъ можетъ и вовсе не за что отвѣчать передъ Богомъ, а отвѣтитъ и всѣ наши грѣхи возьметъ на себя тотъ, кто убьетъ и осудитъ. Я нисколько не сожалѣю, что просидѣлъ полтора года подъ замкомъ, потому что у Апостола сказано, что „когда человѣкъ страдаетъ, то онъ перестаетъ грѣшить", это значитъ, что каждый прожитый день мы должны считать или хорошимъ, или дурнымъ,

а кто въ заключенiи или еще какъ нибудь страдаетъ, терпитъ, тотъ за себя не отвѣчаетъ."

„Итакъ, спѣшите отвѣтить мнѣ на это письмо, а то меня могутъ скоро увезти въ батальонъ: или въ Воронежъ, или въ Херсонъ."

„На счетъ ссылки я еще не знаю, а на счетъ батальона уже дѣло рѣшено. Я буду на старомъ мѣстѣ, можетъ быть, недѣли 2 или 3 — не знаю, поэтому, я и прошу васъ, какъ получите, такъ и отвѣчайте немедленно. Денегъ у меня сейчасъ есть 5 рублей. Эти деньги я надѣюсь потратить за дорогу, потому что арестантовъ въ походѣ почти не кормятъ, и придется все покупать. А также нужно купить для дороги чайникъ новый и желѣзную чашку, да и на мѣстѣ, пришедши, должно, нужно будетъ на разныя разности, такъ что этихъ 5 руб. хватитъ не на долго."

„Я очень жалѣю, что не имѣю еще 5 руб., а то бы я снялся въ фотографiи и прислалъ бы вамъ карточекъ, потому что ужъ теперь послѣднее время, а въ батальонѣ нельзя, а ужъ развѣ послѣ двухъ лѣтъ, куда Богъ повернетъ. Потомъ еще денегъ нужно на сапоги. Здѣсь въ карцерѣ вотъ въ старыхъ годъ проходилъ, а тамъ заставятъ работать, должно быть, — то дрова рубить, то воду таскать; поэтому, мои сапоги сейчасъ же разлетятся, а нужны новые (разумѣется, меня и тамъ будутъ заставлять взять въ руки ружье, но я не возьму, потому что считаю грѣхомъ христiанину носить оружiе на людей). Поэтому, прошу васъ убѣдительно, дорогiе родители и тебя, дорогой братикъ Петръ Никитичъ, послужить мнѣ еще деньгами. Кто знаетъ, долго ли еще я буду просить васъ объ этомъ или, можетъ быть, нѣтъ? Я вотъ будто всѣмъ здоровъ, а, какъ повели на судъ версты три, то и присталъ совсѣмъ, а, мо-

жетъ это оттого, что давно не ходилъ, а такъ я всѣмъ здоровъ, слава Богу."

Вмѣсто того, чтобы посылать только деньги, и мать, и сестра Евдокима Никитича рѣшили сами съѣздить повидать его.

21-го Сентября онѣ пріѣхали въ Харьковъ, пришли на гауптвахту и были допущены къ Дрожжину.

Мать и сестра пробыли въ Харьковѣ три дня (до 24-го Сентября) и на вѣки простились: одна съ сыномъ, а другая съ братомъ. Въ письмѣ, посланномъ съ ними брату Петру, Дрожжинъ писалъ:

„Благодарю тебя за гостинецъ 7 руб., который ты передалъ черезъ мать. А больше благодарю и тебя, и папашу за то, что вы позволили мамашѣ навѣстить меня въ послѣдній разъ. Ужъ теперь, конечно, вы меня больше не увидите, и, стало быть, вы живите сами по себѣ, а я самъ по себѣ, кому какъ желается.

Только я не хочу съ вами прощаться на всегда, буду писать письма, увѣдомлять о своей жизни. И васъ прошу тоже писать почаще.

26-го Сентября Дрожжинъ выѣхалъ изъ Харькова для слѣдованія въ Воронежъ, куда онъ былъ назначенъ въ дисциплинарный батальонъ.

При переѣздѣ отъ Курска до Орла на него надѣли ручные кандалы. Въ Орлѣ, благодаря холерѣ, произошла задержка, и Дрожжинъ пробылъ здѣсь около двухъ недѣль. Пересылаемыхъ въ батальонъ набралось на сборномъ пунктѣ человѣкъ 50.

Числа 6-го Октября въ Орелъ прибылъ и Изюмченко, просидѣвшій 15 мѣсяцевъ въ секретной камерѣ въ Курскѣ.

„Его присудили точно также, какъ и меня, пишетъ Евдокимъ Никитичъ, „только въ разрядъ штра-

фованныхъ. Ему, между прочимъ, вычитали, что Государь изъ переписки Изюмченко съ Дрожжинымъ заключилъ неповиновенiе властямъ и ссылаетъ (административно) его въ Тобольскую, а меня въ Иркутскую — на 3 года. Мнѣ этого въ Харьковѣ не объявляли, хотя частнымъ образомъ я тоже слыхалъ, что одинъ изъ насъ ссылается въ Иркутскъ, другой въ Тобольскъ, а за что, не знаю. Не знаю этого и до сихъ поръ."

Помѣщенъ Изюмченко былъ не на сборномъ пунктѣ, а въ острогѣ, но ему удалось уговорить одного солдата пойти на сборный пунктъ, а вмѣсто себя прислать Дрожжина. Это легко было сдѣлать, такъ какъ повѣрка въ острогѣ была не по фамилiямъ, а по счету. Такимъ образомъ, они прожили не разлучаясь дня четыре, проводя ночи подъ однимъ одѣяломъ. Хотя Изюмченко, какъ переведенный въ разрядъ штрафованныхъ, могъ быть въ дисциплинарномъ батальонѣ сѣченнымъ и засѣченнымъ до смерти, но онъ готовъ былъ на все и просилъ у Дрожжина совѣта, какъ поступать дальше. Но Дрожжинъ, признавая свое влiянiе на Изюмченку отчасти причиной его теперешняго положенiя, жалѣлъ его и не могъ посовѣтовать поступать такъ рѣшительно, идти на вѣрную смерть, и они рѣшили, чтобы Изюмченку служить, а Евдокиму Никитичу отказываться и сидѣть.

Изъ Орла они выѣхали одновременно и вмѣстѣ же прибыли въ Воронежъ.

III.

Что такое дисциплинарный батальонъ.

Дисциплинарные батальоны учреждены въ Россіи въ 1878 году съ тою цѣлью, чтобы исправлять солдатъ, совершившихъ преступленія неуголовнаго характера, но состоящія въ нарушеніи дисциплины и военнаго устава. Солдатъ, укравшій, убившій, судится военнымъ судомъ и подвергается наказаніямъ, однороднымъ съ тѣми, которыя онъ несъ бы, если бы и не былъ солдатомъ; но солдатъ, сошедшій съ поста, дерзко отвѣтившій офицеру, не исполнившій его приказанія, такъ или иначе нарушившій чинопочитаніе, приговаривается къ нереводу въ дисциплинарный батальонъ. Въ батальонѣ такой солдатъ подвергается совокупному воздѣйствію непрерывныхъ воинскихъ упражненій, всевозможныхъ мѣръ строгости, запугиваній и жестокости наказаній. Два — три года такихъ воздѣйствій считается достаточнымъ для того, чтобы сломить волю такого непокорнаго солдата и сдѣлать его вполнѣ дисциплинированнымъ, т. е. совсѣмъ слѣпое орудіе всякаго, выше его стоящаго, начальника, безпрекословно и безъ разсужденій исполняющаго всякое его приказаніе. То, что дѣлается въ полкахъ надъ всѣми солдатами, въ дисциплинарныхъ батальонахъ продѣлывается въ усиленныхъ размѣрахъ надъ нѣкоторыми, чѣмъ нибудь проявившими свою самостоятельность.

Дисциплинарные батальоны находятся въ Бобруйскѣ, Херсонѣ, Екатериноградѣ и Воронежѣ. Самымъ худшимъ по строгости начальства считается Воронежскій. Онъ помѣщается въ зарѣчномъ предмѣстьѣ Воронежа — Придачѣ. Это цѣлый кварталъ, состоящій изъ двухъ дворовъ: собственно батальоннаго, и офицерскаго двора. На офицерскомъ дворѣ помѣщаются квартиры начальниковъ; батальонный же дворъ окруженъ высокой острожной стѣной и заключаетъ въ себѣ казармы батальона: ротныя, кадровыя, учебныя помѣщенія, мастерскія, дежурныя и офицерскія комнаты, церковь, лазаретъ, баню. Всѣ казармы устроены, какъ тюремныя помѣщенія, — съ рѣшетками въ окнахъ и запорами на дверяхъ.

Кромѣ того, по срединѣ двора помѣщается отдѣльное зданіе — родъ военной тюрьмы — карцеры для солдатъ, совершающихъ проступки въ батальонѣ и приговариваемыхъ къ одиночнымъ заключеніямъ. Всѣхъ карцеровъ въ этомъ помѣщеніи 35. Каждый карцеръ имѣетъ 5 большихъ шаговъ въ длину и ширину, асфальтовый полъ, окно съ рѣшоткой и койку, прикрѣпленную на петляхъ къ стѣнѣ такъ, что она можетъ подниматься, прислоняться къ стѣнѣ и удерживаться въ такомъ положеніи крючкомъ. Каждое утро уборщики карцеровъ поднимаютъ койки и укрѣпляютъ ихъ. Дѣлается это для того, чтобы заключенные въ карцерѣ не могли днемъ лежать на койкахъ, а вынуждены бы были или стоять, или ходить, или сидѣть на табуретѣ.

Почти все время, свободное отъ сна, заключенные въ батальонѣ солдаты проводятъ въ занятіяхъ: словесности (изученіе воинскаго устава), гимнастикѣ и воинскихъ упражненіяхъ, производимыхъ на дворѣ. Кромѣ того, нѣкоторые заключенные назначаются въ караульные и дневальные для занятія постовъ при воротахъ и охраны батальона снаружи.

Внутренняя жизнь въ батальонѣ такая же, какъ и въ другихъ частяхъ войскъ: тотъ же обманъ и запугиваніе солдатъ, доводящіе ихъ до животнаго состоянія; тѣ же офицеры, отрекшіеся отъ всѣхъ человѣческихъ свойствъ; то же рабство, грубость нравовъ; тѣ же пороки, — только все это въ усиленной степени.

Вотъ какъ въ своихъ запискахъ описываетъ одинъ изъ заключенныхъ начальство батальона:

Управленіе батальономъ отдано во власть Алексѣя Васильевича *Бурова*. Это высокаго роста полковникъ, съ краснымъ, полнымъ, съ тонкой кожей лицомъ, съ свѣтлыми, какъ сѣдые, усами и волосами на головѣ и съ сердито насупленными бровями надъ жестокими глазами. По своимъ душевнымъ свойствамъ это опредѣленный типъ: умный, справедливый, безжалостный исполнитель закона, самостоятельный характеромъ и отсталый баринъ — онъ рѣдко бываетъ въ обществѣ.

Буровъ поступилъ въ батальонъ въ 1889 году. До него при полковникѣ Политиковѣ солдатскихъ занятій не существовало, какія теперь, а были заключенные просто арестанты и пользовались большою независимостью во времяпровожденіи: играли въ карты, въ кости, въ шашки и, бывало, проигрывали что либо изъ одежды. Политиковъ былъ снисходителенъ, наказывалъ мало. Въ послѣдніе два года его службы сидѣлъ въ карцерѣ осужденный на 3 года за обруганіе суда заключенный. Политиковъ позволилъ ему быть днемъ отпертымъ и гулять по корридору тюрьмы, и узникъ просидѣлъ благополучно 2 года, пока не поступилъ Буровъ. Онъ велѣлъ всегда запирать, и узникъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сошелъ съ ума и умеръ.

Въ началѣ своей службы, т. е. приблизительно

въ теченіе года, Буровъ поролъ почти ежедневно, а иногда нѣсколько человѣкъ въ день, и все среди двора, такъ что это выводило изъ терпѣнія его жену, и она прибѣгала съ офицерскаго двора съ крикомъ: „Что ты, окаянный, дѣлаешь? ты всю душу мою истерзалъ, хоть бы ты прятался! — „Вонъ, вѣдьма, а то самое разложу!“

Буровъ поролъ всѣхъ своихъ сыновей, и одного изъ нихъ пороли заключенные, а двухъ самъ, а заключенные держали. Сыновья отзываются о немъ съ отвращеніемъ. Въ настоящее время одинъ изъ нихъ убѣжалъ отъ отца и, несмотря на всѣ розыски, не могъ быть найденъ, а другой, бывшій на службѣ, присужденъ за буйство на 3 года въ дисциплинарный батальонъ.

Кромѣ Бурова, начальство батальона состоитъ изъ его помощника, ротныхъ командировъ, подротныхъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ. Фельдфебеля играютъ первенствующую роль въ ротѣ. Это призма, черезъ которую ротные командиры обыкновенно смотрятъ на роту. Отъ свойства этой призмы зависитъ многое въ отношеніяхъ командира къ ротѣ.

Всѣхъ заключенныхъ около 500 человѣкъ, а унтеръ-офицеровъ — надзирателей — 60 человѣкъ. Унтеръ-офицеры вооружены саблями и револьверами и нигдѣ никогда заключенные безъ надзора ихъ не находятся. Занимаются ли заключенные во дворѣ солдатскимъ ученіемъ, или въ казармѣ грамотностью, словесностью, или спятъ, или обѣдаютъ, или работаютъ по двору, или внѣ двора, или въ мастерскихъ, или на прогулкѣ, или въ праздникъ ничего не дѣлаютъ, — всегда за ними смотрятъ вооруженные унтеръ-офицеры.

Наказанія.

За проступки, совершаемые въ батальонѣ, заключенные подвергаются наказаніямъ двухъ родовъ: одиночному заключенію (карцеръ) и розгамъ.

Заключеніе въ карцерѣ бываетъ трехъ родовъ: *Простой арестъ*, когда заключенный сидитъ въ свѣтломъ карцерѣ, спитъ на голыхъ нарахъ, пищу получаетъ каждый день горячую. Простому аресту заключенный можетъ быть подвергнутъ не болѣе какъ на 1 мѣсяцъ.

Строгій арестъ, когда заключенному въ одиночномъ карцерѣ даютъ теплую пищу только черезъ два дня на третій и спать на голой койкѣ, заключеніе не больше 20 сутокъ.

Усиленный арестъ, когда заключеннаго запираютъ въ *темный* карцеръ: теплая пища черезъ два дня въ третій и спать на голой койкѣ. Заключеніе не больше 8 сутокъ.

При „смѣшанномъ“ арестѣ заключеннаго подвергаютъ послѣдовательно 8 дней усиленному аресту, 7 дней простому, 7 дней строгому и остальные 8 дней опять усиленному.

Заключенный можетъ быть подвернутъ этого рода аресту не болѣе какъ на 1 мѣсяцъ. Кромѣ этого, начальство для усиленія лишеній наказуемаго можетъ уменьшить количество выдаемой обыкновенно пищи до половины. Покупать пищу за свои деньги арестованнымъ строго воспрещается. Также запрещается курить, пѣть, свистѣть, заниматься какими бы то ни было играми.

За болѣе важные проступки заключенныхъ подвергаютъ битью розгами. Бьютъ только тѣхъ, которые находятся въ разрядѣ штрафованныхъ. Начальнику батальона предоставлено право дать заключенному

безъ всякаго суда 100 ударовъ, ротный же офицеръ можетъ дать 30. При болѣе важныхъ проступкахъ виновнаго предаютъ полковому суду, который обыкновенно назначаетъ 200—300 ударовъ.

Отъ 100 ударовъ болѣе сильные, новидимому, не сильно страдаютъ, т. е. не болѣютъ, а слабые на первыхъ порахъ лишаются чувствъ и потомъ болѣютъ (отъ натуги, должно быть,) или печенью, или легкими. Отъ 300 же ударовъ и тѣ, и другіе всегда умираютъ или черезъ нѣсколько дней или черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и только самыя крѣпкія натуры остаются въ живыхъ.

Розги не нмѣютъ никакого вліянія на заключенныхъ, несмотря на то, что тотъ, кто попадетъ подъ розги, навѣрно, теряетъ лѣтъ 5 жизни. Человѣкъ, понавшій въ батальонъ, хотя и честный отъ природы, но пробывшій здѣсь годъ или два, выходитъ на волю съ цѣлью воровать, грабить и прямо разбойничать. Это здѣсь только и слышишь. Это учрежденіе не только не достигаетъ своего исправительнаго назначенія, а, напротивъ, положительно и ужасно губитъ души несчастныхъ.

Въ теченіе 1893 года въ батальонѣ розгами было наказано 40—50 человѣкъ,

Въ *I-й ротѣ* наказаны *Мишуровъ* (60 ударовъ) и еще двое: *Карагодовъ* и *Дубовъ*. Карагодовъ за то, что будучи съ ружьемъ на наружномъ посту, ушелъ, т. е. сдѣлалъ побѣгъ. Черсзъ нѣсколько дней его поймали и судъ прибавилъ ему 1 годъ батальона и 100 ударовъ. Этотъ же Карагодовъ раньше получилъ 60 ударовъ, а теперь лежитъ въ лазаретѣ вотъ уже 4-й мѣсяцъ. Человѣкъ-богатырь, но жалуется, что почувствовалъ упадокъ здоровья послѣ 100 ударовъ. Болѣзнь его опредѣлена докторомъ — Neuralgia (невралгія).

Дубовъ — за ослушаніе фельдфебеля, приказав-

шаго убирать сортиръ — 75 ударовъ. Дубовъ зналъ, что его за это, во первыхъ, выпорятъ или, что еще хуже, предадутъ суду; во вторыхъ, переведутъ въ 3-ю роту, откуда онъ и пришелъ въ 1-ю и не получитъ сокращенія. Но все это онъ принялъ добровольно и при ослушаніи говорилъ такъ: „Господинъ фельдфебель, убирать клозета я не буду, потому что посмотрите мнѣ на лицо, какъ оно обезображено вередами и прыщами *). Это ни отъ чего болѣе, какъ отъ нужника. У меня все тѣло заразилось отъ этого. Какъ хотите, а я готовъ принять розги . . . доложите ротному, чтобы меня перевели обратно въ 3-ю роту, пусть мое сокращеніе пропадаетъ, а нужника убирать не буду.“ — Съ нимъ такъ и сдѣлали: перевели въ 3-ю роту и дали 75 ударовъ. Во время самаго дѣла Дубовъ, обладая большой силой, поднялся на четвереньки и поднялъ сидѣвшаго на головѣ заключеннаго, а другой ногъ не удержалъ. Тогда скомандовали еще четверымъ и вотъ трое на ногахъ и трое на головѣ начали его гнуть къ полу. Дубовъ нѣкоторое время держался, но сила силу одолѣла и его такъ ударили объ полъ, что разбили ему скулу.

II-я рота. Лобовъ. 30 ударовъ за то, что прибылъ въ батальонъ безъ второй пары шароваръ (годовыя вещи) и, будучи о томъ спрошенъ, сказалъ, что ему не выдали въ части. Навели справку — пишутъ: „выдано все подъ росписку фельдфебеля“,

Цыганковъ. 30, за то же.

Куленковъ — за насмѣшку надъ унтеръ-офицеромь — 30.

Лебедевъ. Будучи мастеровымъ и имѣя на рукахъ нѣсколько денегъ, въ одинъ изъ праздниковъ сошел-

*) Дѣйствительно, многіе жалуются, что въ батальонѣ живетъ какъ бы зараза, по которой чуть ли не всѣ здѣсь перебывавшіе получаютъ разныя накожныя болѣзни и преимущественно чирьи.

ся съ другимъ мастеровымъ, чтобы выпить, Лебедеву за это дали 100 розогъ, а товарищу (3-й роты) —30. Они пьяны не были и не буянили, но, говорятъ, не подѣлились съ унтеръ-офицерръмъ, который, какъ они показали на допросѣ, и доставилъ имъ водку. Лебедеву дали больше за то, что при обыскѣ тутъ же нашли еще денегъ 1 рубль. Въ другой разъ Лебедеву, тоже за пьянство, дали 40 ударовъ.

Олпмбергъ, портной, ослушался офицера — 50 ударовъ.

Козловъ, дурковатый малый. Нашелъ на дворѣ пустой ружейный патронъ, сдѣлалъ изъ него трубку и курилъ. Взводный унтеръ-офицеръ увидалъ, какъ тотъ набилъ и хочетъ закурить, отобралъ и сейчасъ же отдалъ нѣкоему Еркину за то, что тотъ протанцовалъ. Еркинъ выкурилъ, а трубку опять отдалъ Козлову. Взводный опять увидалъ и доложилъ фельдфебелю и ротному, что патронъ лежалъ запертъ у него въ ротномъ шкапѣ. Конечно, Еркинъ свидѣтель, что это ложь, да и ротный не повѣрилъ, но выразился такъ: „Ты, анаѳемская душа, если нашелъ казенную вещь, такъ долженъ принести ее въ роту и отдать начальству. Ложись!“ Дали 30 ударовъ.

Бѣленькій. 30, 30, 40 и 50, всего 150 ударовъ. Первые 30 ударовъ за драку. Дѣло было такъ. Нѣсколько заключенныхъ копали яму на фундаментъ для дезинфекціонной камеры. Около копачей Бѣленькій мылъ бѣлье. У одного копача сорвался нечаянно кусокъ земли съ лопатки и попалъ Бѣленькому въ корыто. Бѣленькій разсердился, что трудъ его пропалъ даромъ, выхватилъ землю изъ корыта и вмѣстѣ съ попавшей туда кирпичинкой, пустилъ въ копача. Тотъ въ свою очередь разсердился на Бѣленькаго и въ скоромъ времени у нихъ завяза-

лась драка. Дневальный изъ заключенныхъ далъ свистокъ, на который явился дежурный фельдфебель и сталъ подзадоривать дерущихся, а у нихъ у одного уже текла изъ носа кровь, а у другого было исцарапано лицо. Обоихъ на ночь посадили въ карцеръ, а на другой день фельдфебель доложилъ ротному Лавровскому, что Бѣленькій подрался съ солдатомъ 4-й роты. „Приготовить розги!“ приказываетъ Лавровскій. Фельдфебелъ бѣжитъ къ каптенармусу получить метлы на розги и, принеся въ казармы, начинаетъ вязать ихъ въ пучки (на 30 ударовъ вяжется 5 розогъ, а на 100 — 50.) Затѣмъ розги были положены въ теплую воду и мокли 1 день. Фельдфебель доложилъ ротному, что розги готовы. Лавровскій приказываетъ выстроить роту и посылаетъ унтеръ-офицера за Бѣленькимъ, а самъ начинаетъ выбирать поздоровѣе людей для поротья и держанья. Палачи не на всякаго идутъ охотно, но на Бѣленькаго выискались охотники: одинъ былъ сердитъ за него за то, что тотъ не отдалъ ему 5 копѣекъ за табакъ, а другой тоже за что то сердился. Привели Бѣленькаго. Фельдфебель приказываетъ ему разстелить на землѣ шинель. Бѣленькій исполняетъ приказаніе, разстилаетъ шинель и стоитъ. Розги раздѣлены на двое и лежатъ по обѣимъ сторонамъ шинели. Фельдфебель докладываетъ ротному: „Ваше Благородіе! Готово!“ Выходитъ Лавровскій и говоритъ строго и отрывисто, какъ бы разсердясь: „Ложись!“ (если порка производится по приказу, то ротный выноситъ съ собою приказъ и начинаетъ читать его во всеуслышаніе: Лавровскій всегда читаетъ приказы плачевнымъ голосомъ, какъ бы кого то жалѣя). — Бѣленькій ложится. Въ это время Лавровскій обращается къ палачамъ: „А вы — пороть по — присягѣ!“ — „Слушаемъ, Ваше Благородіе! — Бѣленькій лежитъ

до-гола открытый. Палачи берутъ розги и одинъ изъ нихъ размахиваетъ своей розгой два раза по воздуху, потомъ быстро поднимаетъ вверхъ и слышится; „о-і-й“. Когда ударила вторая розга, фельдфебель выкрикнулъ громко: „разъ!“ Насчитавши 15 паръ, палачи бросили розги на землю, а Бѣленькаго отвели въ карцеръ. Вторые 30 ударовъ Бѣленькій получилъ за то, что нарочно закурилъ въ присутствіи унтеръ-офицера и сказалъ, убѣгая: „Вотъ какъ я васъ стряхиваю,“ и ударилъ себя по колѣнкѣ. Въ третій разъ 40 ударовъ. Трое заключенныхъ: Бѣленькій, Николаевъ и Цыганцовъ возили навозъ со двора на Придачу. Начальство приказываетъ возить въ поле, но унтеръ-офицеры и заключенные наблюдаютъ выгоду не исполнять это приказаніе, такъ какъ придачинцы просятъ сваливать имъ на дворъ навозъ, и за это даютъ вознагражденіе. Въ этотъ разъ мужикъ обѣщалъ дать унтеръ-офицеру 20 коп. за 3 — 4 воза. Но Бѣленькій предупредилъ, шепнувъ мужику, что достаточно трехъ осьмушекъ махорки. Жена мужика тотчасъ достала три осьмыхъ ф. махорки, и Бѣленькій сталъ бочкомъ приближаться къ ней, чтобы взять табакъ. Унтеръ-офицеръ замѣтилъ и прогналъ его оттуда. Но если Бѣленькому не удалось, то удалось Цыганцову. Получивъ 3 пачки, онъ далъ одну Николаеву, двѣ оставилъ себѣ, а Бѣленькому не далъ. Тотъ разсердился, началъ ругаться и, наконецъ, угрожать, что заявитъ, какъ скоро пріѣдутъ въ батальонъ. Унтеръ-офицеръ видитъ, что дѣло плохо, и отобралъ табакъ. Конечно, на Бѣленькаго разсердились всѣ: унтеръ-офицеръ потому, что Бѣленькій могъ обнаружить передъ начальствомъ его попущеніе и т. п!, а товарищи за то, что лишились табаку. При томъ унтеръ-офицеръ не могъ быть увѣренъ, что по отобраніи табаку Бѣленькій оставитъ мысль о докладѣ, и предупре-

дилъ Бѣленькаго, доложивъ дежурному по батальону Журавскому, что Бѣленькій получилъ на Придачѣ табакъ, далъ товарищамъ, а онъ у нихъ отобралъ. Журавскій спросилъ у Николаева: „Гдѣ ты взялъ табакъ?“ — „Мнѣ Цыганцовъ далъ.“ — „А ты, Цыганцовъ, гдѣ взялъ? — Мнѣ Бѣленькій далъ.“ — Журавскій доложилъ объ этомъ Бурову. Тотъ велѣлъ посадить до распоряженія и отдалъ въ приказѣ 40 ударовъ. Вечеромъ, когда Журавскій во время повѣрки обходилъ карцеры. Бѣленькій обратился къ нему съ просьбой доложить Бурову о производствѣ по его дѣлу дознанія, такъ какъ онъ не имѣлъ табаку. — „А, хорошо, я скажу объ этомъ твоему ротному“, сказалъ Журавскій. и на другой день Бѣленькаго выпороли. Поднявшись на ноги, онъ обратился къ ротному съ такими словами: „Ваше Благородіе! меня напрасно наказали, — моя и душа ничего не знаетъ; кромѣ того, заявляю вамъ, что я буду жаловаться на то, почему по моему дѣлу не было произведено дознанія.“ Ротный отнесся объ этомъ рапортомъ Бурову и Буровъ отдалъ въ приказѣ „за неправильное заявленіе жалобы дать 50 ударовъ“. Такъ что 40 дали 18-го Октября, а 50 по незажившей спинѣ — 21-го Октября. Тутъ Бѣленькій уже ничего не сказалъ, потому что остался чуть живой.

III-я рота. Громовъ хорошій портной сошелся съ Гуреевымъ, хорошимъ сапожникомъ 4-й роты, — напились пьяные (конечно, водку приносятъ унтеръ-офицеры, копѣекъ по 60 за бутылку). Громову дали 75 ударовъ. Онъ черезъ недѣлю зачахъ, пролежалъ въ лазаретѣ мѣсяца два, потомъ въ околодкѣ и уѣхалъ домой безнадежно больной.

Ефимовъ, — что̀ пилъ съ Лебедевымъ, наказанъ 30-ю ударами.

Потомъ еще человѣка 2—3 по 30 ударовъ, больше за неисполненіе приказаній.

IV-я рота. *Егоровъ* — 100 ударовъ. Обозвалъ взводнаго „картошкой“ (полякъ). За это его посадили до распоряженія. Онъ, сидя въ карцерѣ, отворилъ окошко и, увидавъ взводнаго, занимающагося во дворѣ со взводомъ, крикнулъ: „Ну, что-жъ, вамъ полегчало, что доложили и посадили меня?“— За этотъ безпорядокъ доложено было Бурову и дали 100, но дали товарищи, съ которыми Егоровъ былъ друженъ, — легко. На другой день (27-го Октября) былъ въ батальонѣ смотръ и бригадный командиръ Несвѣтевичъ, обходя карцеры, полюбопытствовалъ, какъ сильно побили спину, и нашелъ, что „плохо, слабо“.

Гуреевъ — 75 ударовъ за пьянство съ Громовымъ.

Лейкинъ, Теплоуховъ, одинъ 20, другой 30 ударовъ и еще одинъ. Этихъ троихъ выпоролъ Журавскій въ теченіи одного мѣсяца вродѣ того что за папироску.

Алаевъ — 30 ударовъ за то, что при обыскѣ нашли 14 коп. денегъ.

Журиловъ — кухонный поваръ; за утайку мяса для продажи заключеннымъ — дали 40 ударовъ.

V-я рота. *Іоновъ* — 100 ударовъ. Въ числѣ другихъ возилъ соръ въ поле черезъ Придачу подъ надзоромъ унтеръ-офицера. Везутъ тачку двое, унтеръ-офицеръ идетъ сбоку, а Іоновъ помогаетъ сбоку и видитъ, что поровнялись съ пьянымъ мужикомъ, который спитъ возлѣ дороги, и изъ кармана торчитъ кончикъ платка. Іоновъ вытащилъ платокъ, тамъ оказалось рубля полтора мелочи. Съ товарищами онъ не подѣлился, но товарищи, можетъ бы и не выдали, если бы не выдала самого вынутія платка придачинская баба. Мужикъ проспался и узналъ, что вынули заключенные. Унтеръ-офицеръ прослышалъ, что мужикъ хочетъ жаловаться, и доложилъ начальству. Буровъ, будто бы, позвалъ мужика, вы-

спросилъ его, будетъ ли онъ жаловаться въ судъ, и узнавъ, что нѣтъ, остался очень доволенъ и положилъ резолюцію: унтеръ-офицеру 8 дежурствъ безъ очереди. а Іонову (у котораго при обыскѣ нашли 50 коп.) дать 100 ударовъ. А Іоновъ недавно былъ боленъ и дня только три какъ вышелъ изъ лазарета. И вотъ ему какъ дали, то вынесли изъ караульнаго дома безъ чувствъ на шинели и бросили въ карцеръ, гдѣ онъ очнулся черезъ полчаса. Кальсонъ онъ не могъ надѣть двое сутокъ и двое сутокъ ничего не ѣлъ.

Лобановъ. Былъ хлѣбопекомъ и на деньги, вырученныя отъ продажи хлѣба, купилъ рубашку; а тутъ попались съ табакомъ. — „Гдѣ табакъ взялъ?" —„Такой то продалъ." — „А денегъ гдѣ взялъ?" —„Продалъ рубашку." — „Кому? — Лобанову." —„Дать всѣмъ по 30!"

Нiязовъ — 100 ударовъ за то, что когда унтеръ-офицеръ скомандовалъ въ ротѣ „смирно", то и онъ повторилъ эту команду, а потомъ, когда его за это вели въ карцеръ, то угрожалъ и грубилъ.

Островскій — I-й роты. Портной. Товарищи его по мастерской начали замѣчать, что и глаза Островскаго и весь его видъ изобличаютъ ненормальное состояніе духа, и даже поговаривали: „А вотъ смотри, Островскій, если тебя не заметутъ въ карцеръ." Вдругъ взводный докладываетъ ротному, что Островскій пьянъ. Ротный, Лукьяновскій, призываетъ Островскаго и спрашиваетъ, гдѣ тотъ взялъ водки. Тотъ говоритъ, что онъ не пьянъ, что онъ боленъ, что у него что-то изъ живота „подкатываетъ" къ груди и шеѣ, что у него или глисты или приливы, что онъ раньше былъ боленъ душевно и лѣчился и т. п. Лукьяновскому ужасно не понравилась неправда и онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы Островскій „признался". Началъ обѣщать, что если Осровскій

скажетъ, что выпилъ, то ему ничего не будетъ, что „даетъ слово“, а что если онъ будетъ упорно утверждать, что не пилъ, то непремѣнно выпоретъ. Наконецъ, слова его подѣйствовали на полусумасшедшаго Островскаго и тотъ сказалъ: „да рюмочку.“ Лукьяновскій доложилъ Бурову, а Островскаго посадили въ карцеръ. Дежурный но карцерамъ унтеръ-офицеръ, обнюхавъ Островскаго нарочно, убѣдился, что запаху нѣтъ. Глаза у Островскаго, дѣйствительно, были такіе, какъ у пьянаго, и больше ничего, и онъ началъ уже раскаяваться, что наклепалъ на себя Лукьяновскому, и попросилъ дежурнаго доложить врачу, что онъ боленъ. Дня черезъ два прошелъ въ карцеръ старшій врачъ, но Островскій находился въ худшемъ состояніи, которое находило на него раза 2 въ сутки, — сидѣлъ на табуретѣ повѣсивши голову, изо рта слюна, глаза крайне сонны, почти не видятъ, такъ что старшій врачъ не добился никакого толку. Дня еще черезъ три его смотрѣлъ младшій врачъ и нашелъ, что онъ разстроенъ вслѣдствіе онанизма. Послѣ этого Островскій просидѣлъ еще въ карцерѣ два дня и всетаки не протрезвился, и его отправили на испытаніе (кажется, въ земскую больницу), гдѣ онъ пробылъ недѣлю и пришелъ обратно такимъ же на видъ пьянымъ. Его признали, какъ говорилъ самъ Островскій, „нервноразстроеннымъ“. Но когда онъ еще сидѣлъ первую недѣлю въ карцерѣ, Буровъ отдалъ въ приказѣ: „40 ударовъ за питье водки, въ чемъ самъ сознался, сказавъ: „да, выпилъ рюмочку“. И приказаніе это исполнили.

Въ 1890 году судили *Черкасова.* Онъ обругалъ матерно самаго Бурова (или, можетъ быть, сильно нагрубилъ) Буровъ посадилъ въ карцеръ. Уборщикъ попался такой, съ которымъ Черкасовъ не поладилъ, выломалъ изъ пола кирпичъ и нанесъ

уборщику рану въ голову. Черкасова предали суду, который постановилъ дать 200 ударовъ. Черкасовъ, вѣроятно, слыхалъ, что стоитъ только обругать судъ, и за это сошлютъ въ Сибирь на поселенье — и обругалъ: „Вамъ, е. в. м., не людей судить, а свиней бы пасть!“ Дѣло передано Окружному суду, который и сослалъ его, но и 200 ударовъ не отмѣнилъ. И вотъ 200, да Буровъ своихъ 100, за личное оскорбленіе. Во время экзекуціи Черкасовъ нѣсколько разъ лишался чувствъ, — въ такомъ случаѣ фельдшеръ, по приказанію доктора, давалъ возбуждающее средство и, какъ только тотъ приходилъ въ себя и взвизгивалъ — начинали опять стегать. И теперь еще въ батальонѣ есть очевидцы — рецидивисты, утверждающіе, что розги для Черкасова, по приказанію Бурова, два дня томились въ горячей соленой водѣ и въ концы ихъ вплетены были тонкія проволоки. Недѣли черезъ двѣ его отправили съ этапомъ въ Москву, гдѣ онъ, какъ получены были объ этомъ бумаги, умеръ.

Умершихъ заключенныхъ на Придачинскомъ новомъ (съ 1890 г.) кладбищѣ 77 человѣкъ.

Бывшій командиръ 4-й роты капитанъ Полторацкій, имѣя власть 30 ударовъ, далъ заключенному штукъ 200, и несчастный дня черезъ три умеръ. Онъ что-то укралъ у товарища, и ему назначено 30 ударовъ, и когда его стали пороть, то Полторацкій пришелъ туда пьяный. Когда насчитали 30 и доложили ротному, тотъ поправилъ фельдфебеля, что не 30, а 3, „пори дальше“. Тѣ считаютъ: 4, 5, 6 ... и опять докладываютъ: 30. Полторацкій опять говоритъ произвольное количество, и такъ запоролъ.

Военная и вмѣстѣ тюремная дисциплина, вѣчный страхъ наказанія такъ несносны заключеннымъ, что большинство изъ нихъ предпочитаютъ тюрьму, ссылку, даже каторгу жизни въ батальонѣ.

Отъ этого тамъ не рѣдки случаи побѣговъ. Въ Августѣ нынѣшняго (94) года во время вечерней повѣрки двое заключенныхъ на виду у всѣхъ перелѣзли черезъ заборъ и пустились бѣжать. За ними погнались — дежурный офицеръ Журавскій, всѣ унтеръ-офицеры и вся рота. Но убѣжавшіе успѣли добраться до рѣки и, скинувъ одежду, пустились вплавь къ острову. За ними поплыла погоня, но искать въ кустахъ за темнотою было затруднительно; поэтому, островъ окружили цѣнью и стерегли ихъ тамъ до слѣдующаго дня. Утромъ на островъ пріѣхалъ Буровъ, всѣ офицеры батальона, и привезли съ собою гончихъ собакъ. Буровъ объявилъ, что застрѣлившій или поймавшій бѣжавшаго получитъ 50 руб. награды и немедленно будетъ освобожденъ изъ батальона. Собакъ пустили въ островъ, исшарили всѣ уголки, но бѣглецовъ не нашли.

IV.

Жизнь Е. Н. Дрожжина въ дисциплинарномъ батальонѣ.

Вотъ въ это учрежденіе для принужденія исполненія требованій власти были отданы Дрожжинъ и Изюмченко. Пріѣхали они въ Воронежъ 12-го Октября. Съ вокзала ихъ партію подъ конвоемъ препроводили на Придачу въ батальонъ. Начальство и унтеръ — офицеры встрѣтили ихъ сурово. На дворѣ Дрожжина увидалъ знакомый солдатъ изъ Харькова и поклонился ему; Дрожжинъ отвѣтилъ ему кивкомъ, но тотчасъ же получилъ отъ конвойнаго ударъ кулакомъ въ спину.

— „Ты, е. т. м., пріѣхалъ сюда здороваться? родныхъ увидалъ?“

Раздѣли ихъ до гола и обыскали, нѣтъ ли чего запрещеннаго: табаку, денегъ; при этомъ у Дрожжина былъ взятъ его Харьковскій дневникъ и пачка писемъ Затѣмъ одѣли ихъ въ лохмотья и отправили въ карцеръ подъ „обязательный арестъ“. Карцеровъ всѣхъ 35 и всѣ одиночные, партія же состояла изъ 53 человѣкъ, поэтому, ихъ посадили по двое. Но черезъ часъ Дрожжина отсадили въ одиночный.

Всѣ вновь прибывающіе въ батальонъ заключенные должны отсиживать подъ „обязательнымъ арестомъ„ 14 сутокъ. Хотя Изюмченко сидѣлъ въ отдѣльной камерѣ отъ Дрожжина, но ему удавалось видѣться съ

нимъ. Для этого онъ вечеромъ послѣ провѣрки просился въ отхожее мѣсто и, возвращаясь оттуда, задвигалъ засовъ своей камеры, а самъ шелъ къ Дрожжину. Ночъ они проводили на одной койкѣ, а рано утромъ Изюмченко тѣмъ же путемъ возвращался въ свою камеру. Это можно было легко дѣлать, потому что оба они были вновь прибывшіе и дежурившіе въ карцерахъ солдаты не успѣли еще привыкнуть къ ихъ лицамъ.

Сидя здѣсь, Дрожжинъ увидалъ въ первый разъ, какъ бьютъ розгами. Это сѣкли на дворѣ передъ его окнами заключеннаго Мишурова. Сѣченіе это произвело сильное впечатлѣніе на Евдокима Никитича и когда вечеромъ къ нему пришелъ Изюмченко, онъ сказалъ ему: „Нѣтъ, Коля, если тебя вздумаютъ наказывать: я этого не перенесу и что нибудь надъ собой сдѣлаю“. Изъ подъ „обязательнаго“ они вышли 29-го Сентября и ихъ распредѣлили по ротамъ. Произведено это было слѣдующимъ образомъ:
Всѣхъ вновь прибывшихъ выстроили въ шеренгу, а Буровъ, взявъ въ руки кусокъ мѣлу, прошелъ по шеренгѣ и написалъ на груди у каждаго какую-нибудь цифру: 1, 2, 3, 4, 5, по числу ротъ. На Дрожжинѣ оказалась цифра 4, а на Изюмченкѣ, стоящемъ возлѣ него — 3. Но такъ какъ 3-я и 4-я роты помѣщаются на двухъ этажахъ одного и того же зданія и имѣютъ общія сѣни и клозетъ и они постоянно сходились, то черезъ нѣсколько дней Изюмченко перевели въ 5-ую роту, стоящую въ особомъ углу двора и славящуюся своею строгостью.

Жить имъ пришлось каждому по своему и почти не видясь. Оба они содержались подъ надзоромъ. Каждый разъ, какъ Дрожжинъ выходилъ изъ роты, съ нимъ долженъ былъ идти приставленный начальствомъ заключенный, наблюдающій затѣмъ, чтобы онъ

не сходился съ Изюмченкомъ, не разговаривалъ съ другими заключенными и т. п.

Черезъ четыре дня послѣ выхода изъ подъ обязательнаго ареста, Дрожжинъ, вмѣстѣ съ другими заключенными обѣдалъ въ столовой. Во время обѣда запрещено громко разговаривать, но онъ про это забылъ и сказалъ товарищу: „мѣшай кашу". Фельдфебель,стоявшій у него за спиной и не замѣченный имъ раньше, ударилъ его по затылку ладонью и громко спросилъ:

Развѣ полагается за обѣдомъ разговаривать?

Дрожжинъ возмутился и тихо, не вставая и не оборачиваясь къ нему, сказалъ:

— „Если мнѣ не полагается говорить, то тебѣ тѣмъ болѣе не полагается драться и ругаться скверно, когда люди обѣдаютъ."

Черезъ 5 минутъ Дрожжинъ уже сидѣлъ въ карцерѣ и ротный командиръ назначилъ ему 20 сутокъ „строгаго" ареста, замѣтивъ ему, что онъ уже однимъ тѣмъ виноватъ, что оправдывался.

Выйдя изъ подъ этого ареста, Дрожжинъ писалъ въ письмѣ своемъ И. А. Смотрову (25-го Ноября):

„Жизнь моя здѣсь еще почти не началась, такъ что я не знаю, какъ я проживу эти 2 года... Собственно о себѣ ничего утѣшительнаго не могу сказать: и тѣломъ и душою развинченъ: — грудь болитъ, а душа такъ мрачна, что со времени отъѣзда изъ Харькова ничего не чувствую, кромѣ одуренія; память до того подшучиваетъ, что напримѣръ, никакъ я не могу запоминать фамилій товарищей солдатъ, къ которымъ всегда приходится обращаться."

29-го Ноября Дрожжинъ сидѣлъ на урокѣ словесности (обученіе солдатскому уставу)- Онъ слушалъ и, по обыкновенію, ничего не слышалъ, какъ и большинство заключенныхъ. Вдругъ подходитъ быс-

тро офицеръ, бывшій сильно выпивши, и спрашиваетъ:

— Какой былъ послѣдній вопросъ капрала?

Дрожжинъ не зналъ.

—Чѣмъ вооруженъ русскій солдатъ? спрашиваетъ пьяный офицеръ.

— Винтовыми ружьями системы Бердана № 2, отвѣчаетъ Дрожжинъ.

— Какими это винтовыми? Что это за винтованныя? Такъ въ серединѣ винтъ, что ли? Гм . . . гвинтованныя! . . . Ты ничего не слушаешь.

Офицеръ ушелъ и Дрожжинъ простоялъ на ногахъ цѣлый часъ. Потомъ офицеръ опять подошелъ:

— Прочитай молитву Господню.

Дрожжинъ прочиталъ.

— Ну, теперь молитву за царя.

— Я не знаю, говоритъ Дрожжинъ.

— Почему?

— Забылъ.

— Почему?

— Давно не читалъ.

— Но вѣдь ты же учитель?

— Да.

— И не знаешь?

— Нѣтъ.

— А крестикъ почему не хочешь надѣть?

— Не нуженъ.

— Ты православный?

— Нѣтъ.

— А кто же ты? Какой вѣры?

— Христовой.

— Ты крещенъ по православному-

— Это не мое дѣло.

Послѣ этого разговора Дрожжина посадили опять въ одиночное заключеніе на 20 дней, „смѣшаннымъ“ за то, что отказался надѣть крестикъ и, бывъ спро-

шенъ о молитвѣ за царя, отвѣчалъ съ улыбкою: „зналъ, да забылъ."

Когда Дрожжинъ отсидѣлъ эти 20 дней ареста и пришелъ въ роту, у него заболѣла грудь. и онъ попросилъ себѣ у врача освобожденія отъ занятій на одну недѣлю. Потомъ грудь прошла, но онъ еще разъ пошелъ къ врачу попросить освобожденія, но врачъ не далъ. Дѣлалъ это онъ по той причинѣ, что полковникъ Буровъ самъ какъ-то сказалъ ему: „Можетъ быть, ты не обладаешь достаточнымь здоровьемъ, такъ мы не будемъ напрасно и мучить, а дадимъ подходящее занятіе". Дрожжинъ съ охотой исполнялъ всякія работы, не имѣющія отношенія къ военнону дѣлу: убиралъ казармы, мелъ дворъ, носилъ дрова, воду и т. п. Но слова Бурова оказались ложью. Дрожжина цѣлый мѣсяцъ обманывали и требовали только строевую службу. Цѣлый мѣсяцъ онъ почти ничего не дѣлалъ, кромѣ того, что слушалъ словесность.

Наконецъ, стали требовательнѣе. Онъ не вытерпѣлъ и одинъ разъ, когда унтеръ-офицеръ приказалъ ему стать на гимнастику, онъ отказался и потомъ пошелъ къ дежурному офицеру и самъ попросилъ себя арестовать, заявивъ ему, что онъ разъ навсегда отказывается исполнять подобныя требованія начальства, имѣющія цѣлью военныя упражненія.

Это Буровъ счелъ за важное преступленіе и предалъ его суду. Началось слѣдствіе. На слѣдствіи Дрожжинъ подробно объяснилъ, почему онъ не принялъ присяги еще въ Суджѣ и почему теперь отказался стать на гимнастику. Въ этомъ же дознаніи было означено, что всѣ работы, которыя онъ могъ бы исполнять съ удовольствіемъ, имѣютъ уже своихъ рабочихъ, и ему нѣтъ мѣста.

24-го Января былъ учиненъ надъ нимъ судъ. Судился онъ не вообще за нежеланіе быть солдатомъ,

что и было дѣйствительной причиной его отказа стать на гимнастику, а за „неисполненіе приказанія начальника изъ нижнихъ чиновъ.“

Судъ на основаніи 105 ст. (XXII кн. св. в. п. изд. 69 г.) постановилъ продлить пребываніе его въ батальонѣ на 3 года (до1897) и, сверхъ того, подвергнуть 4-хъ мѣсячному одиночному заключенію (до 24-го Мая).

Онъ былъ опять запертъ въ карцеръ, откуда уже больше не выходилъ во все время пребыванія въ батальонѣ.

Убѣдившись, что рѣшеніе Дрожжина не служить и не повиноваться требованіямъ начальства серьезно, начальство измѣнило свое отношеніе къ нему. Буровъ перестalъ уговаривать и, разъ зайдя къ нему въ камеру, кричалъ на него, и, въ заключеніе, сказалъ: „Я тебя сгною въ карцерѣ“. — „Ваше дѣло меня мучать, мое дѣло — терпѣть“, отвѣтилъ на это Дрожжинъ.

Во время этого сидѣнья, въ Февралѣ мѣсяцѣ съ нимъ было происшествіе, за которое онъ былъ посаженъ на двѣ недѣли въ темный карцеръ.

„На первой недѣлѣ поста (пишетъ Дрожжинъ въ своихъ запискахъ) меня потребовали въ роту говѣть, я отказался. Приходятъ и опять требуютъ къ фельдфебелю. Прихожу, тотъ говоритъ:

— Будешь говѣть?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Да такъ.

— Нѣтъ, Дрожжинъ, ты ужь какъ хочешь, а чтобы говѣлъ (исповѣдывался). Я не могу тебя такъ оставить. Тамъ на волѣ ты какъ знаешь, а тутъ въ батальонѣ, что приказываютъ, то и дѣлай. А на волѣ мнѣ дѣла нѣтъ.“

Но, несмотря на всѣ уговоры фельдфебеля, Дрож-

жинъ не сталъ говѣть и вмѣсто исповѣди высказалъ священнику, что люди исповѣдуются у него не по желанію. а потому, что принуждены къ этому.

Послѣ этого Буровъ отдалъ приказъ по батальону (№ 52) „за неумѣстный разговоръ съ Штабсъ-Капитаномъ Лавровскимъ (!) Дрожжина на мѣсяцъ смѣшанному аресту."

„Сидѣлъ я за это," пишетъ Дрожжинъ, „не мѣсяцъ, а двѣ недѣли (съ промежутками) въ темномъ, но былъ не совсѣмъ здоровъ, а потому пришлось трудно."

По выходѣ изъ темнаго карцера (16-го Марта) Дрожжинъ писалъ свои замѣтки для Н. Т. Изюмченка. Привожу эти замѣтки цѣликомъ, потому что въ нихъ выражается его міросозерцаніе, и его отношеніе къ своему положенію.

„Человѣкъ по существу своему долженъ быть разумнымъ, свободнымъ и безгрѣшнымъ. То есть онъ тогда только человѣкъ, когда стремится къ человѣческимъ идеаламъ. Это одинаково подтверждается и наукой, и религіей: Разумомъ онъ отличается отъ животныхъ и владычествуетъ надъ природой. Поэтому, онъ свободенъ отъ подчиненія существамъ физической природы и подчиняется только тому, что выше его самого: совѣсти, Богу. Будучи свободенъ, имѣя Божій даръ — совѣсть, человѣкъ этимъ самымъ такъ высокъ, что уподобляется Творцу и имѣетъ въ себѣ зачатокъ Его святаго духа.

„Существуетъ мнѣніе, что разумъ, свобода и совѣсть не есть высшіе дары, а болѣе низшіе, даже на столько низкіе, что служатъ только средствомъ для физической жизни человѣчества. Про эти дары говорятъ, что они культивируются сообразно развитію вообще, и такъ какъ условіе развитія есть борьба человѣка не только съ природой, но и съ человѣкомъ, то проявленіе ихъ и видѣли во всѣ времена въ непрерывной враждѣ народовъ. Все это, дѣйствитель-

но, было и есть, и быть не могло иначе. Но нехорошо то, что это дало поводъ думать и увѣрять другихъ, что такъ и *должно быть*.

„Всѣмъ очевидно, что міръ лежитъ во злѣ. Но почему же ни въ одинъ моментъ исторіи человѣчество не переставало чтить Бога и добродѣтель? Почему каждый изъ насъ, будучи въ извѣстной мѣрѣ хорошимъ или дурнымъ, въ душѣ предпочитаетъ хорошее и, въ противность дурному, старается даже показать его людямъ? Возьмите, для примѣра, отъявленнаго негодяя, и тотъ не похвалится тѣмъ, что, по его убѣжденію, скверно, и, наоборотъ, не прочь похвастаться такими добродѣтелями, какихъ ему и не снилось совершать. Изъ этого ясно, что не все то, что есть, есть то, что *должно быть*; и, во вторыхъ, побужденіе отличать добро отъ зла и стремиться къ добру составляетъ неотъемлемое достояніе человѣка. (Всякій, имѣющій это побужденіе, вѣритъ въ Бога,)

„Впрочемъ, это убѣжденіе, будь оно и не моимъ однимъ, никого не обязываетъ выражать его, потому что всякое обязательство лишаетъ человѣка свободы и т. д. Но всетаки не лишнее разбудить то чувство, которое въ дремлющемъ состояніи приводитъ къ ошибкамъ. Совѣсть, этотъ высшій судья, всегда заявляетъ свои права, наказывая за ошибки раскаяніемъ.

„Что такое солдатъ? Въ военномъ учебникѣ есть отвѣтъ: слуга государя и отечества. И это для меня совершенно непонятно. Еще будетъ непонятнѣе, если прибавить, что онъ въ то же время и человѣкъ.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я какъ будто бы понималъ, что означаетъ слово „слуга“ и т. д., но итогда слуги, рабы представлялись мнѣ ниже, чѣмъ

должны бы быть (вѣроятно, вслѣдствіе логической ассоціаціи контраста, ибо господинъ раба представлялся мнѣ выше, чѣмъ долженъ бы быть), и вообще несчастными, вызывавшими къ себѣ жалость. Теперь я слово „слуга“ понимаю такъ: онъ служитъ людямъ, помогаетъ имъ жить, какъ было во времена рабства или крѣпостничества, т. е. главная обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы питать и покоить господъ. Это еще я понимаю; но никакъ не могу понять, какъ солдатъ можетъ служить государю, не видя его, и служить отечеству которое даже представить себѣ не въ состояніи. Солдатъ видитъ, что служитъ своимъ ближайшимъ начальникамъ.

„Еще мнѣ приходилось слышать отъ образованныхъ военныхъ, каковъ долженъ быть идеальный солдатъ? Такой, который слѣпо исполняетъ волю начальника и никогда не разсуждаетъ: такъ или не такъ, хорошо ли или нехорошо то будетъ. Это еще разъ подтверждаетъ, что солдаты суть машина, рычагъ отъ которой находится въ рукахъ начальниковъ, но менѣе всего человѣкъ.

„Меня какъ то разъ начальство назвало сумасшедшимъ на томъ основаніи, что я составляю исключеніе изъ милліоновъ, которые уважаютъ службу. Еше офицеръ назвалъ дуракомъ за то, что не слушаюсь начальства.

„Слова перваго заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться. Правда ли, напримѣръ, что милліоны „уважаютъ“. Начать хоть съ низшихъ. Солдатъ служитъ по грубому принужденію, освященному закономъ. Офицеръ служитъ по принуждеиію болѣе тонкому, удостовѣрившись предварительно въ своей непригодности къ болѣе разумной службѣ и часто оставаясь довольнымъ собой за мундиръ и 50 руб. жалованья. Высшія лица военнаго званія, производя свой родъ отъ такихъ предковъ, которые болѣе всего

пользовались славой и властью, соблазненные уже однимъ этимъ. не желаютъ умалять эту славу, тяготѣютъ къ Петербургу и часто сами достигаютъ высшаго положенія, богатѣютъ и блестятъ . . .

„Такимъ образомъ, всѣ, отъ солдата до генерала, служатъ по неволѣ, и, можетъ быть, самое незначительное меньшинство по убѣжденію. И несмотря на это, военное начальство, служа своимъ похотямъ, увѣряетъ, что оно служитъ Государю, отечеству и защищаетъ . . . вѣру.

„Послѣдняя выдумка такъ не замысловата и ей такъ всѣ мало вѣрятъ, что скоро перестанутъ печатать, а говорить даже и перестали.

„Конечно, будущаго знать нельзя, хотя и исторія прямо подсказываетъ это. Я только припомню то, что съ теченіемъ времени воинственный духъ надаетъ: всѣ племена въ кочевой періодъ своето развитія любили войну болѣе всего въ жизни, весь мужской и даже отчасти женскій полъ были искусными головорѣзами. Съ осѣдлостью же народъ не только не охотно идетъ въ сраженіе, но даже по объявленіи всеобщей воинской повинности начинаетъ смотрѣть на это, какъ на насиліе, и оплакиваетъ новобранца съ причитаніями. Взамѣнъ старыхъ идеаловъ счастья, выражавшихся въ торжествѣ побѣдителя, возвращавшагося съ золотомъ, оружіемъ, плѣнниками и воспѣваемаго за это, какъ героя, теперь стали иные идеалы, идеалы семейной жизни и труда.

„Ко всему этому я могъ бы обратить вниманіе на ученіе Христа, но слова его для меня такъ святы, что считаю грѣхомъ примѣнять ихъ тамъ, гдѣ ложь такъ очевидна, что разоблаченіе ея достигается при помощи обыкновенныхъ человѣческихъ усилій.

„И вотъ, мнѣ, глубоко убѣжденному во всемъ сказанномъ, предлагаютъ стать солдатомъ, и даже не предлагаютъ, а просто арестовываютъ и именуютъ

солдатомъ. Хотя я много ожидалъ, однако многое показалось мнѣ дикимъ, а многаго и совсѣмъ не предвидѣлъ; напримѣръ, я радикально измѣнилъ мнѣніе объ офицерахъ. Можетъ быть, это оттого, что во все время я болѣе всего терпѣлъ отъ ихней грубости и несправедливости, — не знаю, но знаю только и убѣжденъ, что эта золотая молодежь есть самый вредный элементъ въ государствѣ (какъ въ семьѣ). Ихъ отношенія укрѣпили во мнѣ рѣшимость и сдѣлали изъ меня безповоротнаго врага всякой военщины. Не стану приводить безчисленные и всѣ, похожіе другъ на друга примѣры ихъ безобразій.

„Чаще всого приходилось слышать слово „заставятъ". Это слово наиглупѣйшее, противнѣйшее и злокачественнѣйшее изъ всего русскаго словаря, Слово это меня всегда возмущало, потому что я нисколько не вѣрилъ этому, а доказать не могъ, потому что всѣхъ другихъ обстоятельства дѣйствительно заставляютъ, въ ходячемъ смыслѣ этого слова. Не знаю, имѣлось ли въ виду заставить меня или нѣтъ, но я перетерпѣлъ все то, что долженъ бы былъ перетерпѣть въ томъ случаѣ, если бы меня рѣшились заставить."

„Наибольшей святости человѣкъ можетъ достигнуть только при наибольшемъ сознаніи своей грѣховности."

1-го Апрѣля Дрожжинъ писалъ А. Н. Д-ку:

„Ты просишь меня описать свою жизнь . . . Не могу, потому что вышла бы сплошная жалоба. Ты догадался вотъ написать мнѣ такое письмо физическое, что его свободно мнѣ отдали, но у насъ тутъ все такъ ужасно строго, что и на него отвѣчать затруднительно. Но немножко напишу. Въ ротѣ былъ всего одинъ мѣсяцъ, — осталь.

ные въ карцеръ. 50 сутокъ получалъ горячую пищу черезъ два дня въ третій (а твое письмо получилъ, сидя въ темномъ, и прочиталъ только по выходѣ въ свѣтлый 16-го Марта).

„Въ Январѣ полковой судъ постановилъ прибавить три года заключенія въ батальонѣ, да 4 мѣсяца карцера. 24-го Мая предложатъ „свободу“, но, что будетъ дальше, не знаю. Чаю пить нельзя, своей пищи покупать нельзя (потому постоянно болѣю). Читать нельзя ничего. Письма задерживаютъ. И такъ далѣе. И такъ видишь, какъ мнѣ трудно. За полгода написалъ съ настоящимъ 6 писемъ, получилъ твоихъ три, съ полдесятка задержано. Изъ дому никакой вѣсти, поэтому, денегъ нѣтъ, да и ненужны они . . .

„Такъ какъ я не имѣю возможности писать болѣе одного этого письма, то по прочтеніи отошли его лучшему моему другу Т. В. Б-ву. Будьте знакомы, любите другъ друга, какъ я васъ люблю обоихъ.“

25-го Апрѣля Н. Т. Изюмченко писалъ объ Евдокимѣ Никитичѣ, И. А. С-ву: . . .

„Остается одна помощь — Божья, ниспосылающая мужество, и я полагаю, что Евдокимъ Никитичъ не обиженъ Промысломъ, ибо у него характеръ настойчивый и много терпѣнія, съ которымъ онъ можетъ еще много и много перенести страданій.

„Я его только и вижу, когда онъ выходитъ на прогулку, но говорить съ нимъ ни въ какомъ случаѣ нельзя. Срокъ отсидки ему кончится 24-го Мая и потомъ опять могутъ судить . . . Ему не даютъ ни книгъ, ни чаю.“

Прогулки полагались Дрожжину три четверти часа въ сутки; при этомъ его сопровождали двое солдатъ: одинъ шелъ впереди, другой сзади. Иногда, во время этихъ прогулокъ, Евдокимъ Никитичъ позволялъ себѣ развлечься шуткою: на дворѣ стоитъ кучка заключенныхъ, производится ученье, но офицеръ ушелъ въ дежурную комнату и солдаты стоятъ „вольно“, фельдфебель стоитъ тутъ же и крутитъ папиросу. Дрожжинъ проходитъ мимо кучки и вдругъ неожиданно громкимъ, начальническимъ голосомъ вскрикиваетъ: „смирррно! . . .“ Эта команда захватываетъ всѣхъ врасплохъ, все спутывается . . . Евдокимъ Никитичъ хохочетъ. Фельдфебель понимаетъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, ругается, а Дрожжинъ идетъ въ свою камеру подъ запоръ.

5-го Мал Дрожжину велѣно было идти въ городъ для принятія присяги вмѣстѣ съ другими заключенными, не присягавшими въ своихъ частяхъ подъ знаменемъ. (Извѣстно, что каждый солдатъ подвергается двумъ присягамъ: одной при пріемѣ въ рекруты, а другой въ полку подъ знаменемъ, послѣ ознакомленія съ военнымъ уставомъ,) Дрожжинъ отказался идти и, уже раньше нѣсколько разъ, объясняя свои взгляды на присягу, на вопросъ о причинѣ нежеланія принять присягу отвѣчалъ, что это дѣло его и что начальству это безразлично. Это было сочтено опять за преступленіе, и Буровъ вторично предалъ Дрожжина военному суду. На слѣдствіи и не спрашивали, почему онъ не пошелъ присягать, и опять обвиняли въ простомъ неповиновеніи офицеру. Въ докладной запискѣ суду Дрожжинъ объяснилъ, что не считаетъ себя виновнымъ по той причинѣ, что онъ не солдатъ и впередъ не обѣщался дѣлать то, что прикажутъ.

„Я иногда говорилъ,“ пишетъ Дрожжинъ въ запискахъ „почему меня не стараются разубѣдить въ

моихъ заблужденіяхъ? Можетъ быть, я и раскаюсь... На это мнѣ отвѣчали, что я такъ глубоко заблудился, что обращеніе невозможно. На самомъ же дѣлѣ. не разубѣждали меня не поэтому, а потому, что это не вмѣнено въ обязанность закономъ: за сдѣланный проступокъ полагается извѣстное наказаніе, а до остальнаго никому нѣтъ дѣла.“

Скоро послѣ этого новаго отказа отъ присяги Дрожжинъ опять заболѣлъ грудью и слегъ въ лазаретъ. Больнымъ въ лазаретѣ дозволяется пить свой чай 2 раза въ сутки. Дрожжинъ попросилъ объ этомъ старшаго врача и онъ написалъ разрѣшительную записку, чтобы на его деньги выписать чаю, сахару, лимоновъ. Но пришелъ ротный офицеръ и сказалъ, что Буровъ приказалъ Дрожжину ничего не выписывать, такъ какъ, вѣроятно, это лазаретное пребываніе зачтется въ срокъ отсидки одиночнаго. Поэтому же его въ лазаретѣ замыкали въ одиночной палатѣ. Но когда онъ черезъ полтора мѣсяца вышелъ изъ лазарета, то оказалось, что это пребываніе не зачлось.

Между тѣмъ, слѣдствіе объ отказѣ идти къ присягѣ кончилось и судъ былъ назначенъ на 24-го Мая, т. е. на тотъ самый день, когда кончался срокъ заключенія, по первому суду. Судить должны были опять офицеры Коротоякскаго полка, который стоялъ въ это время въ лагеряхъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ батальона. За Дрожжинымъ пришли въ лазаретъ. Онъ чувствовалъ себя дурно и отказался не только идти въ лагери, но и ѣхать. Тогда пришелъ офицеръ съ солдатами и его взяли силой: сняли больничное платье, и надѣли праздничное, парадное, подпоясали, обули, взяли подъ руки, посадили на повозку и повели. На судѣ Дрожжинъ ничего не говорилъ и не подписывалъ никакихъ бумагъ.

Судъ, за неисполненіе приказанія офицера идти

для принятія присяги, присудилъ, какъ и въ первый разъ, продлить пребываніе въ батальонѣ еще на три года (до 1900 года) и, сверхъ того, къ четырехмѣсячному одиночному заключенію.

И его опять заперли въ одиночную палату въ лазаретѣ.

1-го Іюня онъ писалъ Д. А. Хилкову:

„Вамъ, конечно, извѣстно было, что жизнь моя вообще была тяжелая. Въ Воронежѣ въ особенности полковникъ „старался“ . . . Много терпѣлъ отъ холода, голода, обидъ и беззаконій. Ну, и заболѣлъ, — теперь въ лазаретѣ. Если повторится еще разъ такое кровохарканіе, то врядъ ли встану. А силы совсѣмъ истощились, такъ что съ трудомъ могу пройти нѣсколько саженъ. Впрочемъ, сейчасъ началъ поправляться. Кровь шла только пять сутокъ, а лихорадка бросила на дняхъ, хотя, можетъ быть, и не надолго, потому что перемежающаяся. Я теперь болѣе всего нуждаюсь въ совѣтѣ, но, вѣроятно, не могу воспользоваться таковымъ, потому что врачъ быстръ и проворенъ, и мнѣ придется бездѣйствовать такъ-же, какъ бездѣйствовалъ до сего времени. Дѣло въ томъ, что я ждалъ одного: по совокупности однородныхъ преступленій, предадутъ, наконецъ, окружному суду и пойду съ лишеніями всѣхъ правъ въ Сибирь. А сейчасъ меня хотятъ представить на коммисію и, если она признаетъ меня негоднымъ къ военной службѣ, то передадутъ, какъ водится, въ гражданское вѣдомство и недослуженные 8 лѣтъ надо сидѣть въ гражданской тюрьмѣ! Хотя для меня это и безразлично, однако я не прочь бы что нибудь выиграть, извлечь пользу и изъ этого. Послѣднимъ судомъ я остался недоволенъ, просто для опыта, а въ докладной запискѣ доказалъ, что полковой судъ (да еще за подобное преступленіе)

не могъ меня судить, какъ крестьянина Суджанскаго уѣзда, а просить ни о чемъ не просилъ. Не призналъ себя виновнымъ, объявивъ, что я не солдатъ. Вѣроятно, поэтому и еще потому, чтобы не околѣлъ вт карцерѣ, полковникъ и хочетъ отъ меня отдѣлаться и пересталъ принуждать.

„Коммисія 5-го Іюня. Не даютъ ни чаю, ни книгъ, а теперь и письма писать.“

Изъ лазарета Дрожжинъ попалъ опять въ карцеръ. Какъ то разъ къ нему заходитъ его ротный командиръ Ю. Н. Журавскій и здоровается:

— Здравствуй, Дрожжинъ!

— Здравствуйте, отвѣчаетъ Евдокимъ Никитичъ.

Журавскій приказалъ отвѣтить по солдатски:

— Здравія желаю, Ваше Благородіе!

Дрожжинъ отказался. Журавскій доложилъ Бурову и тотъ въ третій разъ предалъ его суду,

Снимать дознаніе пришелъ назначенный для этого офицеръ. Войдя въ камеру, офицеръ спросилъ:

— Ты какой роты? Имя, отчество, фамилія?

Дрожжинъ сказалъ.

— Ты зналъ. что Журавскій твой ротный командиръ и что ты ему долженъ былъ отвѣчать?

— Ни Журавскому, ни вамъ я не хочу отвѣчать вовсе, сказалъ Дрожжинъ.

— Какъ, и мнѣ не будешь отвѣчать?

— И вамъ.

Офицеръ всталъ и вышелъ вонъ и изъ-за двери еще повторилъ:

— Такъ и пе будешь?

— Нѣтъ, пе буду.

Дѣло было передапо опять въ Коротоякскій полкъ. Обвинялся Дрожжинъ въ томъ, что 1) не исполпилъ приказанія офицера отвѣчать „Здравія желаю“ и 2) „въ оскорбленіи офицера неприличнымъ дѣйст-

віемъ, состоящимъ въ томъ. что разговаривалъ, улыбаясь и разставивъ ноги, т. е. стоя не по солдатски. И, вѣроятно, улыбался, потому что у него была эта привычка при разговорахъ съ офицерами. Но голоса онъ не повышалъ.

Въ это время я жилъ въ Воронежской губерніи, у моего друга В. Г. Черткова. 2-го Іюля Д. А. Хилковъ прислалъ намъ съ Кавказа письмо Дрожжина, писанное 1-го Іюня и просилъ, если можно, увидать его. 5-го Іюля я быть въ Воронежѣ. Прежде всего я увидалъ одного изъ младшихъ врачей дисциплинарнаго батальона — Спенглера. О состояніи здоровья Дрожжина онъ сказалъ мнѣ, что „хотя Дрожжинъ и крѣпкаго сложенія, но у него уже шла горломъ кровь и частыя лихорадки". Что же касалось до возможности посѣщенія Дрожжина, онъ сказалъ, что видѣть Дрожжина нечего и думать, Буровъ и офицеры прямо жестокіе люди и изъ собственной выгоды не возьмутся ничѣмь помочь ему. Передать ему тоже ничего нельзя, потому что ему и въ чаѣ отказано.

Отъ другого лица В-ча я узналъ, что 6 лѣтъ заключенія равносильны приговору къ медленной смертной казни, потому что рѣдко кто безболѣзненно выноситъ и два года батальонной жизни. Онъ мнѣ говорилъ, что офицеры въ дисциплинарный батальонъ назначаются изъ тѣхъ, которые въ полкахъ отличаются жестокимъ обращеніемъ съ солдатами и особенной требовательностью дисциплины, что офицеры эти (какъ разсказывалъ ему одинъ юнкеръ, водящій компанію съ ними и бывающій въ батальонѣ на дежурствахъ) спокойно обсуждали между собой вопросъ о томъ. когда смерть Дрожжина избавитъ ихъ отъ этого безпокойнаго человѣка. Еще одинъ мѣстный докторъ говорилъ мнѣ тоже, что Дрожжинъ не вынесетъ 6 лѣтъ, что 50 процентовъ заболѣвающихъ

въ батальонѣ умираетъ отъ чахотки, т. е. отъ того, что началось уже у Дрожжина. Такъ и уѣхалъ изъ Воронежа, не добившись ничего.

А между тѣмъ на другой день (6-го Іюля) моего отъѣзда изъ Воронежа судъ Коротоякскаго полка вычиталъ Дрожжину, что, на основаніи 97 и 282 ст., за неподсудностью, дѣло его передается въ Окружный судъ. Неподсудность происходитъ оттого, что 1) полковымъ судомъ ему уже была назначена высшая мѣра наказанія — увеличеніе срока пребыванія въ батальонѣ на 6 лѣтъ и 2) за одно и то же преступленіе онъ предается суду 4-й разъ. То есть произошло то, чего такъ долго ожидалъ Дрожжинъ: дѣло передано Окружному Суду и Окружный судъ, вѣроятно, сошлетъ его на поселеніе въ Сибирь, что̀ въ сравненіи съ 11 годами пребыванія въ батальонѣ всякому показалось бы не наказаніемъ, а большимъ облегченіемъ.

Послѣ суда Дрожжинъ опять былъ запертъ въ карцерѣ и подвергнутъ на мѣсяцъ смѣшанному аресту, за грубость унтеръ-офицеру, сдѣланную еще въ началѣ Мая.

Онъ былъ такъ измученъ за послѣднее время и болѣзнью, и карцеромъ, и лишеніями, и обращеніемъ офицеровъ, что далекая возможность перемѣны его положенія отъ приговора Окружнаго суда уже не радовала и не утѣшала его. 8-го Іюля Изюмченко зашелъ къ нему въ карцеръ и засталъ его сидящимъ на табуретѣ съ унылымъ, мрачнымъ видомъ. „И гдѣ это Пугачевы на этихъ людей,“ сказалъ Дрожжинъ въ отчаяніи: „если бы зналъ, сейчасъ бы къ нимъ ушелъ.“ И онъ сталъ просить Изюмченка, помочь ему бѣжать изъ батальона. Изюмченко испугался его слабости и упынія, и ободрялъ и отговаривалъ его отъ этого намѣренія.

На другой день Дрожжина посѣтилъ Чертковъ.

Благодаря счастливой случайности, ему удалось проникнуть въ карцеръ къ Дрожжину и пробыть съ нимъ около часу.

Это посѣщеніе посторонняго батальону, свѣжаго и сочувствующаго человѣка такъ обрадовало и подняло Дрожжина, что все его уныніе сняло какъ рукой и въ немъ проснулась та энергія и твердость, которыя поддерживали его уже почти втеченіи двухъ лѣтъ его мученической жизни.

Подобные — то упадки, то подъемы духа случались съ Евдокимомъ Никитичемъ, какъ со всякимъ человѣкомъ, живущимъ напряженной духовной жизнью, нѣсколько разъ, и онъ зналъ въ себѣ эти душевныя колебанія и по поводу ихъ какъ-то писалъ въ письмѣ къ Б. Н. Леонтьеву:

„Благодарю Бога, что еще посылаетъ такія обстоятельства, которыя заставляютъ поминать о Немъ. Я говорю о минутахъ облегченія. Эти минуты приходятъ независимо отъ моихъ личныхъ качествъ, неизвѣстно откуда и иногда въ такіе тяжелые часы, когда всего менѣе ихъ ждешь. Мучишься, злишься, болѣешь всѣмъ существомъ — и разумъ затемняется; вдругъ какое нибудь незначущее обстоятельство, — и все измѣняется: сердце облегчается, на душѣ легко, все начинаешь видѣть въ иномъ свѣтѣ и, въ концѣ концовъ, совѣсть караетъ по своему: видишь, что малодушенъ и подлый, — и тогда только являются новыя силы.“

Также точно было и въ этотъ разъ. Едва Чертковъ переступилъ порогъ карцера и сказалъ Евдокиму Никитичу нѣсколько словъ, какъ онъ почувствовалъ такую радость и такой подъемъ духа, что, очнувшись отъ своей слабости, онъ забылъ всю тяжесть своего положенія и съ чистой совѣстью могъ сказать Черткову, что доволенъ своимъ настоящимъ и не желаетъ ничего другого.

„Прежде и больше всего поразило меня въ Евдокимѣ Никитичѣ то,“ пишетъ Чертковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Дрожжинѣ, „что въ немъ не было ничего поразительнаго. Я ѣхалъ навѣстить мученика за совѣсть, страдавшаго среди чуждыхъ ему по духу людей и оторваннаго отъ всѣхъ своихъ друзей. Я думалъ найти человѣка, изнемогавшаго подъ тяжелымъ бременемъ своихъ мученій и поддерживаемаго развѣ однимъ только сознаніемъ громаднаго значенія совершаемаго подвига. Нашелъ же я человѣка, душевно совершенно бодраго и даже веселаго, добродушно заявившаго мнѣ, что онъ чувствуетъ себя прекрасно и вполнѣ доволенъ своей судьбой, и съ доброю, почти снисходительной улыбкой отклонявшаго мои предложенія ходатайствовать у высшаго начальства о сокращеніи срока его заключенія.“ — „Да почему же“, говорилъ я: — „не ходатайствовать? Вѣдь, можетъ быть, удастся выхлопотать хоть какое нибудь облегченіе.“ — „Мнѣ кажется,“ сказалъ онъ, „что нѣтъ никакой надобности ходатайствовать. Впрочемъ, если вамъ непремѣнно хочется,“ прибавилъ онъ, замѣтивъ мое огорченіе, —„ то дѣлайте, какъ знаете; я не хочу вамъ мѣшать.“

Въ разговорѣ я какъ-то къ слову замѣтилъ, что и на свободѣ въ настоящее время у насъ въ Россіи не весело и не легко живется тѣмъ, кто хочетъ жить по совѣсти и чьи убѣжденія не сходятся съ господствующими взглядами. — „Я это хорошо знаю“, отвѣтилъ онъ, „да и скажу вамъ искренно, — -я ет перь доволенъ своей судьбой, и на свободу меня не тянетъ. Было, правда, время, когда я тяготился своимъ заключеніемъ и былъ неспокоенъ душой. Это было послѣ того, какъ во мнѣ остылъ тотъ первый пылъ, который вначалѣ сопровождалъ мой отказъ отъ военной службы. Какъ разъ въ то время

ко мнѣ стали очень приставать разные посѣтители изъ офицеровъ и своими разспросами старались вытягивать изъ меня душу, и я дѣйствительно почувствовалъ отсутствіе душевнаго равновѣсія, сталъ тяготиться и раздражаться. Но потомъ это скоро прошло и теперь я такъ сжился со всею обстановкою, что лучшаго и не желаю. Право, жизнь въ заключеніи не такъ страшна, какъ полагаютъ. Люди вездѣ одинаковы, и общеніе съ ними здѣсь доставляетъ такое же удовлетвореніе, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ."

„Отъ этого посѣщенія“, пишетъ Чертковъ, „я вынесъ глубоко-поучительное впечатлѣніе. Я думалъ, что мнѣ придется его утѣшать и ободрять, но что самъ я увижу грустное и мучительное зрѣлище. Ожиданія эти не оправдались. Онъ, правда, былъ очень обрадованъ и тронутъ моимъ неожиданнымъ для него посѣщеніемъ, и мы, раньше знавшіе другъ друга только по наслышкѣ, бросились въ объятія, какъ родные братья послѣ долгой разлуки. Но въ духовномъ отношеніи я ничего не могъ дать, потому что онъ ни въ чемъ не нуждался отъ меня. Онъ вь своемъ заточеніи былъ независимѣе меня, пользовавшагося свободой.“

Посѣщеніе Черткова принесло Дрожжину не только душевное утѣшеніе, но было очень полезно и въ матеріальномъ отношеніи.

Начальство увидало, что судьба его извѣстна посторонним, что за его жизнью слѣдятъ, интересуются имъ, и къ нему стали менѣе жестоки: разрѣшили чтеніе книгъ, переписку. Кромѣ того Черткову удалось установить переписку съ Дрожжинымъ, минующую руки начальства, которая не прекращалась во все время пребыванія его въ батальонѣ.

Черезь три дня (12-го Іюля) онъ писалъ Черткову:

„Такой радости, какую Вы мнѣ принесли, я давно не испытывалъ, потому что давно ни съ кѣмъ не вижусь, а писемъ въ Воронежѣ получилъ только 4 (столько же задержано).

„Судился я, какъ солдатъ, и, какъ солдатъ же, буду судиться и Окружнымъ судомъ, который, если не попробуетъ еще помучать одиночнымъ, то долженъ сослать на поселеніе въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Судъ въ этомъ случаѣ можетъ руководиться примѣненіемъ къ той статьѣ, по которой за третій побѣгъ полагается ссылка. Вѣдь за побѣгъ судятъ такъ потому, что изъ третьяго побѣга видно полное отклоненіе отъ службы? Значитъ и меня могутъ такъ судить. И если вы, во что бы то ни стало, хотите мнѣ помочь поскорѣе отсюда выбраться, то самое лучшее, по моему, предоставить дѣлу свободное теченіе, или же, если есть у Васъ знакомые въ Московскомъ военно-окружномъ судѣ, то убѣдить, чтобы судили рѣшительно.

„Затѣмъ вотъ что. Мнѣ весьма не понравилось, когда съ перваго раза мое дѣло отдалось военному суду; я этого не желалъ и не ожидалъ. Лучше бы было, если бы судилъ гражданскій судъ или администрація, а то во-первыхъ, если на слѣдующее время окажется другой, мнѣ подобный, то и онъ долженъ будетъ испытывать всю тяжесть подлой системы заставлянья, и, во вторыхъ, дурной примѣръ, представляетъ, напримѣръ, Изюмченко. Если бы онъ не былъ въ разрядѣ штрафованныхъ, то благополучно сидѣлъ бы, какъ и я, и какъ онъ самъ благополучно просидѣлъ въ Курскѣ 15 мѣсяцевъ. А переведенный въ разрядъ штрафованныхъ, онъ, или долженъ измѣнить убѣжденіямъ, или погибнуть.

„Вѣдь если бы я не пользовался учительскими

правами, то вмѣсто 4-хъ мѣсяцевъ, а потомъ и еще вмѣсто 4-хъ, мнѣ полагалось 200 да 300 и еще столько же ударовъ розгами, а это количество не выдержитъ ни одинъ изъ 500 заключенныхъ. По этой причинѣ я и говорю: тѣмъ, кого могутъ пороть, слѣдуетъ (если, конечно, на это не будетъ особеннаго душевнаго состоянія), хотя и не присягать, но брать ружье и выдѣлывать артикулы, если ихъ дѣло предается военному суду. А если бы судилъ гражданскій, то тотъ не приговариваетъ къ розгамъ. Ссылку же въ Сибирь всѣ предпочитаютъ трехлѣтнему заключенію въ батальонѣ, хотя большинство остается за этотъ срокъ небитыми, но дисциплина — и солдатская, и вмѣстѣ арестантская — всѣмъ несносна."

Черезъ двѣ недѣли (29-го Іюля) Дрожжинъ писалъ опять Черткову:

„Сейчасъ мы оба съ Изюмченкомъ сидимъ „смѣшаннымъ" на мѣсяцъ, а потому въ тѣ дни, въ которые не дается горячая пища, покупаемъ булки и порціи, а то и огурцы. Денегъ хватитъ еще недѣли на двѣ. Можете къ этому времени передать 3 рубля, только не въ одной бумажкѣ, а то затруднительно мѣнять. Книги, конечно, нужны. Заключеніе здѣсь, особенно въ послѣднее время, несравненно улучшилось: начальство даже нисколько не трогаетъ. Унтера — привыкли, и не обыскиваютъ. Полковникъ позволилъ читать, но неопредѣленно, какія книги. У меня были въ карцерѣ свои — ботаника и логика, да одинъ № какого-то журнала (не мой). Дежурный офицеръ отобралъ и доложилъ полковнику, а тотъ приказалъ возвратить; это было, кажется, 5-го Іюля.

Теперь я прочиталъ одинъ № „Нови", одинъ № „Современника", одинъ № „Вѣстника Европы".

„Выбирать я книгъ почти не могу, потому что вообще ничего не читалъ. И если хотите, то я перечислю Вамъ все, что я читалъ въ своей жизни. 1) Толстого всего. 2) Щедрина половину; Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, Шиллера и Шекспира — половину. 3) Пушкина, Лермонтова и Некрасова — всего. 4) Майнъ-Рида, Жюль-Верна и Купера массу. 5) Немного Писарева, Добролюбова. и въ разбросъ разные номера разныхъ журналовъ. 6) Успенскаго половину. 7) Бокль весь. 8) Тэйлоръ, Спенсеръ, Дарвинъ — немного. Больше не помню. Итакъ, видите, что мнѣ нужно много читать. Но нужно сознаться, что, по своей безпечности, могу жить и безъ книгъ и просижу сколько угодно безъ нихъ, но, кажется, я становлюсь совершенно другимъ человѣкомъ, когда читаю: я недоволенъ бываю, напримѣръ, что день малъ, ужасно малъ. Даже сейчасъ вотъ уразумѣлъ, какъ вышивать по канвѣ, и такъ увлекся, что не бросилъ бы; также и книги. Пришлите съ десятокъ книгъ, какихъ попало!"

Въ то же время онъ писалъ Т. В. Б-ву:

„Теперь лѣтомъ сидѣть хорошо: тепло, воздухъ чистый. Полтора мѣсяца былъ боленъ кровохарканьемъ, а теперь грудь побаливаетъ и кашляю. Сейчасъ сижу мѣсяцъ „смѣшаннымъ" за то, что нагрубилъ унтеру взаимно. Срокъ по суду окончится 6-го Декабря, а тамъ буду подъ слѣдствіемъ.

„Послѣднее письмо я писалъ, не помню кому, въ Апрѣлѣ, а самъ ни отъ кого не получалъ послѣ твоего; да и вообще за все время я получилъ мало.

писемъ пять, и это, конечно, не хорошо.

„С-въ прислалъ письмо Изюмченку и въ немъ пишетъ про меня такъ: „Бѣдный Евдокимъ Никитичъ! Два года одиночнаго, столько-то батальона, столько-то въ Сибири, — это даже и сказать не легко! Это заключеніе очень вредно дѣйствуетъ на душу и тѣло . . . Пусть, пока еще есть разсудокъ, пишетъ(!) хоть бы и Императору (!!) вѣдь можно, я думаю, замѣнить службу работой" и т. п. въ этомъ родѣ. Ну, посуди: можетъ ли такое письмо утѣшить, ободрить; Вотъ ужъ именно „хоть рѣдко да мѣтко".

„Отъ Х. вотъ два года не получаю, проще сказать, получилъ одно изъ трехъ писанныхъ имъ въ разное время. За то съ какою благодарностью вспоминаю я всякій разъ о Ц. В. , писавшей мнѣ въ Харьковъ и вообще такъ много заботившейся обо мнѣ! Она была мнѣ другъ, сестра, мать! Д-ку я тоже всегда останусь благодаренъ: онъ меня любилъ и заставлялъ жить. Еще аккуратно и охотно писалъ Изюмченко, „егда и понеже дву нама сидяху въ темницѣхъ". Тебя я заставилъ писать, а то и ты бы тово . . .

„Читать мнѣ теперь можно — полковникъ позволилъ, но нечего. Впрочемъ, надо правду сказать, моя безпечность въ настоящее время достигла такихъ размѣровъ, что, я думаю, ничѣмъ не завлекусь особенно. Много сплю, ничего не думаю. Въ Харьковѣ же кое о чемъ думалъ — заставлялъ Д-ко; и читалъ съ большимъ интересомъ — и тѣмъ временемъ я болѣе доволенъ; вѣроятно, этими причинами обусловливалась извѣстная степень благодушія, такъ какъ теперь, я замѣчаю, больше злюсь. Но не чаще, впрочемъ. Тамъ были причины каждый день сердиться, и я часто съ собой справлялся.

„Тутъ эти причины бываютъ очень рѣдки, но съ собой вовсе не борюсь. Такъ что, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ здѣсь сидѣть не такъ вольготно, за то спокойнѣе и, въ общемъ, сносно.“

6-го Августа Дрожжина опятъ повели въ лагерь Коротоякскаго полка. Тамъ ему объявили, что прокуроръ Московскаго военно-окружнаго суда нашелъ, что Полковой судъ еще можетъ судить его. И судили, и опять присудили продлить пребываніе его въ батальонѣ еще на 3 года (до 1903 года), т. е. всего на десять лѣтъ, и, сверхъ того, къ четырехмѣсячному одиночному заключенію. Такъ что всѣ надежды Евдокима Никитича на переселеніе въ Сибирь должны были разрушиться.

Я знаю двоихъ молодыхъ людей, служившихъ въ то время вольноопредѣляющимися въ Коротоякскомъ полку и видавшими въ лагерѣ Дрожжина, когда его приводили туда для слѣдствія и судовъ. Всего онъ тамъ былъ до 9 разъ. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей говорилъ мнѣ, что при немъ офицеры полка, судившіе Дрожжина, говорили, что „неизвѣстно зачѣмъ, чуть не каждую недѣлю таскаютъ по такой жарѣ совсѣмъ больного, умирающаго человѣка. Преступленія выставляются все такія пустяшныя, что даже *совѣстно* судить за нихъ.“ Другой вольноопредѣляющійся говорилъ мнѣ, что появленіе Дрожжина въ лагерѣ всякій разъ вызывало волненіе между солдатами, — каждому хотѣлось посмотрѣть, послушать его. Одинъ каптенармусъ, который по своему положенію рѣдко бывалъ куда либо назначаемъ, въ одинъ изъ приходовъ Дрожжина самъ просилъ, чтобы его назначили въ нарядъ въ судъ, чтобы только увидать и послушать его. Нѣкоторые солдаты, и то,

какъ я думаю, изъ боязни говорить правду, не одобряли Дрожжина и считали его поступокъ упрямствомъ, большинство же понимали его и были на его сторонѣ, сочувствовали ему, перечитывали Евангеліе и отыскивали тѣ мѣста, на которыя Дрожжинъ указывалъ, какъ на противныя военной службѣ.

Дрожжинъ былъ опять запертъ въ карцеръ, откуда онъ по суду не могъ уже выйти раньше Апрѣля 1894 года. Очевидно было, что начальство тяготилось присутствіемъ Дрожжина и его положеніе вызывало въ нихъ скрытое состраданіе. Никто уже не придирался къ нему; напротивъ, они старались не вводить его въ соблазнъ неповиновенія.

Буровъ при встрѣчахъ съ нимъ на дворѣ даже отворачивался, чтобы не вызвать его на какой нибудь проступокъ. Но 20-го Августа, во время прогулки Дрожжина по двору, къ нему подошелъ капитанъ Астафьевъ (самый исполнительный и самый жестокій изъ ротныхъ командировъ) и спросилъ Дрожжина, почему онъ не дѣлаетъ ему „подъ козырекъ?“ Дрожжинъ ему отвѣтилъ, что „онъ ничего не знаетъ“, въ томъ смыслѣ, что онъ этому никогда не учился. Сказано это было безъ малѣйшей тѣни грубости, а, напротивъ, какъ бы съ извиненіемъ и лаской, потому что Дрожжинъ по первому звуку Астафьева понялъ, что тотъ не съ добромъ спрашиваетъ. Такъ и оказалось: Астафьевъ пожаловался Бурову, а тотъ „за неотданіе чести капитану Астафьеву и неумѣстный отвѣтъ“ лишилъ Дрожжина подстилки до 6-го Декабря.

Вся жестокость этой мѣры наказанія будетъ понятна тогда, если припомнить, что въ карцерахъ койки поднимаются на день къ стѣнѣ. Дѣлается это для того, чтобы арестованные днемъ не могли валяться на койкахъ. Но заключенные обыкновенно вытягиваютъ изъ-за койки подстилку, стелятъ ее на

полъ и лежать днемъ. Дрожжинъ, который въ то время былъ очень слабъ, былъ лишенъ этой возможности и днемъ, проспавши ночь на голыхъ доскахъ койки, — волей-неволей, не имѣя силъ все время сидѣть на табуретѣ долженъ былъ ложиться на холодный асфальтовый полъ.

24-го Августа онъ писалъ Черткову:

„О книгахъ пока не прошу, потому что думаю получить формальное разрѣшеніе читать, а теперь читаю, что попадется подъ руку: начальство никогда не обыскиваетъ, а капралы свои люди — дѣлай, что̀ хочешь, только и опасаешься 2—3 офицеровъ, которые меня не любятъ.

„Въ военныхъ тюрьмахъ, сколько я знаю, чтеніе полагается по закону, зато пища уменьшена противъ солдатской, а я получаю солдатскую; строгости тутъ и половины нѣтъ, которая примѣняется въ военныхъ тюрьмахъ, да и ничего тутъ строгость не поможетъ, потому что всегда можно сообщаться съ заключенными. Вы, если пожелаете знать, чѣмъ я могу пользоваться, то достаньте приказъ по военному вѣдомству за 1885 г. № 144, я же не знаю ничего, кромѣ того, что полковникъ Буровъ мой неограниченный властитель, могущій спасти и погубить. Про меня онъ говоритъ, что „служилъ бы, если бы былъ штрафованъ“ (т. е. еслибы можно было сѣчь).

„Здоровье мое хорошо, душевное состояніе еще лучше.“

Въ началѣ Сентября Чертковъ хотѣлъ опять повидаться съ Дрожжинымъ, но Буровъ разрѣшилъ только на 5 минутъ и то въ присутствіи дежурнаго офицера. Дежурнымъ былъ офицеръ Астафьевъ и распоряженіе Бурова исполнилъ буквально.

19-го Сентября Дрожжина хотѣлъ навѣстить Б. Н. Леонтьевъ, но Буровъ не разрѣшилъ ему свиданья съ Евдокимомъ Никитичемъ и сказалъ ему: „Вы Дрожжина сбили съ истиннаго пути, испортили такъ, что онъ ни къ чорту не годится.“ Но всетаки Леонтьеву черезъ заключенныхъ удалось передать письмо Евдокиму Никитичу, и тотъ отвѣтилъ ему 22-го Сентября:

„Благодарю за любовь“, писалъ онъ: „Я совершенно съ вами согласенъ, и хорошо сознаю, какъ я долженъ смотрѣть на ошибки и заблужденія другихъ. Только и нужно неустанно смотрѣть за собой, чтобы не уклоняться или, вѣрнѣе, побольше думать объ уклоненіяхъ отъ добраго пути. Уклоненія эти у себя я вижу во всѣхъ подробностяхъ ежечасно . . . Но, Господи, какъ я мало думаю о нихъ. Благодарю Бога, что еще посылаетъ такія обстоятельства, которыя *заставляютъ* помнить о Немъ. Я говорю о минутахъ облегченія. Эти минуты приходятъ независимо отъ моихъ личныхъ качествъ, неизвѣстно откуда, и иногда въ такіе тяжкіе часы, когда всего менѣе ихъ ждешь. Мучишься, злишься, болѣешь всѣмъ существомъ и разумъ затемняется, — вдругъ какое нибудь самое незначущее обстоятельство, и все измѣняется: сердце облегчается, на душѣ легко, все начинаешь видѣть въ иномъ свѣтѣ и, въ концѣ концовъ, совѣсть караетъ по своему: видишь, что малодушенъ и подлый, и тогда только являются новыя силы. Если не ошибаюсь, то объ этомъ самомъ говорится въ посланіи Павла въ родѣ того, что „въ нашемъ безсиліи заключается сила Божія.“ То есть, чтобы быть сильнымъ, нужно познать силу Божію, для чего, въ свою очередь, необходимо видѣть свое безсиліе.

„Ахъ, Борисъ Николаевичъ, мнѣ нужно еще

много учиться мудрости Божіей, чтобы быть достойнымъ того имени, о которомъ думаю, что я его ношу, и если бы я не зналъ минутъ несомнѣнныхъ, то и отчаялся и не повѣрилъ бы.

„Я почти ежедневно о васъ вспоминаю вотъ уже 3 года и всегда хотѣлъ къ вамъ обращаться, поговорить. По правдѣ сказать, мнѣ рѣдко съ кѣмъ приходится говорить: то начальство запрещаетъ, то еще что нибудь. Въ Іюлѣ этого года ко мнѣ пробрался въ карцеръ В. Г. Чертковъ и, конечно, принесъ неописанную радость. Съ тѣхъ поръ мнѣ много полегчало.

„Если будете въ мѣстахъ, близкихъ къ моей родинѣ, то заходите къ моей матери и сестрѣ въ Толстый Лугъ, но нарочно туда тащиться не стоитъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ Толстаго Луга въ селѣ О. живетъ близкій мнѣ человѣкъ С. Т. И. Ему въ Ноябрѣ предстоитъ отправиться для вынутія жребія; также и извѣстному Вамъ В. С. Б. Еще года полтора назадъ они оба писали въ Харьковъ, что и съ ними, вѣроятно, случится то же, что со мной. Потому, считаю долгомъ просить васъ, если будете въ тѣхъ краяхъ, повидать ихъ и напутствовать. Если вы противъ этого, то всетаки, согласитесь, по крайней мѣрѣ, нужно узнать ихъ намѣренія, т. е. мнѣнія и силы. Я почти не переписывался съ ними и ничего о нихъ не знаю. Скажите имъ: 1) что я перенесъ много холода, голода и обидъ и что я радуюсь за все это, нисколько не каюсь въ томъ, что сдѣлалъ, и былъ бы несчастнѣйшимъ человѣкомъ, если бы сдѣлалъ иначе и 2) если они пойдутъ на такой же судъ, то, кромѣ перечисленныхъ золъ, имъ угрожаетъ еще перспектива розогъ. А бьютъ тутъ ужасно и за упорное отклоненіе врядъ ли оставятъ въ живыхъ (при ста ударахъ люди посредственной

комплекціи лишаются чувствъ и послѣ чахнуть), такъ какъ начальство можетъ бить каждый день. Все это они должны знать, ко всему должны быть готовы."

Черезъ два дня (24-го Сентября) Дрожжинъ писалъ одному изъ этихъ призываемыхъ — С. Т. И.:

„С. пишетъ, что будетъ радъ, если тебя не возьмутъ въ солдаты. Я тоже былъ бы радъ этому, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, тебя могутъ ждать многія бѣды. Я не знаю, какъ ты себя теперь чувствуешь и будешь ли служить, и потому, прошу немедленно же отвѣтить мнѣ: намѣренъ ты присягать и обучаться съ оружіемъ или нѣтъ? Если нѣтъ, то будь готовъ къ тому, что тебя посадятъ въ одиночное заключеніе, будутъ судить и всячески притѣснять, оскорблять, а, можетъ, и бить. Можетъ быть, это будетъ тебѣ невыносимо трудно, и ты долженъ будешь отказаться отъ своихъ убѣжденій; въ такомъ случаѣ, лучше поступить такъ, чтобы меньше страдать. Я не имѣю права совѣтовать тебѣ что бы то ни было, а поступай такъ, какъ велитъ тебѣ твоя совѣсть. Наконецъ, долженъ сказать тебѣ, что хотя я перепесъ много горя и лишился здоровья за свой поступокъ, но ничуть не раскаялся, и думаю, что поступилъ хорошо."

Лежанье на холодномъ асфальтовомъ полу не прошло даромъ для Дрожжина. У него опять заболѣла грудь и сдѣлалась лихорадка. Онъ сначала перемогался, не желая заявлять объ этомъ начальству, боясь, что его могутъ назначить на осмотръ медицинской коммисіи и въ случаѣ, если бы его признали негоднымъ болѣе къ военной службѣ, то ему при-

шлось бы отсиживать въ гражданской тюрьмѣ оставшіеся по суду девять съ половиной лѣтъ; онъ же разсчитывалъ, что его будутъ еще судить, наконецъ, окружнымъ судомъ. Но здоровье его дѣлалось все хуже, и 6-го Октября онъ попросилъ возвратить матрасъ. Матрасъ вернули.

10-го Октября Дрожжинъ попросилъ у Бурова позволенія пріѣхать къ нему матери и сестрѣ. Буровъ, видя, вѣроятно, безнадежное состояніе, до котораго онъ былъ доведенъ, разрѣшилъ и это.

17-го Октября Евдокимъ Никитичъ писалъ Черткову:

„Знакомство съ вами, а тѣмъ болѣе переписка, для меня есть самое счастливое обстоятельство изъ всѣхъ за послѣдніе три года. Бывали у меня минуты (въ Харьковѣ) такія счастливыя и я сознавалъ такую естественность своего иоложенія, что желалъ, чтобы жизнь въ заточеніи продолжалась и оставалась вся цѣликомъ, такъ какъ я не могъ быть увѣреннымъ, что избавившис (съ освобожденіемъ изъ тюрьмы) отъ тюремныхъ золъ, я удержу тѣ блага, которыя и родились, и жили, и связаны съ первыми.

„Такія минуты бываютъ у меня теперь, и именно съ тѣхъ поръ, какъ вы оказали мнѣ любовь. Конечно, и до васъ моя жизнь была сносна, но тогда постоянно требовалось терпѣніе. Теперь никакого терпѣнья не требуется, а просто такая жизнь желательна.

„У Бурова есть мой дневникъ, писанный въ Харьковѣ. Хорошо бы было, если бы онъ вамъ отдалъ его. Поучительнаго тамъ ничего нѣтъ, но обо мнѣ есть много: какъ я мудрствовалъ, какъ себя чувствовалъ, какъ до всего самъ добивался, какъ малодушествовалъ и т. д.“

„Болѣзнь моя слѣдующая: лихорадка, небольшой кашель и чуть-чуть боль въ боку.

„Прошлую ночь вышло горломъ съ полъ-ложки крови. Но вообще я бодръ, ѣмъ и сплю, какъ слѣдуетъ. Если избавлюсь отъ лихорадки, то буду совершенно здоровъ.

„Относительно пріѣзда ко мнѣ матери и сестры, я думаю такъ: если бы пошли поѣзда по новой желѣзной дорогѣ отъ Курска на Воронежъ, то дорога имъ стоила бы сюда и обратно 20 рублей. Эта сумма, я увѣренъ, у нихъ есть (а то и рублей 30 есть нарочно припасенныхъ для меня). А если имъ ѣхать черезъ Орелъ и Грязи, то нужно 40 рублей, которые хотя онѣ и могли бы съ трудомъ собрать, но это покажется (даже не имъ) непроизводительной тратой. Вѣдь это будетъ не избавленіе голоднаго отъ смерти, а доставленіе себѣ удовольствія. Я, впрочемъ, только такъ выражаю свое мнѣніе, но, если бы зналъ, что родные, во что бы то ни стало, желаютъ меня видѣть и ни во что ставятъ передъ этимъ деньги, то буду радъ.

„Мать и сестра меня любятъ и съ готовностью могутъ слѣдовать за мной и въ Сибирь и куда угодно. Мать религіозная, очень добрая и очень нравственная — это идеальная крестьянка-христіанка.

„Сестра — вдова 32 лѣтъ, немного грамотная, смѣлая въ сочувствіяхъ мнѣ. У меня есть отецъ и братъ — главы въ семействѣ и хозяйствѣ, но помогали втеченіи 3-хъ лѣтъ заключенія и сочувствовали почти исключительно мать и сестра. Свиданье, сколь оно ни пріятно, имѣетъ для моихъ родныхъ и непріятное. Если Леонтьеву, человѣку, видавшему виды, Буровъ не постѣснился вычитать какую-то лекцію, то деревенскимъ ба-

бамъ придется пройти между огней хана Сарайскаго."

Матеріальное положеніе Евдокима Никитича въ лазаретѣ стало значительно легче, чѣмъ въ карцерѣ. Онъ могъ имѣть свой чай, сахаръ, варенье, лимоны, масло и получалъ это, благодаря заботамъ Черткова и А. А. Р-ой, которая жила въ Воронежѣ и взялась доставлять ему все необходимое.

Хотя онъ былъ положенъ въ отдѣльную палату, но начальство бывало рѣдко въ лазаретѣ, лазаретные служителя не запирали его камеры, и онъ могъ видаться съ другими больными. Въ это же время и Изюмченко имѣлъ болѣе легкій доступъ къ нему. Почти каждый вечеръ Дрожжинъ собиралъ около себя больныхъ, посылалъ за горячей водой и угощалъ ихъ тѣмъ немногимъ, что̀ было у него. Впослѣдствіи старшій врачъ Изумрудъ узналъ про это, и распорядился запирать его камеру. Здѣсь же Дрожжинъ велъ записки, въ которыхъ хотѣлъ описать всю батальонную жизнь, но окончить ихъ ему не удалось.

24-го Ноября онъ писалъ Черткову:

„Увѣдомляю васъ, что я бодръ и спокоенъ. Болѣзнь пока продолжается. Кровохарканье повторялось 3 раза; кашель то усиливается, то ослабѣваетъ; лихорадка слабая; въ груди боль незначительная. Аппетитъ хорошъ и силы чувствую достаточно.

„И хочется мнѣ продолжать свои записки, и не могу: какая-то вялость — предпочитаю валяться въ постели или сидѣть сложа руки.

„Пишите побольше, спрашивайте о чемъ нибудь, а я буду отвѣчать, — вотъ я и буду болѣе бодръ . . .

———

Черезъ 4 дня Евдокимъ Никитичъ опять писалъ Черткову:

„Ваши письма всегда производили на меня сильное впечатлѣніе. Они всѣ просты по мыслямъ, но это пока вы не пишите. Въ моихъ же рукахъ они пріобрѣтаютъ силу, которой вы, навѣрно, не предусматриваете. Я долго не понималъ, почему ваши простыя слова завладѣваютъ моими чувствами и даютъ мнѣ направленіе. А теперь понялъ и причина простая. Вы пишете только съ любовью и больше ничего, но выходитъ, что этого одного достаточно, чтобы въ словахъ была мудрость и сила. Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы желаете мнѣ „въ смиреніи, любви и чистотѣ“ *продолжать* тотъ путь, по которому иду. И я понялъ это такъ, что вы желаете не того, чтобы вообще я взошелъ на путь любви, смиренія и чистоты и пошелъ по немъ, а такъ, что я будто уже на немъ, и вы только желаете мнѣ „продолжать“ быть такимъ, каковъ я есть. Понявъ такъ, я заглянулъ въ себя, и меня покоробило, мнѣ стало стыдно. Потому что я понялъ, что я обманщикъ, такъ какъ вы обо мнѣ самаго хорошаго мнѣнія, и, быть можетъ, я вамъ внушилъ раньше это, а, на самомъ дѣлѣ, я не взошелъ на этотъ путь, а еще нужно взойти. Какая же это чистота, любовь и смиреніе, если я не имѣю власти надъ собою, если мое сердце не привыкло къ дисциплинѣ смиренія? Это рѣдкость, если я на обиду не отвѣчу тѣмъ-же, т. е. если кто меня унизитъ словомъ, то я говорю ему колкость или насмѣшку; если меня обругаетъ или обманетъ, то обругаю и угрожаю.

„Все это пишу вамъ не для того, чтобы объ этомъ распространяться, а чтобы вы не думали обо мнѣ слишкомъ хорошо. Ибо изъ вашихъ

словъ видно, что вы такого мнѣнія. Хвалиться я положительно ничѣмъ не могу. Если же я и рѣшился отклоненіемъ отъ военной службы нарушить царскій и исполнить Божій законъ и это рѣшеніе заслуживаетъ одобренія, то этотъ поступокъ не требовалъ ни особыхъ трудовъ (произвольныхъ) и не можетъ указывать на мою внутреннюю чистоту . . .

„Я все таки больной, такъ что уже испыталъ себя, что съ ранняго утра до обѣда я могу читать и кое-какъ писать, а послѣ обѣда трудно, потому что всегда начинается лихорадка и продолжается часовъ до 10 вечера, такъ что вечеромъ не только не могу работать, но и не ужинаю. Кровохарканье продожается порядочное, но аппетитъ держится. Ожидаю и лучшаго, и худшаго въ здоровьѣ.“

Въ тотъ же день Дрожжинъ писалъ Б. Н. Леонтьеву:

„Началъ читать я ваше письмо и, очень удивился и перепугался.*) Удивился отъ неожиданности, ибо моя совѣсть была чиста, спокойна; я не думалъ, что написалъ что нибудь *особое*; но, дочитавъ письмо до половины, я успокоился, потому что понялъ, что совершенно возможно написать въ письмѣ глупость всякому человѣку. Такъ и я. Во первыхъ, у меня скверная привычка разсуждать тамъ, гдѣ нужно и гдѣ ненужно. Это, должно быть, отъ праздности. А при лишнихъ рѣчахъ легко наговорить ерунды. Во вторыхъ, я могъ высказать не то, что̀ хотѣлъ; въ

*) Въ письмѣ своемъ Б. Н. Леонтьевъ писалъ ему, что ему кажется, что его предшествовавшее письмо произвело на него (на Евдокима Никитича) нехорошее впечатлѣніе и что онъ поэтому жалѣетъ, что написалъ его.

третьихъ, я лишенъ способности говорить мягко. такъ чтобы изъ словъ видно было благодушное настроеніе пишущаго. Наконецъ, можетъ быть. какимъ нибудь образомъ повліяло на запутанность мысли то обстоятельство, что я писалъ письмо при температурѣ крови въ 41 градусъ Ц. На другой день я уже былъ въ лазаретѣ, гдѣ нахожусь и теперь. Но цѣлую васъ, дорогой братъ, и благодарю за то, что вы дѣлали и думали такъ, какъ нужно. Вы меня любите, и потому не повѣрили, чтобы я написалъ что-либо обидное умышленно. Конечно, это была невольная ошибка, какъ вы ее назвали, и я съ своей стороны убѣжденъ, что если бы въ вашемъ письмѣ оказалось что-либо подобное, то подумалъ бы также. Итакъ, позвольте васъ еще поцѣловать крѣпко — крѣпко. Я васъ люблю и увѣренъ, что и вы меня любите. Это самое главное, а остальное все пустяки. При взаимной любви не имѣютъ силы ни выраженія, ни неловкости. Если бы между нами не было любви, то перепиской мы только бы изучали другъ друга, знакомились бы и только. Любовь все это отсѣкаетъ и даетъ только христіанское общеніе. Не могу утерпѣть, чтобы не подѣлиться съ вами радостью, которую приноситъ мнѣ В. Г. Чертковъ. Онъ въ высшей степени любвеобильный и имѣетъ на меня чудное вліяніе: письма его, довольно частыя, всегда вливаютъ въ мою душу жизнь добрую; безъ него было бы много хуже. Письма его ничего не заключаютъ, кромѣ сильнѣйшей любви, но всякій разъ, какъ я прочитаю его письмо, невольно чувствую потребностъ слѣдить за собой. Хвала Богу за него! — Болѣзнь моя почти та же, что была въ Маѣ и Іюнѣ. Кровохарканье порядочное, съ лихорадкой и кашлемъ. Желанія особаго нѣтъ ни жить, ни умирать, и не думаю почти объ этомъ."

На другой день 29-го Ноября Изюмченку удалось проникнуть въ лазаретъ и онъ писалъ по этому поводу Черткову:

„Сегодня попалъ капралъ, дежурный по лазарету, человѣкъ хорошій, и мнѣ удалось побыть у Евдокима Никитича часа полтора.

„Много кое-чего поболтали съ нимъ, но какое впечатлѣніе произвела на меня эта болтовня, а также и самъ Евдокимъ Никитичъ, то это я только чувствовать могу, но написать почти не нахожу возможнымъ.

„Можете себѣ представить, какой онъ человѣкъ: въ немъ только душа въ тѣлѣ, но какъ онъ веселъ, — его веселость меня радовала, но вспомнилъ то, что его жизнь отнимаютъ люди, и сердце обливается кровью, и жизнь для меня казалась такъ противна, что я, смотря на Евдокима Никитича, сталъ завидовать его счастью и страшно жалѣю о томъ, что я не лежу на его постели и не ожидаю со дня на день разлуки съ этимъ эгоистичнымъ міромъ.“

Въ началѣ Декабря Евдокимъ Никитичъ писалъ Т. В Бирюкову:

„Теперь я тебѣ сообщу слѣдующее: чахотка моя въ полномъ цвѣтѣ, съ 3-го Ноября лежу въ больницѣ и за это время стало немного хуже. Если болѣзнь будетъ усиливаться въ такой же прогрессіи и дальше, то больше мѣсяца не проживу.“

Во вторникъ 21-го Декабря состоялась коммисія, для которой Дрожжина возили въ городъ. Дня черезъ два послѣ коммисіи онъ писалъ Черткову:

„На дняхъ получилъ ваши два письма, въ ко-

торыхъ вы просите продолжать начатыя мною записки и не бросать этого дѣла совсѣмъ. Конечно, не брошу. Если бы я и не познакомился съ вами, то все таки писалъ бы, потому что, сидя въ заключенiи, нельзя не писать — человѣкъ не камень, — а всякое впечатлѣнiе болѣе или менѣе сильное хочется непремѣнно записать; поэтому я писалъ (велъ дневникъ) и въ Курскѣ, и въ Харьковѣ, и здѣсь. А что я писалъ объ упадкѣ энергiи, то въ то время я былъ очень нездоровъ и физически не могъ выполнять этотъ трудъ.

„Коммисiя признала меня совершенно негоднымъ ни для какой солдатской службы.

„На коммисiи врачи отнеслись ко мнѣ участливо. Такъ напр.: молодой врачъ еще на порогѣ встрѣтилъ меня фразой: „Ай, ай, совершенно истощенный субъектъ!“ и другiе два постарше тоже въ одинъ голосъ заговорили: „Не годится, да, да, совершенно!“

Въ тотъ же день Евдокимъ Никитичъ писалъ Т. В. Б-ву:

„Теперь изъ батальона я совсѣмъ ухожу. Дѣло вотъ въ чемъ. Я заболѣлъ 3-го Ноября, какъ я уже и писалъ тебѣ, воспаленiемъ легкихъ. 21-го Декабря наши врачи представили меня на губернскую медицинскую коммисiю, которая признала во мнѣ и воспаленiе, и катарръ дыхательныхъ органовъ. Такъ что я, какъ совершенно негодный къ солдатской службѣ, черезъ нѣсколько дней лишусь солдатскаго званiя (которымъ долженъ гордиться), перечислюсь въ гражданское вѣдомство и перейду на жительство въ Воронежскую губернскую тюрьму. Очень прiятно! Поздравляю тебя съ радостью. Сколько бы я въ тюрьмѣ ни про-

жилъ — это не важно, — а важно то, что я хоть передъ смертью отдохну, стряхну и забуду такія прелести, какъ дисциплина, чинопочитаніе, командиры. По настоящему (по закону) въ тюрьмѣ мнѣ сидѣть девять съ половиной лѣтъ, но объ этомъ почти никогда не думаю — неохота думать, а могутъ обстоятельства сложиться и такъ, что уѣду сперва въ Сибирь. Это тоже можетъ произойти по закону.

„Я могъ бы проситься въ Курскую тюрьму, но опасаюсь стѣсненій, такъ какъ тамъ я сидѣлъ, какъ политическій. Нужды я не терплю и не буду терпѣть, пока есть на свѣтѣ Чертковъ, и въ Воронежѣ не буду страдать. Напротивъ, онъ и другіе оказываютъ столько любви мнѣ, что положительно исправляютъ мою душу и *заставляютъ жить*.

5-го Января Дрожжинъ долженъ былъ быть отправленъ въ городскую тюрьму.

V.

Въ воронежской тюрьмѣ. Смерть.

5-го Января дежурнымъ офицеромъ по батальону былъ капитанъ Астафьевъ, тотъ самый Астафьевъ, благодаря которому у Дрожжина была отнята въ карцерѣ подстилка и ему пришлось валяться на полу. Теперь Астафьеву пришлось отправлять умирающаго Дрожжина въ тюрьму, куда отправляютъ изъ батальона всѣхъ безнадежно больныхъ, большею частію для того, чтобы они тамъ умирали. Вмѣстѣ съ Дрожжинымъ отправлялся и Судаковъ, больной хроническимъ воспаленіемъ околоушныхъ железъ. День былъ сильно морозный и вѣтренный. Отправляемыхъ одѣли въ тулупы, валенки и теплыя шапки и подъ охраной конвойныхъ повезли къ воинскому начальнику.

Управленіе воинскаго начальника находится въ Воронежѣ, верстахъ въ четырехъ отъ батальона. У воинскаго начальника совершили формальность перечисленія арестантовъ изъ военнаго вѣдомства въ гражданское. Затѣмъ ихъ обоихъ повезли въ Губернское правленіе. Здѣсь конвойные сдали ихъ въ руки полиціи. Всю теплую одежду, данную имъ въ батальонѣ, съ нихъ сняли и оставили въ старыхъ шинеляхъ. Въ такомъ видѣ изъ Губернскаго правленія ихъ повезли въ тюрьму. Ѣхать пришлось опять версты три, причемъ дорогой ихъ долго держали у Московской полицейской части и они страшно продрогли.

Дрожжинъ препровождался въ тюрьму какъ очень важный политическій преступникъ, и потому, по пріѣздѣ туда его заперли въ отдѣльную камеру при больницѣ. Къ вечеру у него сдѣлался сильный жаръ и кашель.

Одиночная палата, гдѣ помѣщался Дрожжинъ, была сырая и холодная, и онъ сталъ просить, чтобы его перевели въ общую. Это сдѣлали.

7-го числа Евдокимъ Никитичъ писалъ сестрѣ:

„Дорогая сестра! Передъ праздниками я писалъ тебѣ, чтобы вы съ матерью обождали ѣхать ко мнѣ, покамѣстъ я переѣду въ тюрьму, и видно ты получила то письмо во время. Теперь пріѣзжайте немедленно по полученіи этого письма. Здоровье мое стало немного хуже: простудился и захватилъ кашлю, но надѣюсь опять скоро поправиться. До свиданья, дорогая.“

Въ судьбѣ Евдокима Никитича принялъ нѣкоторое участіе начальникъ тюрьмы (старый уже человѣкъ, добрый по сердцу и тяготящійся своимъ занятіемъ); онъ посылалъ ему ежедневно пищу, приготовляемую у него на дому, но Дрожжинъ совсѣмъ потерялъ аппетитъ и могъ ѣсть только яйца и молоко. Содержался онъ какъ политическій преступникъ и потому свиданья съ нимъ для постороннихъ были очень затруднительны. Но сынъ начальника тюрьмы, молодой человѣкъ, видался съ нимъ нѣсколько разъ, хотя мало разговаривалъ, потому что Дрожжину было трудно говорить, и онъ больше любилъ слушать. Одинъ разъ этотъ молодой человѣкъ зашелъ къ Дрожжину, когда тотъ былъ особенно слабъ. Евдокимъ Никитичъ сидѣлъ на койкѣ, обхвативъ руками подушку, которая лежала у него на колѣняхъ, и опустивъ отъ слабости на нее голову. Это было его обычное за послѣднее время положеніе, потому что онъ лежать не могъ. Молодой человѣкъ спросилъ

его, какъ онъ себя чувствуетъ.

„Плохо. Хотѣлъ бы Черткова повидать, да какъ бы не помереть.“

Молодой человѣкъ сталъ его утѣшать, ободрять. А Евдокимъ Никитичъ сказалъ:

— „Я ничуть не боюсь, что умру. Я объ этомъ не забочусь, мнѣ все равно.“

Кромѣ этого молодаго человѣка, къ Евдокиму Никитичу заходилъ еще, пользуясь знакомствомъ съ начальствомъ, А. Г. Р-въ, сынъ той женщины, которая доставляла Дрожжину чай, сахаръ и разныя мелочи во время его пребыванія въ батальонѣ. Видѣться съ Евдокимомъ Никитичемъ Р-ву удалось три раза. Вотъ какъ онъ описываетъ свое первое посѣщеніе 9-го Января.

„Видѣться съ Евдокимомъ Никитичемъ я долженъ былъ въ тюремной аптекѣ. Это маленькая сводчатая комната со шкапами по стѣнамъ, съ кроватью съ краснымъ одѣяломъ, аптекарской печью, двумя съ рѣшоткой окнами, выходившими въ поле; подъ однимъ изъ оконъ стоялъ столъ и двѣ табуретки. Черезъ нѣсколько минутъ послышались по корридору шаги ногъ въ валенкахъ и въ растворившіяся двери показался молодой человѣкъ страшно худой, съ землистаго цвѣта лицомъ; онъ медленно передвигалъ ноги, обутыя въ старыя валенки, и согнувшись одной рукой держался за грудь, съ трудомъ стараясь отдышаться, — эти 10 шаговъ утомили его. Какъ сейчасъ помню его халатъ, арестантскую шапку изъ сѣраго сукна и вопросительный и въ то же время какъ бы несмотрящій взглядъ. Когда я назвалъ себя и упомянулъ имя моей матери, онъ оживился, глаза его вдругъ словно обдали меня любовнымъ тихимъ взглядомъ; онъ улыбнулся, протянулъ руку и сказалъ, что радъ познакомиться. Мы сѣли подъ окномъ у столика — другъ противъ

друга. Въ комнатѣ было тихо. Во время разговора меня поразило то, что Евдокимъ Никитичъ какъ будто весь ушелъ въ себя. Онъ съ радостной улыбкой разсказывалъ о своемъ прошломъ такъ, какъ будто это была не цѣпь мученій, а мирно прожитая жизнь; онъ разсказывалъ такъ, какъ раасказываютъ старики, весь отдаваясь своимъ воспоминаніямъ и какъ они, не слушая своего собесѣдника. Когда приходилось говорить мнѣ, онъ ласково смотрѣлъ на меня, но видимо думалъ о своемъ. И мнѣ казалось, что, окидывая теперь мысленнымъ взглядомъ свое прошлое, онъ разсказывалъ мнѣ факты и попутно съ ними вспоминалъ свои собственныя глубокія думы и имъ то такъ радостно улыбался. Языкъ его рѣчи былъ простой, не крестьянскій, а скорѣе солдатскій, съ твердымъ выговоромъ.

„Послѣ первыхъ разспросовъ о моей матери, обо мнѣ, о Чертковѣ, наступило молчаніе. Евдокимъ Никитичъ сидѣлъ, прислонясь головой къ стѣнѣ, и задумался. Мнѣ бросились въ глаза его вялыя вѣки съ слипшимися рѣсницами. Молчалъ и я, думая, что разспросы о жизни въ батальонѣ и тюрьмѣ будутъ тяжелы для него. Но я скоро убѣдился въ противоположномъ: онъ совершенно забылъ о внѣтюремной жизни и не заботился о ней, даже избѣгалъ вопросовъ по этому предмету. Помню, желая заинтересовать его, я сталъ говорить о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, какъ я былъ у него, о его послѣднемъ произведеніи, о томъ, что онъ теперь пишетъ. Лицо Евдокима Никитича вдругъ просіяло, и онъ, нагнувшись къ столу, ковырнулъ его ногтемъ и сказалъ, радостно посмотрѣвъ на меня: „пишетъ, колупаетъ себѣ старичокъ“, и тихо засмѣялся, но больше ничего не разспрашивалъ.

„Чтобы сказать что нибудь, я спросилъ, гдѣ ему лучше живется, здѣсь или въ батальонѣ? Этотъ

вопросъ опять словно разбудилъ его, и онъ сталъ говорить, часто останавливаясь для отдыха и улыбаясь, словно самъ стыдясь и радуясь своему прошлому. Онъ подробно разсказывалъ о жизни въ батальонѣ.“

На другой день, 10-го Января, Р-въ опять былъ въ тюрьмѣ и видѣлся съ Евдокимомъ Никитичемъ. „На этотъ разъ,“ говоритъ С-въ, Евдокимъ Никитичъ разсказывалъ мнѣ о своихъ домашнихъ, матери, сестрѣ, которыхъ онъ очень любилъ; вспоминалъ, какъ онѣ пріѣзжали къ нему въ Харьковъ, и очень хотѣлъ увидѣться съ ними опять. Совершенное равнодушіе его къ жизни страшно поразило меня. Помню, на мой вопросъ: сколько ему придется сидѣть? онъ замолчалъ, прислонился головой къ стѣнѣ и сказалъ: „девять съ половиной лѣтъ. Все равно не выживу. Да чего ужъ, пожилъ довольно“. — Слова эти были сказаны просто, такъ ужасно просто, что я вздрогнулъ. Лицо его, видное мнѣ теперь въ профиль, было спокойно, странно спокойно, почти мертво; тонкія губы не шевелились, глаза глядѣли неподвижно . . .“

То, что Евдокимъ Никитичъ умираетъ, было очевидно для всѣхъ. Младшій тюремный фельдшеръ Евсей разсказывалъ мнѣ, что онъ велѣлъ одному арестанту сходить къ Дрожжину узнать, не хочетъ ли онъ исповѣдываться. Арестантъ пошелъ и спросилъ его — не позвать ли священника. Евдокимъ Никитичъ посмотрѣлъ на него серьезно и сказалъ: „Я те дамъ священника. Я самъ себѣ священникъ.‘, 11-го Января онъ писалъ своему другу Т. В. Бирюкову:

„Здравствуй, дорогой! Дома ли ты? свободенъ ли? Дай Богъ и того, и другого. — Съ 5-го Января нахожусь въ Воронежской губернской тюрьмѣ и доволенъ, что покончилъ съ военщиной. Во время

перекочевки простудился, и теперь чувствую себя крайне истощеннымъ, слабымъ и больнымъ, могу пройти нѣсколько саженъ со скоростью черепахи, пищи употребляю мало, сплю плохо. — Можно ожидать, что скоро околѣю, но угадать нельзя. — На дняхъ я писалъ сестрѣ и матери, чтобъ пріѣзжали ко мнѣ, — ожидаю. А съ тобой увидимся когда нибудь? прощай, другъ.“

12-го Января А. Г. Р-въ опять былъ у Дрожжина вмѣстѣ съ своею матерью. Наканунѣ въ тюрьмѣ былъ полученъ изъ Петербурга запросъ о Дрожжинѣ и потребованъ подробный отчетъ о его дѣлѣ. Запросъ этотъ былъ вызванъ письмомъ, написаннымъ однимъ, знавшимъ дѣло Дрожжина, лицомъ, государю, въ которомъ описывалась вся ужасная исторія этого мученичества. Благодаря этому, доступъ къ Дрожжину не могъ быть такъ свободенъ. Свиданье происходило опять въ больницѣ, но при нихъ находился тюремный сторожъ, который самъ часто ввязывался въ ихъ разговоръ и вообще мѣшалъ, какъ могъ.

Послѣ этого свиданія Р-ва писала Черткову о состояніи Дрожжина и просила его пріѣхать въ Воронежъ самому, такъ какъ свиданія съ Евдокимомъ Никитичемъ были очень затруднены. Чертковъ пріѣхалъ. Его къ Дрожжину не допустили, и онъ сталъ хлопотать у губернскихъ властей о разрѣшеніи посѣщать Евдокима Никитича кому нибудь изъ знакомыхъ.

Евдокимъ Никитичъ къ этому времени уже совсѣмъ ослабъ. У него пропалъ и сонъ, и аппетитъ. Была постоянная одышка. Самъ онъ уже не могъ передвигаться и дѣлать, что нужно, для себя. Переведенные вмѣстѣ съ Дрожжинымъ по болѣзни изъ дисциплинарнаго батальона въ гражданскую тюрьму, Середа и Судаковъ ухаживали за нимъ и сидѣли по

ночамъ: до полночи сидѣлъ Судаковъ, а послѣ него Середа. Съ Середой Евдокимъ Никитичъ былъ особенно близокъ и имѣлъ большое вліяніе на него. Судаковъ — это сирота — чувашъ, загнанный дисциплиной, неразвитой, болѣзненный, привязавшійся къ Дрожжину уже въ тюрьмѣ. Они водили его за нуждою, поили, вытирали потъ. Судаковъ говорилъ мнѣ, что Дрожжинъ такъ потѣлъ, что онъ долженъ былъ стирать ему два раза въ день полотенце: едва его высушишь, а черезъ часъ оно опять мокрое отъ поту. — Все время Евдокимъ Никитичъ сидѣлъ молча, обложившись подушками, и только по временамъ, какъ это свойственно чахоточнымъ, вдругъ оживлялся, много говорилъ съ товарищами, разсказывалъ имъ про свою прошлую жизнь, про учительскіе годы, и даже дѣлалъ планы того, какъ онъ будетъ жить, если поправится.

Но 18-го числа, когда Евдокиму Никитичу стало особенно тяжело, онъ послалъ Черткову телеграмму, не зная того, что Чертковъ въ то время былъ въ Воронежѣ. Въ телеграммѣ было только два слова: „Умираю. Дрожжинъ.“

Между тѣмъ, Чертковъ на другой день получилъ разрѣшеніе видѣться съ Евдокимомъ Никитичемъ и привезти къ нему частнаго доктора. Они пріѣхали, и докторъ Н., осмотрѣвъ Дрожжина, нашелъ, что у него одного легкаго совсѣмъ нѣтъ, а отъ другого осталась только одна треть; кромѣ того, была сильная простуда. Евдокимъ Никитичъ былъ доволенъ его пріѣздомъ, говорилъ, что очень желаетъ повидать родныхъ, и благодарилъ Черткова за его заботы. Докторъ видѣлъ, что его положеніе безнадежно, но въ утѣшеніе ему прописалъ нѣсколько лекарствъ.

Про свое свиданье въ этотъ разъ Чертковъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ:

„Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Евдокимомъ

Никитичемъ въ больницѣ Воронежской тюрьмы. Я привелъ къ нему, по его желанію, одного изъ лучшихъ мѣстныхъ врачей, любезно согласившагося навѣщать больного, который, съ трудомъ переводя дыханіе, разсказалъ ему, какого числа и въ какомъ мѣстѣ у него появлялись новыя боли въ груди и какое количество крови у него при этомъ выходило горломъ. По безнадежному выраженію лица доктора во время выслушиванія исхудалой и хрипѣвшей груди, я понялъ, что больному осталось не долго жить.

„Уходя вмѣстѣ съ докторомъ, я около дверей обернулся къ Евдокиму Никитичу, сидѣвшему въ дальнемъ концѣ большой палаты, задумавшись, на своей кровати все въ томъ же положеніи, въ какомъ осматривалъ его докторъ. Взгляды наши встрѣтились, и я кивнулъ ему головой, посылая рукой прощальный привѣтъ. Вдругъ, какъ будто опомнившись и стряхнувъ съ себя что-то постороннее, онъ ласково улыбнулся мнѣ невыразимо свѣтлою и радостною улыбкой.

„Послѣ того я его больше не видѣлъ, и эта послѣдняя для меня его улыбка слилась въ моемъ сознаніи съ памятью о немъ, какъ объ одномъ изъ тѣхъ безконечно дорогихъ мнѣ братьевъ моихъ, которые примѣромъ своей жизни и смерти показываютъ мнѣ, какъ долженъ и можетъ относиться человѣкъ къ требованіямъ своей совѣсти.“

На другой день (20-го Января) Евдокимъ Никитичъ писалъ Б. Н. Леонтьеву:

„Дорогой братъ! Письма отъ васъ уже давно не получаю и самъ не писалъ. Получилъ я письмо отъ дорогого М. С. ,и это письмо меня очень обрадовало. Мысли его кажутся мнѣ такъ просты и чисты, что читая только радуешься. Я очень слабъ, на дняхъ чуть-чуть не умеръ. При переѣздѣ изъ батальона въ тюрьму, должно, просту-

дился. И началась сильнѣйшая задышка, т. е. дыханіе маленькими кусочками воздуха, разовъ 150 въ минуту. Съ 5-го по 15-е Января я такъ дышалъ и не спалъ; наконецъ, такъ ослабѣлъ, что потерялъ аппетитъ. Не могу самъ ходить и т. п. Страданія были такъ сильны, что ожидалъ смерти. Сейчасъ чувствую облегченіе, и вотъ пишу. Друзья уже навѣщали. До свиданія, братцы.“

Черезъ два дня докторъ Н. опять пріѣхалъ къ Дрожжину и засталъ его въ такомъ сравнительно бодромъ состояніи, что самъ подумалъ, что дѣло не такъ плохо и что Евдокимъ Никитичъ можетъ еще протянуть сколько нибудь, и онъ сталъ его обнадеживать и ободрять. Но Евдокимъ Никитичъ лучше его понималъ свое положеніе и, не слушая его, смотрѣлъ вдаль. Доктору стало стыдно, что онъ какъ будто болтаетъ пустяки, и онъ сталъ съ нимъ разговаривать.

— Сколько еще остается вамъ сидѣть?

— Если зачтется батальонное одиночное заключеніе, то 9 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ.

— Сколько же вы были въ одиночномъ заключеніи?

— Въ батальонѣ четырнадцать мѣсяцевъ.

— Вамъ тамъ очень тяжело было?

— Нѣтъ, мнѣ тамъ было хорошо, отвѣтилъ Евдокимъ Никитичъ тихимъ нѣжнымъ голосомъ.

— Какъ-же хорошо, когда человѣкъ лишенъ наибольшаго блага — свободы?

— Нѣтъ, я былъ свободенъ.

— Какъ свободенъ? — переспросилъ докторъ.

— Я думалъ, что хотѣлъ, — сказалъ Евдокимъ Никитичъ.

Докторъ ушелъ.

23-го Января въ воскресенье Дрожжина навѣстилъ

В. А. А-въ. Онъ съ нимъ увидался тоже въ аптекѣ. Евдокимъ Никитичъ вошелъ въ халатѣ, сгорбившись, онъ имѣлъ очень плохой видъ, голова была склонена на бокъ (шею свело отъ туберкулоза) и все тѣло дрожало.

— Я отъ Р-вой, сказалъ А-въ, — передать вамъ два карандаша и рубль денегъ.

— Спасибо, спасибо, сказалъ Дрожжинъ тихо, съ одышкой, взялъ карандаши и деньги и спряталъ въ карманъ.

Потомъ они пошли и сѣли къ столику.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ А-въ.

— Послѣднее время хуже, не сплю ночи три, только днемъ засыпаю. И не ѣмъ почти ничего.

— Вамъ даютъ какое нибудь лекарство?

— Да, даютъ. (фельдшеръ сказалъ, что опіумъ).

Во время разговора Евдокимъ Никитичъ все косился въ уголъ между стѣной и печкой. Тамъ на полу сидѣлъ ручной скворецъ. У него одинъ глазъ былъ совсѣмъ вылѣзшимъ изъ черепа.

— Вотъ слѣпнетъ скворецъ, глазъ вылѣзаетъ, сказалъ Дрожжинъ. Его здѣсь лѣчатъ.

Въ это врема фельдшеръ (Евсей), который былъ тутъ же въ аптекѣ, подошелъ и взялъ скворца на руки. Дрожжинъ всталъ и сталъ его гладить.

25-го Января докторъ въ третій разъ былъ у Евдокима Никитича. Онъ засталъ его въ очень плохомъ состояніи. Евдокимъ Никитичъ сидѣлъ скорчившись, дыханіе стѣсненное, со свистомъ, губы, концы пальцевъ — синіе. Въ разговорѣ онъ сказалъ доктору: „Жилъ я хотя не долго, но умираю съ сознаніемъ, что поступилъ по своимъ убѣжденіямъ, согласно съ своей совѣстью. Конечно; объ этомъ лучше могутъ судить другіе. Можетъ быть . . . нѣтъ, я думаю, что я правъ“, сказалъ онъ утвердительно.

Въ этотъ же день Евдокимъ Никитичъ прислалъ Р-вой записочку: „Чувствую себя одинаково, т. е. не сплю и нѣтъ аппетита, но бываютъ и облегченія.“

На другой день (26-го Января) докторъ Н. былъ у него четвертый разъ и засталъ его совсѣмъ плохимъ, ослабѣвшимъ, говорящимъ шепотомъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-е Января, когда Судаковъ уже спалъ, отсидѣвъ свой срокъ до полночи, въ четыре часа утра Середа разбудилъ его со словами: „Судаковъ, Дрожжинъ помираетъ“. Судаковъ вскочилъ. Они подошли къ койкѣ, на которой сидѣлъ Евдокимъ Никитичъ. Онъ сталъ чуть слышнымъ голосомъ просить, чтобы они положили его, что ему такъ трудно. Они, боясь, чтобы онъ не умеръ тотчасъ же, если ляжетъ, уговаривали не ложиться. Но онъ жалобнымъ голосомъ сказалъ: „Что же, вы мнѣ и помочь не хотите?“ Они его положили. Онъ полежалъ тихо немного времени, потомъ сталъ махать руками, подзывая Судакова. Судаковъ подошелъ. Евдокимъ Никитичъ хотѣлъ что-то говорить, но уже не могъ. Потомъ у него на глазахъ показались слезы, онъ вздохнулъ раза два, потянулся и умеръ.

Приложеніе.

Выдержки изъ дневника и писемъ Е. Н. Дрожжина *).

Припоминаю слова Хилкова и мои съ одной стороны и М. съ другой и нахожу что М. была права говоря : Зачѣмъ Изюмченку добровольно возвращаться въ Курскъ съ тѣмъ, чтобы подставить свое тѣло подъ удары? Я не проповѣдую избѣганія наказаній, но говорю противъ проповѣди подставленія тѣла подъ розги. Разъ Изюмченко ушелъ, ему должно заканчивать побѣгъ. Я старался опровергнуть ее и какъ сейчасъ помню, былъ блистательно разбитъ.

Не должно всякого мѣрить на свою мѣрку. Если Изюмченко ушелъ, стало быть это свойственно его нравственному состоянію. Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что побѣгъ вообще солдатъ есть явленіе совершенно свойственное имъ и прямо вытекающее изъ обстоятельствъ ихъ жизни. Я былъ бы болѣе радъ, если бы при настоящихъ условіяхъ число бѣглыхъ увеличилось. Это свидѣтельствовало бы лишь о проявленіи нѣкоторой инициативы и утратѣ одеревенѣлости, называемой иначе покорностью судьбѣ.

Судить меня по военнымъ законамъ не могутъ, потому что я не солдатъ и значитъ отъ тѣлесныхъ воздѣйствій безопасенъ, а если окажется такое наказаніе, какъ Д. А. †), то конечно, лучшаго и не желалъ бы. Только и скучно сидѣть одному; но хорошо тому, у кого нѣтъ большихъ привязанностей въ мірѣ семъ. Надѣюсь даже, что все это кончится тѣмъ что мнѣ дадутъ безъ присяги нестроевую службу, чего только я и хочу. Но посидѣть еще, должно, придется долгонько.

Дня три читалъ Лермонтова. Стихи и драмы скучны, но „героя" выставилъ честно. Это результатъ всѣхъ его писаній о „любви". Прочитавъ эту прозу, все остальное стало лишнее. Печоринъ платилъ зломъ за зло — такъ и надо (по крайней мѣрѣ справедливость совершится, а то эти Мэри буквально владѣютъ вселенной). Онъ не только простой наблюдатель всеобъемлющей слабости общества, но истинный учитель (дѣломъ!),ибо всѣхъ влюбленныхъ и влюбляющихся, какъ негодные плевелы, сжигаетъ на кострѣ неугасимомъ, гдѣ огонь поддерживается самыми плевелами. Эхъ, кабы многіе подражали! Чудо было бы! Да куда ужъ человѣку съ его узкимъ самолюбіемъ и слабостями!

---

*) Отрывки эти въ I изданіи были помѣщены въ текстѣ книжки; для 2-г же изданія по желанію составителя они были выпущены. Мы рѣшили помѣстить ихъ въ видѣ приложенія для тѣхъ лицъ, которые интересуются болѣе подробно личностью Дрожжина.---Ред.

†) Д. А. Хилковъ въ то время былъ сосланъ на житье въ Закавказье.---Ред.

Въ силу какихъ законовъ мы (понявъ) принимаемъ или отвергаемъ, то, что высказано людьми неизмѣримо выше насъ стоящими умственно? На основаніи закона разума? Да вѣдь у насъ и разумъ то дѣтскій, а между тѣмъ чувствуешь въ себѣ присутствіе какой-то силы: одно нравится, другое — нѣтъ. И этимъ мы живемъ, пока (когда то впереди) наши понятія сложатся въ такомъ порядкѣ, что станетъ ясно, что мы ошиблись.

Наука Европейская никакого другого смысла не должна имѣть, какъ тотъ, чтобы непосредственно служить улучшенію жизни, проявленію любви. Непосредственно это значитъ, относительно не имѣя въ виду широкаго приложенія, шагъ за шагомъ съ каждымъ прибавленіемъ средства — примѣнять его, а не задаваться мыслью, какъ бы побольше заготовить средствъ, чтобы сразу положить предѣлъ какому-нибудь большому или разнообразному злу. Поэтому то я могу разсуждать противъ раздачи пролетарію грошей и писать въ свободное отъ дѣла время проэктъ о патентованіи нищихъ, но если на улицѣ подвернется подъ руку нищій съ просьбой пятачка, я долженъ немедленно же дать ему (хотя бы я зналъ, что онъ его пропьетъ).

Ты очевидно смѣшиваешь умственное развитіе съ культурою совѣсти. Но я говорю только о послѣдней. Кто ея не знаетъ? а того умственнаго я не знаю... Я согласенъ съ „Иваномъ дуракомъ“ Толстого, который намѣреваясь излечить чертовымъ корешкомъ царевну, вышедши за ворота, затрачиваетъ этотъ корешокъ первой встрѣчной нищей.

„Совѣсть не должна имѣть мѣста“. Ну, спроси самого себя, можно ли это устроить? Какъ будто это вещь (какъ напримѣръ, научная книжка), которую употребляютъ, когда хотятъ! Вѣдь хотя совѣсть сила и условная, а все-таки вѣчно присущая человѣку, это нашъ Богъ, ею мы отличаемся отъ животныхъ: больше совѣсти — дальше отъ скотины, меньше — ближе, но совсѣмъ безъ совѣсти представить человѣка нельзя.

„Совѣсть не есть нѣчто твердо установившееся“. Такъ какъ я увѣренъ, что это тебя научили другіе такъ думать, то послушайся и меня грѣшнаго: изгони ее изъ себя, — попробуй — и напередъ знаю, что не только не выгонишь, но не согласишься и на это предложеніе, скажешь что это дичь. Ну, а это не дичь: „она можетъ вполнѣ теряться у многихъ индивидовъ даже въ цивилизованномъ государствѣ“. Самое лучшее, прослѣди свои занятія и поступки за день, а также и другихъ людей: много ли ты руководишься правилами наукъ, законами разума, когда подъ часъ и сообразить не успѣешь? Если совѣсть не есть совершенно приспособленный рычагъ къ поступкамъ, то что же наука (которая завтра будетъ замѣнена лучшей), если не средство принизить идеалъ разума и совѣсти до согласованія съ мерзостями нашей будничной жизни. Нѣтъ, Никитичъ! Можетъ быть въ разрѣшеніи соціальныхъ вопро-

совъ дѣйствительно единственно руководитъ разумъ и наука, но въ личной человѣческой жизни разумъ и совѣсть. Отъ этого я никогда не отступлю.

... Прожить въ карцерѣ безъ подстилки 4 мѣсяца хоть для кого трудно. Но этого я не испугался. Если бы я зналъ, что капитанъ Астафьевъ такъ разсердится, я бы ему отдалъ честь обѣими руками, а то онъ первый изъ офицеровъ вздумалъ поддержать дисциплину и захватилъ меня врасплохъ. Теперь во время прогулки, встрѣчаясь съ офицерами, я сталъ дѣлать подъ козырекъ, во — первыхъ потому, что въ противномъ случаѣ и прогулку запретятъ, и во вторыхъ одинъ офицеръ мнѣ сказалъ, что это вродѣ: „здравствуйте!" Но чертъ во мнѣ сидитъ прочно, — чертъ противленія, заставляющій меня думать, что Астафьевъ можетъ подумать, что онъ меня „заставилъ", что меня можно чѣмъ нибудь испугать, и мнѣ поэтому противно и не свободно. Строго говоря, это не мнительность моя, ибо есть люди до того близорукіе, что готовы дѣйствительно въ этомъ моемъ дѣйствіи видѣть исправленіе поведенія.

Дня черезъ два послѣ вашего*) пріѣзда Буровъ хотѣлъ было лишить меня половины получаемой мною пищи, но раздумалъ и велѣлъ давать по старому.

Книгъ мнѣ пока не давали. Дадутъ-ли?

Нѣсколько разъ я думалъ слѣдующее: надо что-нибудь сдѣлать, чтобы опять быть подъ судомъ. Поводъ къ этому можетъ быть постоянно и безъ предосудительнаго съ моей стороны дѣла. Выгоды: во-первыхъ, пока буду отсиживать одиночное, дѣло будетъ разбираться и во-вторыхъ, какъ у подслѣдственнаго, не будутъ отбирать ни матраса, ни пищи. Къ этому часто побуждаютъ заключенные: „Ну, что ты сидишь?! Чего дожидаешься? и т. д." Но стоитъ только подумать немного честнѣе, какъ оказывается, что эта мысль несостоятельна. Сейчасъ попалась книжка: „Черты дѣятельнаго благочестія" изд. Пантелеймонова монастыря, и прочитавъ ее, устыдился. Изъ этого я вижу, что въ моей головѣ вѣтеръ непостоянства и я нуждаюсь въ поддержкѣ.

Я лежу въ одиночной палатѣ замкнутый. Полковникъ заходилъ раза два, спрашивалъ, что у меня болитъ, посмотрѣлъ на рецептъ (писанный старшимъ врачемъ Изумрудомъ, невѣжество и нерадивое отношеніе къ своимъ обязанностямъ котораго сдѣлались предметомъ остротъ заключенныхъ), и покачалъ головой, какъ бы говоря: „въ тысячный разъ смотрю на рецепты *разныхъ* больныхъ и вижу одно и то же лекарство!"

---

*) Письмо къ В. Г. Черткову.—Ред.

... Судебный слѣдователь почти не даетъ никакого понятія объ офицерахъ и военномъ начальствѣ въ отношеніяхъ его къ подчиненнымъ. Ну, представь себѣ прохвоста, пьяницу, развратника, невѣжду, свинью и дурака, который употребилъ бы всѣ свои силы и способности, чтобы поламаться надъ тобой.

Теперь не время разбирать, что „никого изъ людей не должно считать таковымъ“ и т. п. Этотъ разборъ есть слова, разговоръ, философствованіе, а я говорю такъ, что всякій русскій пойметъ: „есть зло и есть злые люди. “Но ты*) съ ними еще не сталкивался.

...Вскорѣ, послѣ новаго года я долженъ буду переѣхать въ тюремный замокъ, если не выйдетъ путаницы и остановки по начальству по поводу того, что, во первыхъ, можетъ быть, мало кто знаетъ, когда мнѣ слѣдовать въ Сибирь: по истеченіи ли двухъ лѣтъ, на которыя я пришелъ вь батальонъ (въ бумагѣ отъ Департамента Полиціи сказано, что въ Сибирь мнѣ ѣхать по отбытіи наказанія за воинское преступленіе (Харьковское), а другія преступленія были учинены послѣ этой резолюціи, а по закону, и наказанія (9 лѣтъ батальона, а теперь тюрьмы) должны послѣдовать послѣ наказанія по царской резолюціи, или по истеченіи 11 лѣтъ; во вторыхъ, я еще не досидѣлъ одиночнаго въ батальонномъ карцерѣ около 5 мѣсяцевъ и если этотъ срокъ должно сидѣть въ тюрьмѣ, то въ одиночномъ ли; а потомъ, можетъ быть, и на все время въ тюрьмѣ посадятъ въ одиночномъ. Обо всемъ этомъ должно быть испишутъ много бумаги и попортятъ много перьевъ.

Наконецъ, надо мной учинили судъ. Судъ этотъ болѣе чѣмъ страненъ. Не принятіемъ присяги и отказомъ исполнить малѣйшее приказаніе военнаго начальства я показалъ полнѣйшее отклоненіе отъ военной службы вообще, но меня судили только за неисполненіе приказанія и такъ, какъ и тѣхъ солдатъ, которые въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ службы всегда были послушны, а потомъ почему либо одинъ разъ ослушались. О присягѣ же даже какъ будто забыли. Изъ этого ясно, что въ нашемъ писанномъ законѣ мое преступленіе является не предусмотрѣннымъ, а такъ какъ преступленіе весьма очевидно, то судъ дѣйствуетъ „примѣнительно“. Но вотъ меня еще судили и также несерьезно. Наконецъ, будутъ судить окружнымъ судомъ, который, я это предвижу, отличится не хуже полковыхъ. Конечно мнѣ дадутъ наказаніе самое строгое, но дѣло въ томъ, что это произойдетъ отъ совершенной новизны дѣла, и потому, не умѣя обойтись съ нимъ по закону, и машинально судьи будутъ озабочены однимъ: какъ бы не оказаться снисходительными.

---

*) Изъ письма Т. В. къ Бирюкову.—Ред.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

I.

Еще Моисей въ своихъ заповѣдяхъ, данныхъ людямъ 5000 лѣтъ тому назадъ, поставилъ заповѣдь : не убій. То-же самое проповѣдывали всѣ пророки; то-же самое проповѣдывали мудрецы и учители всего міра; то-же самое проповѣдывалъ Христосъ, запрещая людямъ не только убійство, но все то,что можетъ вести къ нему, всякое раздраженіе и гнѣвъ противъ брата; и то же самое написано въ сердцѣ каждаго человѣка такъ явственно, что нѣтъ поступка болѣе противнаго всему существу неизвращеннаго человѣка, чѣмъ убійство себѣ подобнаго существа —человѣка.

И вотъ, не смотря на то, что этотъ законъ Бога явно открытъ намъ Моисеемъ, пророками и Христомъ и такъ неизгладимо написанъ въ нашемъ сердцѣ, что въ обязательности его для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, законъ этотъ не только не признается въ нашемъ мірѣ, но признается совершенно противоположный этому законъ, законъ обязательности для каждаго человѣка нашего времени поступить въ военную службу, т. е. стать въ ряды убійцъ поклясться въ готовности къ убійству, научиться

искусству убивать и дѣйствительно убивать себѣ подобныхъ, когда это отъ него потребуется. *)

Во времена языческія христіанамъ было повелѣваемо на словахъ отрекаться отъ Христа и Бога и въ знакъ отреченія приносить жертвы языческимъ богамъ.

Теперь, въ наше время, христіанамъ повелѣвается уже не только отрекаться отъ Христа и Бога принесеніемъ жертвъ языческимъ богамъ (приносить жертвы языческимъ богамъ можно, оставаясь въ душѣ христіаниномъ), а повелѣвается отрекаться отъ Христа и Бога совершеніемъ самаго несомнѣнно противнаго Христу и Богу и запрещеннаго Христомъ и Богомъ поступка — клятвы въ готовности къ убійству, приготовленія къ убійству и очень часто и самаго убійства.

И какъ прежде находились люди, не соглашавшіеся поклоняться языческимъ богамъ и за свою вѣрность Христу и Богу жертвовавшіе жизнью, такъ и теперь были и есть люди, не отрекающіеся отъ Христа и Бога, не соглашающіеся приносить клятву въ готовности къ убійству, не вступающіе въ ряды убійцъ и за эту вѣрность гибнущіе въ самыхъ ужасныхъ страданіяхъ, какъ это случилось съ Дрожжинымъ, жизнь котораго описывается въ этой книгѣ.

И какъ въ прежнее время тѣ, считавшіеся полубезумными, странными людьми, мученики христіанства, которые гибли за то, что не хотѣли отречься отъ

*) Въ государствахъ, гдѣ нѣтъ обязательной воинской повинности, законъ Бога и совѣсти о неубійствѣ, хотя и не такъ очевидно, но также нарушается всѣми гражданами, потому что наемъ, вербовка и содержаніе войскъ, совершаемыя на деньги, сознательно платимыя всѣми гражданами на признаваемое ими необходимымъ дѣло убійства, есть точно такое же согласіе на убійство и содѣйствіе ему, какъ и личное поступленіе на военную службу.

Христа, только одной своей вѣрностью Христу разрушили языческій міръ и открыли путь христіанству, такъ и теперь люди, какъ Дрожжинъ, считающіеся безумцами и фанатиками, предпочитающіе мученія и смерть отступленію отъ закона Бога, одною своею вѣрностью закону разрушаютъ существующій жестокій порядокъ вѣрнѣе революцій и открываютъ людямъ новое радостное состояніе всеобщаго братства, царства Божія, которое предвозвѣщали пророки и основы котораго 1800 лѣтъ тому назадъ положены Христомъ.

Но мало того, что люди, какъ Дрожжинъ, теперь отказывающіеся отъ отреченія отъ Бога и Христа, своею дѣятельностью содѣйствуютъ установленію того царства Божія, которое предсказывали пророки, они указываютъ своимъ примѣромъ тотъ единственный, несомнѣнный путь, на которомъ можетъ быть достигнуто это царство Божіе и уничтожено все то, что препятствуетъ установленію его.

Разница между древними мучениками христіанства и теперешними только въ томъ, что тогда языческихъ дѣлъ отъ христіанъ требовали язычники, теперь же языческихъ и самыхъ ужасныхъ языческихъ дѣлъ —такихъ, какихъ не требовали язычники: убійства —требуютъ отъ христіанъ не язычники, а христіане или по крайней мѣрѣ люди себя такъ называющіе; въ томъ, что тогда сила язычества держалась на его невѣдѣніи, на томъ, что оно не знало, не понимало христіанства, теперь же жестокость мнимаго христіанства держится только на обманѣ, на сознательномъ обманѣ. Тогда для освобожденія христіанства отъ насилія надо было убѣдить язычниковъ въ истинѣ христіанства, а этого большею частью нельзя было сдѣлать. Юліанъ Отступникъ и многіе лучшіе люди того времени искренно были убѣждены, что язычество есть просвѣщеніе и благо, а христіанство — мракъ, невѣжество и зло. Теперь же для освобожденія хри-

стіанства отъ насилія и жестокости нужно только обличить обманъ ложнаго христіанства. А обманъ этотъ самъ собою несомнѣнно обличается однимъ простымъ неуклоннымъ исповѣданіемъ истины, неизбѣжно вызывающимъ мнимо-христіанскія власти къ насилію мученіямъ и убійству христіанъ за соблюденіе того самаго, что они же исповѣдуютъ

Прежде христіанинъ, отказывавшійся отъ поклоненія языческимъ богамъ, говорилъ язычникамъ: „я отрицаю вашу вѣру, я — христіанинъ и не могу и не хочу служить вашимъ богамъ, а буду служить одному истинному Богу и сыну Его Христу Іисусу", и языческія власти казнили его за то, что онъ исповѣдывалъ религію, которую они считали ложной и вредной и казнь его не носила въ себѣ никакого противорѣчія и не подрывала того язычества, во имя котораго его казнили. Теперь же христіанинъ, отказывающійся отъ убійства, говоритъ свою исповѣдь уже не язычникамъ, а людямъ, называющимъ себя христіанами. И если онъ говоритъ: „я—христіанинъ и не могу и не хочу исполнять противныхъ христіанскому закону требованій убійства", то ему уже не могутъ сказать, какъ прежде язычники: „ты исповѣдуешь ложную и вредную вѣру и за это мы казнимъ тебя", а ему говорятъ: „мы — тоже христіане, но ты не вѣрно понимаешь христіанство, утверждая, что христіанинъ не можетъ убивать. Христіанинъ можетъ и долженъ убивать, когда ему велитъ это тотъ, кто въ данную минуту считается его начальникомъ. И за то, что ты не соглашаешься съ тѣмъ, что христіанинъ долженъ не любить враговъ, а убивать всѣхъ тѣхъ, кого ему велятъ, мы христіане, исповѣдующіе законъ смиренія, любви и прощенія, казнимъ тебя".

Выходитъ то, что власти, признающіе себя христіанскими, при всякомъ такомъ столкновеніи съ людьми, отказывающимися отъ убійства, вынуждены самымъ

явнымъ и торжественнымъ образомъ отрекаться отъ того христіанства и нравственнаго закона, на которомъ одномъ зиждется ихъ власть.

Кромѣ того, на несчастье ложныхъ властей и на счастье всего человѣчества, условія военной службы стали въ послѣднее время совсѣмъ другія, чѣмъ тѣ, какія были прежде, и потому требованія властей стали еще очевиднѣе нехристіанскими, и отказы отъ исполненія ихъ требованій стали еще болѣе обличительны.

Прежде къ военной службѣ призывалась едва ли одна сотая всѣхъ людей, и правительство могло предполагать, что въ военную службу идутъ люди низшаго уровня нравственности, такіе, для которыхъ военная служба не представляетъ ничего противнаго ихъ христіанской совѣсти, какъ это и было отчасти, когда отдавали въ солдаты за наказаніе. Тогда, если къ военной службѣ призывали человѣка, по нравственнымъ свойствамъ своимъ не могущаго быть убійцей, то это была несчастная случайность и исключеніе.

Теперь же, когда всѣ должны исполнять воинскую повинность, самые лучшіе люди, самые наиболѣе христіански настроенные и далекіе отъ возможности участія въ убійствѣ, всѣ должны признать себя убійцами и отступниками отъ Бога.

Прежде нанимаемое властителями войско составляли отобранные, самые грубые, нехристіанскіе и невѣжественные люди или охотники и наемники; прежде никто или рѣдко кто читалъ Евангеліе и люди не знали его духа, а вѣрили тому, что имъ толковали священники; и прежде только рѣдкіе, особенно фанатически настроенные люди, сектанты считали грѣхомъ военную службу и отказывались отъ нея. Теперь же нѣтъ ни одного человѣка въ христіанскихъ государствахъ, который бы не былъ обязанъ сознательно, своими деньгами, а въ большей

части Европы прямо непосредственно участвовать въ приготовленіяхъ къ убійству или въ самыхъ убійствахъ; теперь всѣ почти люди знаютъ Евангеліе и духъ ученія Христа, всѣ знаютъ, что священники подкупленные обманщики, и никто уже, кромѣ самыхъ невѣжественныхъ людей, не вѣритъ имъ; и теперь уже не одни сектанты, а люди не исповѣдующіе никакихъ особенныхъ догматовъ, люди образованные, свободомыслящіе отказываются отъ военной службы и не только отказываются за себя, но прямо открыто всѣмъ говорятъ, что убійство не совмѣстимо ни съ какимъ исповѣданіемъ христіанства.

И потому одинъ такой отказъ отъ военной службы, какъ отказъ Дрожжина, отказъ, выдержанный не смотря на мученія и смерть, одинъ такой отказъ колеблетъ все громадное зданіе насилія, построенное на лжи, и грозитъ ему разрушеніемъ.

Страшная сила находится въ рукахъ правительствъ и не только сила вещественная: огромное количество денегъ, учрежденій, богатствъ, покорныхъ чиновниковъ духовенства и войска, огромныя духовныя силы вліянія на людей находятся въ рукахъ правительства. Оно можетъ, если не подкупить,то подавить, уничтожить всѣхъ тѣхъ,кто противится ему. Подкупленное духовенство проповѣдуетъ солдатство въ церквахъ, подкупленные писатели пишутъ книги, оправдывающія солдатство; въ школахъ — высшихъ и низшихъ — обязательно преподаются обманные катехизисы, въ которыхъ внушается дѣтямъ, что убивать на войнѣ и по суду не только можно, но должно; къ присягѣ пригоняются всѣ, поступающіе въ войско; все, что можетъ раскрыть обманъ, строго воспрещается и казнится, — самыя страшныя наказанія накладываются на людей, не исполняющихъ требованія служенія въ военной службѣ, т. е. убійства.

И удивительное дѣло, вся эта огромная, могущест-

венная масса людей, вооруженная всѣми силами человѣческой власти, трепещетъ, прячется, чувствуя свою вину, и колеблется въ своемъ существованiи и всякую минуту готова рухнуть и разлетѣться прахомъ при появленiи одного человѣка. какъ Дрожжинъ, который не уступаетъ требованiямъ человѣческимъ, а повинуется закону Бога и прямо исповѣдуетъ его.*)

А такихъ людей въ наше время уже не одинъ Дрожжинъ, а тысячи, десятки тысячъ, и число и, главное, значенiе ихъ растетъ съ каждымъ годомъ и часомъ. Въ Россiи мы знаемъ десятки тысячъ людей, отказавшихся присягать новому царю и признающихъ военную службу убiйствомъ, несовмѣстимымъ не только съ христiанствомъ, но съ самыми низшими требованiями чести, справедливости, нравственности. Мы знаемъ такихъ людей во всѣхъ европейскихъ странахъ: знаемъ про назареновъ, появившихся меньше 50 лѣтъ назадъ въ Австрiи и Сербiи и изъ нѣсколькихъ сотъ разросшихся теперь въ количествѣ свыше 30,000, отказывающихся, не смотря на всѣ гоненiя, отъ участiя въ военной службѣ. Мы узнали недавно про высоко образованнаго, совершенно свободомыслящаго человѣка, военнаго врача, отказавшагося отъ военной службы, потому что онъ считаетъ против-

---

*) Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ я послалъ въ одну изъ газетъ краткiй некрологъ Дрожжина, въ которомъ сообщалась причина его заключенiя, болѣзни и смерти, и некрологъ этотъ былъ вскорѣ перепечатанъ въ другихъ газетахъ („Недѣля“ № 36, „Русскiя Вѣдомости“ № 250, „Саратовскiй Листокъ“ № 193). И странное дѣло, правительство, казалось бы, должно было быть довольно обнародованiемъ, хотя бы и не офицiальнымъ, той строгости, съ которой преслѣдуется имъ неповиновенiе воинскимъ требованiямъ, но на самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ появленiя некролога, оно разослало по редакцiямъ всѣхъ газетъ секретный циркуляръ, въ которомъ предписывалось не помѣщать въ газетахъ никакихъ свѣдѣнiй объ этомъ человѣкѣ и его дѣлѣ.
Е. П.

нымъ своей совѣсти служеніе такому учрежденію, какъ армія, предназначенному только для насилія надъ людьми и убійства ихъ.

Но и не то важно, что людей этихъ много и становится все больше и больше, важно то, что найденъ единственный истинный путь, по которому человѣчество несомнѣнно придетъ къ своему освобожденію отъ зла, сковавшаго его и что на этомъ пути ничто и никто не можетъ уже остановить его, потому что для освобожденія на этомъ пути не нужно никакихъ усилій для уничтоженія зла: оно само разлетается и таетъ какъ воскъ отъ огня, а нужно только *неучастіе* въ немъ. А для того, чтебы перестать участвовать въ этомъ злѣ, отъ котораго мы страдаемъ, не нужно никакихъ особенныхъ ни умственныхъ, ни тѣлесныхъ усилій, — нужно только отдаваться своей природѣ, быть добрымъ и правдивымъ передъ Богомъ и собою.

„Вы хотите, чтобы я сталъ убійцей, а я не могу этого сдѣлать, и этого не велитъ мнѣ мой Богъ и моя совѣсть. И потому дѣлайте со мной что хотите, а ни убивать, ни готовиться къ убійству, ни помогать ему, я не стану.“ И простой отвѣтъ этотъ, который неизбѣжно долженъ сдѣлать всякій человѣкъ, потому что онъ вытекаетъ изъ сознанія людей нашего времени, разрушаетъ все то зло насилія, которое такъ долго тяготило міръ.

Говорятъ: въ священномъ писаніи сказано: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти—противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея: ибо начальникъ есть Божій олуга, тебѣ на добро. Если же дѣла-

ешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіи служители, симъ самымъ постоянно занятые. И такъ отдавайте всякому должное: кому податъ, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь.“ (Рим. XIII, 1—7), И потому надо повиноваться властямъ.

Но вѣдь уже не говоря о томъ, что тотъ самый политическій Павелъ, который римлянамъ говорилъ, что надо повиноваться властямъ, Ефесянамъ говоритъ совершенно другое: „Наконецъ, братіи мои, укрѣпляйтесь Господомъ и могуществомъ силы Его; облекитесь во все оружіе Божіе, чтобы вамъ можно было стать противъ козней діавольскихъ, потому что наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ.“ (Ефес. VI. 10, 11, 12,); не говоря уже объ этомъ, слова Павла къ римлянамъ о повиновеніи существующимъ властямъ никакимъ образомъ не могутъ быть соединены съ ученіемъ самого Христа, весь смыслъ котораго состоитъ въ освобожденіи людей отъ власти міра и подчиненіи ихъ одной власти Бога. „Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что меня прежде васъ возненавидѣлъ (Ін. XV, 18). Если меня гнали, будутъ гнать и васъ. (Ін.XV,20). Если бы вы были отъ міра, міръ любилъ бы свое, а какъ вы не отъ міра, но я избралъ васъ отъ міра, то міръ ненавидитъ насъ. (Ін. XV, 19). И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за меня, для свидѣтельства передъ ними (Мѳ. X, 18. Мр. XIII, 9). И будете ненавидимы всѣми за имя мое (Мѳ. X, 22). Всзложатъ на васъ руки и будутъ гнать васъ,

предавая въ синагоги и въ темницы, и поведутъ предъ царей и правителей за имя мое. (Лк. XXI, 12). И всякій убивающій васъ будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу. Такъ будутъ поступать, потому что не познали ни Отца, ни меня, но я сказалъ вамъ сіе для того, чтобы вы, когда придетъ то время, вспомнили, что я сказалъ (Ін. XVI, 2—4). Но вы не бойтесь, потому что нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не стало бы явнымъ (Мѳ. X, 26). Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить, но бойтесь того, кто можетъ погубить и душу, и тѣло. (Мѳ. X, 28). Князь міра сего осужденъ. (Ін. XVI, 11). Мужайтесь, я побѣдилъ міръ (Ін. XVI, 33)."

Все ученіе Христа есть указаніе пути освобожденія отъ власти міра, и Христосъ, будучи самъ гонимымъ, предупреждалъ своихъ учениковъ о томъ, что если они будутъ вѣрны его ученію, то міръ будетъ гнать ихъ, и совѣтовалъ имъ мужаться и не бояться своихъ гонителей. Но мало того, что онъ словами училъ ихъ этому, онъ всею своею жизнью и отношеніемъ къ властямъ показалъ примѣръ того, какъ должны поступать тѣ, которые хотятъ слѣдовать ему. Христосъ не только не повиновался властямъ, но постоянно обличалъ ихъ: онъ обличалъ фарисеевъ въ томъ, что они преданіями человѣческими нарушаютъ заповѣдь Божію, обличалъ ихъ въ томъ, что они ложно соблюдаютъ субботу, что ложно устроили жертвоприношеніе въ храмѣ, обличалъ ихъ за все ихъ лицемѣріе и жестокость, обличалъ города Харазинъ, Виѳсаиду и Капернаумъ, обличалъ Іерусалимъ и предсказывалъ ему погибель.

На вопросъ о томъ, дастъ ли онъ положенную подать при входѣ въ Капернаумъ, онъ прямо говоритъ, что сыны, т. е. ученики его, свободны отъ всякой

подати и не обязаны платить ее, и только, чтобы не соблазнить собирающихъ подати, не вызвать ихъ къ грѣху насилія, велитъ отдать тотъ статиръ, который случайно находится въ рыбѣ и никому не принадлежитъ и ни у кого не отнимается.

На коварный вопросъ же о томъ, нужно ли платить подать кесарю, онъ говоритъ: „Кесарю — кесарево, а *Богу—Божье*, т. е. отдавайте кесарю то, что ему принадлежитъ и имъ сдѣлано — монету, а Божье —то, что Богомъ сдѣлано и вложено въ васъ: вашу душу, вашу совѣсть, — никому не отдавайте, кромѣ Бога, и слѣдовательно не дѣлайте для кесаря то, что вамъ запрещено Богомъ. И отвѣтъ этотъ изумляетъ всѣхъ своей смѣлостью и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимостью*).

Когда же приводятъ Христа къ Пилату, какъ бунтовщика, развращающаго народъ и запрещающаго платить подать кесарю (Лк. XXIII, 2), то онъ, сказавъ то, что самъ нашелъ нужнымъ сказать, удивляетъ и возмущаетъ всѣхъ начальниковъ тѣмъ, что на всѣ вопросы ихъ не повинуется имъ и не отвѣчаетъ ничего.

И за это обличеніе власти и неповиновеніе имъ Христосъ осуждается и казнится.

Вся исторія страданій и смерти Христа есть ни-

---

*) Не только совершенное непониманіе ученія Христа, но полное нежеланіе понимать его, могло допустить то поразительное лжетолкованіе, по которому слова „Кесарю кесарево“ означаютъ признаніе необходимости повиновенія кесарю. Во первыхъ о повиновеніи нѣтъ рѣчи; во вторыхъ, если бы Христосъ признавалъ обязательность платы подати и потому повиновенія, онъ прямо сказалъ бы: „да, должно платить“, но онъ говоритъ: „кесарю отдай то, что его, т. е. монету, а жизнь — Богу“, и этими послѣдними словами не только не поощряетъ повиновеніе власти, но напротивъ указываетъ на то, что во всемъ, что принадлежитъ Богу, не должно повиноваться кесарю.

что иное, какъ исторія тѣхъ бѣдствій, которымъ неизбѣжно подвергнется всякій человѣкъ, который послѣдуетъ примѣру Христа повиновенія Богу, а не властямъ міра. И вдругъ насъ увѣряютъ, что все ученіе Христа должно быть не только исправлено, но отмѣнено вслѣдствіе необдуманныхъ и хитрыхъ словъ, написанныхъ Павломъ римлянамъ.

Но мало того, что слова Павла противорѣчатъ ученію и жизни Христа, со всѣмъ желаніемъ повиноваться властямъ, какъ это велитъ Павелъ, не изъ страха, но и по совѣсти, это стало въ наше время уже совершенно невозможнымъ.

Не говоря уже о внутреннемъ противорѣчіи христіанства и повиновенія власти, повиновеніе власти не изъ страха, но по совѣсти стало невозможно въ наше время потому, что вслѣдствіе всеобщаго распространенія просвѣщенія власть, какъ нѣчто достойное уваженія, высокое и, главное, нѣчто опредѣленное и цѣльное, совершенно уничтожилась и нѣтъ никакой возможности возстановить ее.

Вѣдь хорошо было не изъ страха только, но и по совѣсти повиноваться власти, когда люди во власти видѣли то, что видѣли въ ней римляне — императора-бога, или какъ китайцы видятъ въ богдыханѣ - сына неба; или какъ видѣли въ средніе вѣка, да и вообще до революціи въ короляхъ и императорахъ божественныхъ помазанниковъ, какъ еще недавно у насъ въ народѣ въ царѣ видѣли земного Бога, когда и не представляли себѣ царей, королей, императоровъ иначе, какъ боговъ въ величественныхъ положеніяхъ, творящихъ мудрыя и великія дѣла; но какъ же быть теперь, когда, не смотря на всѣ усилія и самихъ властей и ихъ сторонниковъ и даже самихъ подданныхъ возстановить обаяніе власти, просвѣщеніе, исторія, опытъ, общеніе людей между собой уничтожили это обаяніе, такъ что его

такъ же невозможно возстановить, какъ возстановить, весной растаявшій ледъ и такъ же невозможно что нибудь твердое построить на немъ, какъ невозможно ѣздить на саняхъ по согнавшей ледъ и разлившейся рѣкѣ.

Какъ быть теперь, когда всѣ уже, за исключеніемъ самыхъ грубыхъ и необразованныхъ людей, которыхъ становится все меньше и меньше, всѣ хорошо знаютъ, какіе порочные люди были тѣ Людовики XI-е, Елизаветы Англійскія, Іоанны IV, Екатерины, Наполеоны, Николаи I, которые царствовали и распоряжались судьбами милліоновъ и царствовали не благодаря какому то священному, неизмѣнному закону, какъ это думали прежде, а только потому, что люди эти съумѣли разными обманами, хитростями, злодѣйствами такъ утвердить свою власть, что ихъ не могли свергнуть, казнить или прогнать, какъ казнили и прогнали Карла I, Людовика XVI, Максимиліана мексиканскаго, Людовика Филиппа и другихъ.

Какъ быть теперь, когда всѣ знаютъ, что и теперь властвующіе короли, императоры не только не особенные, святые, великіе, мудрые люди, занятые благомъ своихъ народовъ, но напротивъ большею частью очень дурно воспитанные, невѣжественные, тщеславные, порочные, часто очень глупые и злые люди, всегда развращенные роскошью и лестью, занятые вовсе не благомъ своихъ подданныхъ, а своими личными интересами, а, главное, неустанной заботой о томъ, чтобы поддержать свою шатающуюся, только хитростью и обманомъ поддерживаемую, власть.

Но мало того, что люди видятъ теперь то дерево, изъ котораго сдѣланы властители, представлявшіеся имъ прежде особенными существами, что люди заглянули за кулисы этого представленія и уже невозможно возстановить прежнюю иллюзію, люди видятъ и знаютъ, кромѣ того и то, что властвуютъ собственно не эти властители, а въ конституціон-

ныхъ государствахъ члены палатъ, министры, добивающіеся своихъ положеній интригами и подкупами, а въ неконституціонныхъ — жены, любовницы, любимцы, льстецы и всякаго рода пристраивающіеся къ нимъ помощники.

Какъ же человѣку уважать власть и повиноваться ей не изъ страха, а по совѣсти, когда онъ знаетъ, что власть эта не есть что-нибудь отдѣльно отъ него существующее, а есть произведеніе интригъ, хитростей людей и постоянно переходитъ отъ одного лица къ другому? Зная это, человѣкъ уже не только не можетъ по совѣсти повиноваться власти, но не можетъ не стараться уничтожить существующую власть и самъ сдѣлаться ею, т. е., пролѣзши во власть, захватить ее сколько возможно. Такъ это въ дѣйствительности и бываетъ.

Та власть, про которую говорилъ Павелъ, власть, которой можно повиноваться по совѣсти, уже пережила свое время. Ея уже не существуетъ болѣе. Она, какъ ледъ, растаяла и на ней держаться уже ничего не можетъ. Прежде бывшая твердою поверхность рѣки стала жидкою, и для того, чтобы ѣздить по ней, нужно уже не сани и лошади, а лодка и весла. Точно также и складъ жизни вслѣдствіе просвѣщенія до такой степени измѣнился, что власти, въ томъ смыслѣ, въ которомъ ее понимали прежде, уже нѣтъ мѣста въ нашемъ мірѣ, а осталось одно грубое насиліе и обманъ. А насилію и обману нельзя повиноваться „не изъ страха, а по совѣсти".

„Но какъ же не повиноваться властямъ? Если не повиноваться властямъ, то будутъ страшныя бѣдствія, злые люди будутъ мучить, угнетать, убивать добрыхъ".

— „Какъ не повиноваться власти", говорю и я, „какъ рѣшиться не повиноваться власти, одной несомнѣнной власти, той, изъ которой мы никогда не

выйдемъ, подъ которой мы всегда находимся и тре бованія которой мы несомнѣнно, безошибочно знаемъ?"

Говорятъ: „Какъ рѣшиться не повиноваться властямъ ?

— Какимъ властямъ? При Екатеринѣ, когда бунтовалъ Пугачевъ, половина народа присягала Пугачеву и была подъ властью его; — что-жь, какой власти надо было повиноваться? власти Екатерины или Пугачева? Да при той же Екатеринѣ, которая отняла власть у своего мужа — царя, которому присягали, кому надо было повиноваться? продолжать ли повиноваться Петру III или Екатеринѣ?

Ни одинъ русскій царь, отъ Петра I и до Николая I включительно, не вступилъ на престолъ такъ, чтобы ясно было, чьей власти нужно повиноваться. Кому надо было повиноваться: Петру I или Софіи, или Іоанну — старшему брату Петра? Софія имѣла такія же права на царство, и доказательствомъ того служитъ то, что послѣ нея царствовали имѣвшія меньше правъ женщины — обѣ Екатерины, Анна, Елизавета. Чьей власти надо было повиноваться послѣ Петра, когда одни придворные взводили на престолъ солдатку, любовницу пастора, Меньшикова, Шереметьева, Петра, — Екатерину I, а потомъ Петра II, потомъ Анну и Елизавету, и наконецъ, Екатерину II, имѣвшую на престолъ правъ не больше Пугачева, такъ какъ во время ея царствованія одинъ законный наслѣдникъ — Іоаннъ — содержался въ крѣпости и былъ убитъ по ея распоряженію, а другой несомнѣнно законный наслѣдникъ былъ совершеннолѣтній сынъ Павелъ? И чьей власти надо было повиноваться, власти Павла или Александра, въ то время какъ заговорщики, убившіе Павла, еще только собирались убивать его? И чьей власти надо было повиноваться — Константина или Николая, когда Николай отнималъ власть у Константина? — Вся исторія есть

исторія борьбы одной власти противъ другой, какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ другихъ государствахъ.

Мало того, даже не во времена междоусобій и сверженія однихъ властителей и замѣненія ихъ другими, въ самыя мирныя времена, надо ли повиноваться Аракчееву, захватившему власть, или стараться свергнуть его и убѣдить царя въ негодности его министровъ. Распоряжается людьми не верховная власть, а ея служители; надо ли повиноваться этимъ служителямъ, когда требованія ихъ явно дурны и вредны?

Такъ что, какъ бы мы ни желали повиноваться власти, это невозможно, потому что земной власти нѣтъ одной опредѣленной, а всѣ власти земныя колеблются, измѣняются, борются между собой. Какая и когда власть настоящая? И потому, какой власти повиноваться?

Но мало того, что власть, требующая себѣ повиновенія, сомнительна и мы не можемъ знать, настоящая она или нѣтъ, эта-то сомнительная власть требуетъ отъ насъ не безразличныхъ, не безвредныхъ дѣлъ, въ родѣ того, чтобы мы построили пирамиду, храмъ, дворецъ, или даже служили бы сильнымъ міра сего и удовлетворяли бы ихъ прихотямъ и роскоши. Это еще можно бы было дѣлать. Но сомнительная власть требуетъ отъ насъ самаго страшнаго для человѣка поступка — убійства, приготовленія къ нему, признанія своей готовности къ нему, требуетъ такого дѣла, которое явно запрещено мнѣ Богомъ, и потому губитъ мою душу. Неужели же мнѣ изъ за повиновенія этой человѣческой случайной, колеблющейся, раздвояющейся власти забыть требованія той единой власти Бога, которая такъ явно и несомнѣнно извѣстна мнѣ, и погубить свою душу.

„Нельзя не повиноваться власти.“

— „Да, нельзя не повиноваться власти“, говорю и я „только не власти императора, короля, прези-

дента, парламента и поставленныхъ ими начальниковъ, которыхъ я не знаю и съ которыми не имѣю ничего общаго, а власти Бога, котораго я знаю, съ которымъ живу, отъ котораго получилъ и которому нынче завтра отдамъ свою душу".

Говорятъ: „Будутъ бѣдствія, если мы не будемъ повиноваться власти". — И говорятъ истинную правду, если подъ властью разумѣть истинную власть, а не человѣческій обманъ, который называютъ властью. Они и есть, эти бѣдствія, и страшныя, ужасныя бѣдствія, которыя мы переживаемъ именно потому, что мы не повинуемся одной несомнѣнной и явно открытой намъ и въ писаніи и въ нашемъ сердцѣ власти Бога.

Мы говоримъ: наши бѣдствія въ томъ, что богатые и праздные богатѣютъ, а бѣдные, трудящіеся бѣднѣютъ; въ томъ, что народъ лишенъ земли, и потому долженъ работать каторжную работу на фабрикахъ, готовящихъ вещи, которыми онъ не пользуется; въ томъ, что народъ спаиваютъ водкой, которую продаетъ правительство; въ томъ, что молодые люди идутъ въ солдаты, развращаются, разносятъ болѣзни и отстаютъ отъ простой трудовой жизни; въ томъ, что въ судахъ правятъ богатые, а бѣдные сидятъ по тюрьмамъ; въ томъ, что народъ одуряется въ школахъ и церквахъ и за это награждаются народными деньгами чиновники и духовенство; въ томъ, что всѣ силы народныя: и люди, и деньги идутъ на войны и на войско, и войско это находится въ рукахъ правителей, которые этимъ войскомъ подавляютъ все то, что несогласно съ ихъ выгодой.

Бѣдствія эти ужасны. Но откуда они? И на чемъ они держатся? — А только на томъ, что люди не повинуются единой истинной власти и ея закону,

написанному въ ихъ сердцѣ, а повинуются выдуманнымъ постановленіямъ человѣческимъ, которыя они называютъ закономъ. Если бы люди повиновались единой истинной власти Бога и его закона, они не брали бы на себя обязательства убивать себѣ подобныхъ, не поступали бы въ солдаты и не давали бы денегъ на наемъ и содержаніе войска. А не было бы войска, и не было бы всѣхъ тѣхъ жестокостей и несправедливостей, которыя оно поддерживаетъ. Только посредствомъ войска можно было установить и поддерживать такой порядокъ, при которомъ вся земля въ рукахъ тѣхъ, кто не работаетъ на ней, а тѣ, которые работаютъ, лишены ея; только посредствомъ войска можно отбирать труды бѣдныхъ, отдавая ихъ богатымъ; только посредствомъ войска можно умышленно одурять народъ и лишать его возможности истиннаго просвѣщенія. Все это держится войскомъ. Войско же состоитъ изъ солдатъ, солдаты же — мы сами. Не будь солдатъ, и ничего этого не будетъ.

Положеніе людей теперь таково, что измѣнить его ничто не можетъ, какъ только повиновеніе не ложной, а истинной власти.

— „Но новое это положеніе безъ войска, безъ правительства, будетъ во много разъ хуже того, въ которомъ мы находимся теперь“, говорятъ на это.

— Хуже для кого? — спрошу я. — „Для тѣхъ, которые властвуютъ теперь, для одной сотой всего народа? Для этой части народа, конечно, будетъ хуже. Но не для всего трудового, лишеннаго земли и произведеній своего труда, народа, уже только потому, что для этихъ девяносто девяти сотыхъ народа положеніе не можетъ быть хуже того, какое есть теперь.“

Но и по какому праву мы предполагаемъ, что положеніе людей сдѣлается хуже отъ того, что они

будутъ повиноваться, открытому имъ Богомъ и вложенному въ ихъ сердца, закону неубійства. Вѣдь говорить, что все пойдетъ въ этомъ мірѣ хуже, если люди послѣдуютъ въ немъ тому закону, который далъ имъ Богъ для жизни въ этомъ мірѣ, все равно, что сказать, что будетъ хуже, если люди будутъ пользоваться данной имъ машиной не по своей прихоти, а по тому наставленію о пользованіи машиной, которое далъ имъ тотъ, кто изобрѣлъ и построилъ ее.

Было время, когда человѣчество жило, какъ дикіе звѣри, и каждый бралъ себѣ въ жизни все, что могъ, отнимая у другого то, что ему хотѣлось, избивая и убивая своихъ ближнихъ. Потомъ пришло время, когда люди сложились въ общества, государства, и стали устраиваться народами, защищаясь отъ другихъ народовъ. Люди стали менѣе звѣроподобны, но все таки считали не только возможнымъ, но необходимымъ и потому достойнымъ убивать своихъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Теперь же приходитъ время и пришло уже, когда люди, по словамъ Христа, вступаютъ въ новое состояніе братства всѣхъ людей, въ то новое состояніе, давно уже предсказанное пророками, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, разучатся воевать, перекуютъ мечи на орала и копья на серпы, и наступитъ Царство Божіе, царство единенія и мира. Состояніе это было предсказано пророками, но ученіе Христа указало, какъ и чѣмъ оно можетъ осуществиться, а именно братскимъ единеніемъ, однимъ изъ первыхъ проявленій котораго должно быть уничтоженіе насилія. И необходимость уничтоженія насилія уже сознается людьми, и потому состояніе это наступитъ такъ же неизбѣжно, какъ прежде послѣ дикаго состоянія, наступило состояніе государственное.

Человѣчество въ наше время находится въ мукахъ родовъ этого устанавливающагося Царства Божія,

и муки эти неизбѣжно кончатся родами. Но наступленіе этой новой жизни не сдѣлается само собой, наступленіе это зависитъ отъ насъ. Мы должны сдѣлать его. Царство Божіе внутри насъ.

А для того, чтобы намъ сдѣлать это Царство Божіе внутри насъ, намъ, повторяю, не нужно никакихъ особенныхъ, ни умственныхъ, ни тѣлесныхъ усилій; нужно только быть тѣмъ, чѣмъ мы есмы, тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ насъ Богъ, т. е. разумными и, главное, добрыми существами, слѣдующими голосу своей совѣсти.

„Въ томъ то и дѣло, что люди не разумныя и не добрыя существа", слышу уже я голосъ тѣхъ людей, которые, для того, чтобы имѣть право быть злыми, утверждаютъ, что весь родъ человѣческій золъ и что это есть не только опытная, но божеская, откровенная, религіозная истина. „Люди всѣ злы и неразумны, утвдрждаютъ они, и поэтому необходимо, чтобы разумные и добрые люди поддерживали порядокъ".

Да если всѣ люди неразумны и злы, откуда же мы возьмемъ разумныхъ и добрыхъ? И если и есть такіе, то какъ мы узнаемъ ихъ? А если и узнаемъ ихъ, то какими средствами мы (и кто будутъ эти „мы") поставимъ ихъ во главу другихъ людей? Но если мы даже съумѣемъ поставть этихъ особенныхъ разумныхъ и добрыхъ людей во главу другихъ, то не перестанутъ ли эти разумные и добрые люди быть таковыми, если они будутъ насиловать и казнить неразумныхъ и недобрыхъ. И, самое главное: вы говорите, что для того, чтобы помѣшать нѣкоторымъ ворамъ, грабителямъ и убійцамъ насиловать и убивать людей, вы учредите суды, полицію, войско, которые будутъ постоянно насиловать и убивать людей, обязанность которыхъ будетъ состоять только въ этомъ, и въ эти учрежденія привлечете всѣхъ людей. Но вѣдь такимъ образомъ вы

навѣрное замѣняете небольшое и предполагаемое зло большимъ, всеобщимъ и уже навѣрно совершающимся зломъ. Для того, чтобы противустоять нѣкоторымъ воображаемымъ вами убійцамъ, вы заставляете всѣхъ навѣрное быть убійцами. И потому я повторяю, что для осуществленія братскаго общежитія людей не нужно никакихъ особенныхъ усилій, ни умственныхъ, ни тѣлесныхъ, а нужно только быть тѣмъ, чѣмъ насъ сдѣлалъ Богъ: разумными и добрыми существами и поступать сообразно этимъ свойствамъ.

Не каждому изъ насъ придется нести то испытаніе, которое перенесъ Дрожжинъ (и если придется, то помоги намъ Богъ, не измѣнивъ Ему, снести его), но хотимъ ли мы или не хотимъ этого, каждому изъ насъ, если мы и живемъ въ государствѣ, гдѣ нѣтъ воинской повинности, или мы не призываемся къ исполненію ея, каждому изъ насъ приходится такъ или иначе подвергаться, хотя и въ иныхъ болѣе легкихъ формахъ, тому же испытанію и волей или неволей становиться на сторону угнетателей и даже самимъ дѣлаться ими, или на сторону угнетенныхъ и помогать имъ нести ихъ испытаніе или самимъ дѣлаться ими. Каждому изъ насъ, если мы даже и не принимаемъ прямого участія въ гоненіяхъ противъ этихъ новыхъ мучениковъ, какъ участвуютъ въ нихъ государи, министры, губернаторы, судьи, подписывающіе приговоры къ мученіямъ этихъ мучениковъ, или какъ еще прямѣе участвуютъ въ нихъ мучители, какъ тюремщики, сторожа, палачи; каждому изъ насъ всетаки приходится принимать самое дѣятельное участіе въ этихъ дѣлахъ тѣми сужденіями, которыя мы высказываемъ о нихъ въ печати, въ письмахъ, въ разговорахъ. Часто только потому, что намъ лѣнь вдуматься въ значеніе такого явленія, только потому, что мы не хотимъ нарушать своего

спокойствія живымъ представленіемъ себѣ того, что должны испытывать эти люди, за свою правдивость, искренность и любовь къ людямъ томящіеся въ тюрьмахъ и ссылкахъ, мы, не обдумавъ того, что говоримъ, повторяемъ слышанныя или читанныя нами сужденія: „Что же дѣлать? И по дѣломъ. Это вредные фанатики, правительство должно подавлять такія попытки“ и тому подобныя слова, поддерживающія гонителей и увеличивающія страданія гонимыхъ. Мы всѣ десять разъ подумаемъ о поступкѣ, о выдачѣ извѣстной суммы денегъ, объ уничтоженіи или постройкѣ дома, но сказать слово кажется такъ не важно, что мы говоримъ большею частью не думая. А, между тѣмъ, слово есть самый значительный изъ всѣхъ тѣхъ поступковъ, какіе мы можемъ сдѣлать. Изъ словъ слагается общественное мнѣніе. А общественное мнѣніе одно выше всѣхъ царей и властителей управляетъ всѣми дѣлами людей. И потому каждое сужденіе наше о поступкахъ, какъ поступокъ Дрожжина, можетъ быть дѣломъ Божьимъ, содѣйствующимъ осуществленію Царства Божія, братства людей, помогающимъ тѣмъ передовымъ людямъ, которые отдаютъ свою жизнь для осуществленія его, и можетъ быть дѣломъ, враждебнымъ Богу, противодѣйствующимъ Ему, и содѣйствующимъ мученіямъ тѣхъ людей, которые отдаютъ себя на служеніе Ему.

Дрожжинъ въ своемъ дневникѣ разсказываетъ про такое жестокое воздѣйствіе на него такого легкомысленнаго и враждебнаго Богу слова. Онъ разсказываетъ, какъ въ первое время своего заточенія, когда онъ, не смотря на всѣ физическія страданія и униженія, не переставая испытывалъ радостное спокойствіе сознанія того, что онъ сдѣлалъ то, что должно было, какъ въ это время подѣйствовало на него письмо его друга революціонера, изъ *любви къ нему* уговаривавшаго его пожалѣть себя, отречься и

исполнить требованія властей—присягнуть и служить. Очевидно, молодой человѣкъ этотъ, революціонно настроенный и по обычному кодексу революціонеровъ допускавшій, по принципу: цѣль оправдываетъ средства, всякіе компромиссы съ совѣстью, совершенно не понималъ тѣ религіозныя чувства, которыя руководили Дрожжинымъ, и потому легкомысленно писалъ ему, чтобы онъ не губилъ себя, какъ полезное для революціи орудіе, и исполнилъ бы всѣ требованія начальства. Слова эти, казалось бы, не должны имѣть особенно важнаго значенія, а между тѣмъ Дрожжинъ пишетъ, что слова эти лишили его спокойствія и что онъ заболѣлъ отъ нихъ.

И это понятно. Всѣ люди, которые двигаютъ впередъ человѣчество и первые и одинокіе выступаютъ на тотъ путь, по которому скоро пойдутъ всѣ, выступаютъ на этотъ путь не легко и всегда со страданіемъ и внутренней борьбой. Внутренній голосъ влечетъ по новому пути, всѣ привязанности, преданія слабости, все тянетъ назадъ. И въ эти минуты неустойчиваго равновѣсія всякое слово поддержки или, напротивъ, задержки имѣетъ огромное значеніе. Самаго сильнаго человѣка перетянетъ ребенокъ, когда этотъ человѣкъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы сдвинуть непосильную тяжесть.

Дрожжинъ испыталъ страшное отчаяніе отъ этихъ кажущихся неважными словъ пріятеля и успокоился только тогда, когда получилъ письмо отъ друга Изюмченко, радостно несшаго такую же участь и высказывавшаго твердую увѣренность въ истинности своего дѣла*).

*) Другъ этотъ тогда за такой же отказъ отъ военной службы былъ заключеннымъ въ Курскѣ на гауптвахтѣ. Теперь, въ ту минуту, какъ я пишу это, другъ этотъ содержится въ строжайшемъ секретѣ, безъ разрѣшенія свиданья съ кѣмъ бы то ни было, въ Московской пересыльной тюрьмѣ, на своемъ пути

И потому, какъ бы далеко мы лично ни стояли отъ событій такого рода, мы всегда невольно участвуемъ въ нихъ, вліяемъ на нихъ нашимъ отношеніемъ къ нимъ, нашимъ сужденіемъ о нихъ.

Стоимъ мы на точкѣ зрѣнія друга-революціонера, считаемъ, что ради того, чтобы когда-то, гдѣ-то, можетъ быть, быть въ состояніи воздѣйствовать на внѣшнія условія жизни, можно и должно отступить отъ самыхъ первыхъ требованій совѣсти, и мы не только не умѣряемъ страданія и борьбу людей, стремящихся къ служенію Богу, но и готовимъ эти страданія внутренняго разлада всѣмъ тѣмъ, которымъ придется рѣшать въ жизни дилемму. А рѣшать ее придется всѣмъ. И потому всѣ мы, какъ бы далеко ни стояли отъ такихъ событій, мы участвуемъ въ нихъ нашимъ мнѣніемъ и сужденіемъ. И неосторожное, легкомысленно сказанное слово можетъ быть источникомъ величайшихъ страданій для самыхъ лучшихъ людей міра. Нельзя быть достаточно внимательнымъ въ употребленіи этого орудія: „Отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься."

Но многіе изъ насъ призваны участвовать въ такихъ событіяхъ не одними словами, но и еще гораздо непосредственнѣе. Я говорю о служащихъ, которые такъ или иначе принимаютъ участіе въ тѣхъ безнадежныхъ, только усиливающихъ движеніе, угнетеніяхъ, которыми правительство преслѣдуетъ такихъ людей, какъ Дрожжинъ; я говорю про участниковъ этихъ угнетеній, начиная отъ государя, министровъ, судей, прокуроровъ, до сторожей и тюремщиковъ, мучащихъ этихъ мучениковъ. Вѣдь всѣ вы, участники этихъ мучительствъ, знаете, что человѣкъ этотъ, котораго вы мучите, не только не злодѣй, но исключительно добрый человѣкъ, что мучится онъ

въ Тобольскую губернію, куда онъ ссылается по распоряженію государя.—Л. Т.

за то, что хочетъ всѣми силами души быть хорошимъ; знаете, просто, что онъ молодъ, что у него есть друзья, мать, что онъ любитъ васъ и прощаетъ вамъ. И его-то вы будете сажать въ карцеръ, раздѣвать, морить холодомъ, не давать пить, ѣстъ, спать, лишать его общенія съ близкими, съ друзьями.

Какъ же вамъ, императору, подписавшему такой приказъ, министру, прокурору, начальнику тюрьмы, тюремщику, сѣсть обѣдать, зная, что онъ лежитъ на холодномъ полу и измучившись плачетъ о вашей злобѣ; какъ вамъ приласкать своего ребенка; какъ вамъ подумать о Богѣ, о смерти, которая васъ приведетъ къ Нему. Вѣдь сколько вы ни притворяйтесь исполнителями какихъ-то неизмѣнныхъ законовъ, вы просто люди, и добрые люди, и васъ жалко, и вамъ жалко, и только въ этой жалости и любви другъ къ другу и жизнь наша.

Вы говорите: нужда заставляетъ васъ служить въ этой должности. Вѣдь вы знаете, что это неправда. Вы знаете, что нужды нѣтъ, что нужда — слово условное, что то, что̀ для васъ нужда, для другого роскошь; вы знаете, что вы можете найти другую службу, такую, въ которой вамъ не придется мучить людей, да еще какихъ людей. Вѣдь какъ мучали пророковъ, потомъ Христа, потомъ его учениковъ, такъ всегда мучали и мучаютъ тѣхъ, которые, любя ихъ, ведутъ людей впередъ къ ихъ благу. Такъ какъ-бы не быть вамъ участниками этихъ мученій.

Ужасно замучить невинную птичку, животное. На сколько же ужаснѣе замучить юношу, добраго, чистаго, любящаго людей и желающаго имъ блага. Ужасно быть участникомъ въ этомъ дѣлѣ.

И, главное, быть участникомъ напрасно — погубить его тѣло, себя, свою душу, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только не остановить совершающагося дѣла уста-

новленія Царства Божія, но, напротивъ, противъ воли своей содѣйствовать торжеству его.

Оно приходитъ и пришло уже.

Л. Толстой.

Москва, 4-го (16.) Марта 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

новленія Царства Божія, но, напротивъ, противъ воли своей содѣйствовать торжеству его.

Оно приходитъ и пришло уже.

Л. Толстой.

Москва, 4-го (16.) Марта 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Просимъ читателя исправить опечатки прежде чѣмъ приступить къ чтенію книги.

СТР.	СТРОКИ СВЕРХУ	СТРОКИ СНИЗУ	НАПЕЧАТАНО	НУЖНО ЧИТАТЬ
7	6	—	Евдомимъ	Евдокимъ
15	—	8	Изюмченку	Изюмченку
22	—	14	За	за
35	—	4	можио	можно
38	14	—	ого	его
39	—	10	ходцтъ	ходитъ
41	—	15	Двожжинъ	Дрожжинъ
67	4	—	офицеррмъ	офицеромъ
67	10	—	Олимбергъ	Олимбергъ
73	1	—	что	что Лукьяновскій
74	—	11	3о	30
78	8	—	стояшій	стоявшій
84	—	1	всой	свой
85	17	—	своето	своего
88	16	—	Мал	Мая
89	—	3	повели	повезли
91	5	—	вт	въ
91	15	—	Баше	Ваше
92	10	—	к	я
92	10	—	бытъ	былъ
93	2	—	Такъ	Такъ я
95	—	7—8	етпеpь	теперь
108	9	—	ля	для
108	10	—	Впрочѳмъ	Впрочемъ
110	15	—	имъ)	имъ) мнѣ
122	8	—	С—въ	Р—въ
124	—	1	Бъ	Въ
125	—	13	братъевъ	братьевъ
132	—	1	Бирюковѵ.	Бирюкову.
140	13	—	чтебы	чтобы
140	—	1	олуга	слуга
141	7	—	податъ	подать
141	—	5	насъ	васъ
144	13	—	Но	Не
147	—	6	И	Й
148	—	16	гого	того
154	5	—	пли	или
157	11	—	приласкатъ	приласкать

ИЗДАНІЯ ВЛАДИМІРА ЧЕРТКОВА:

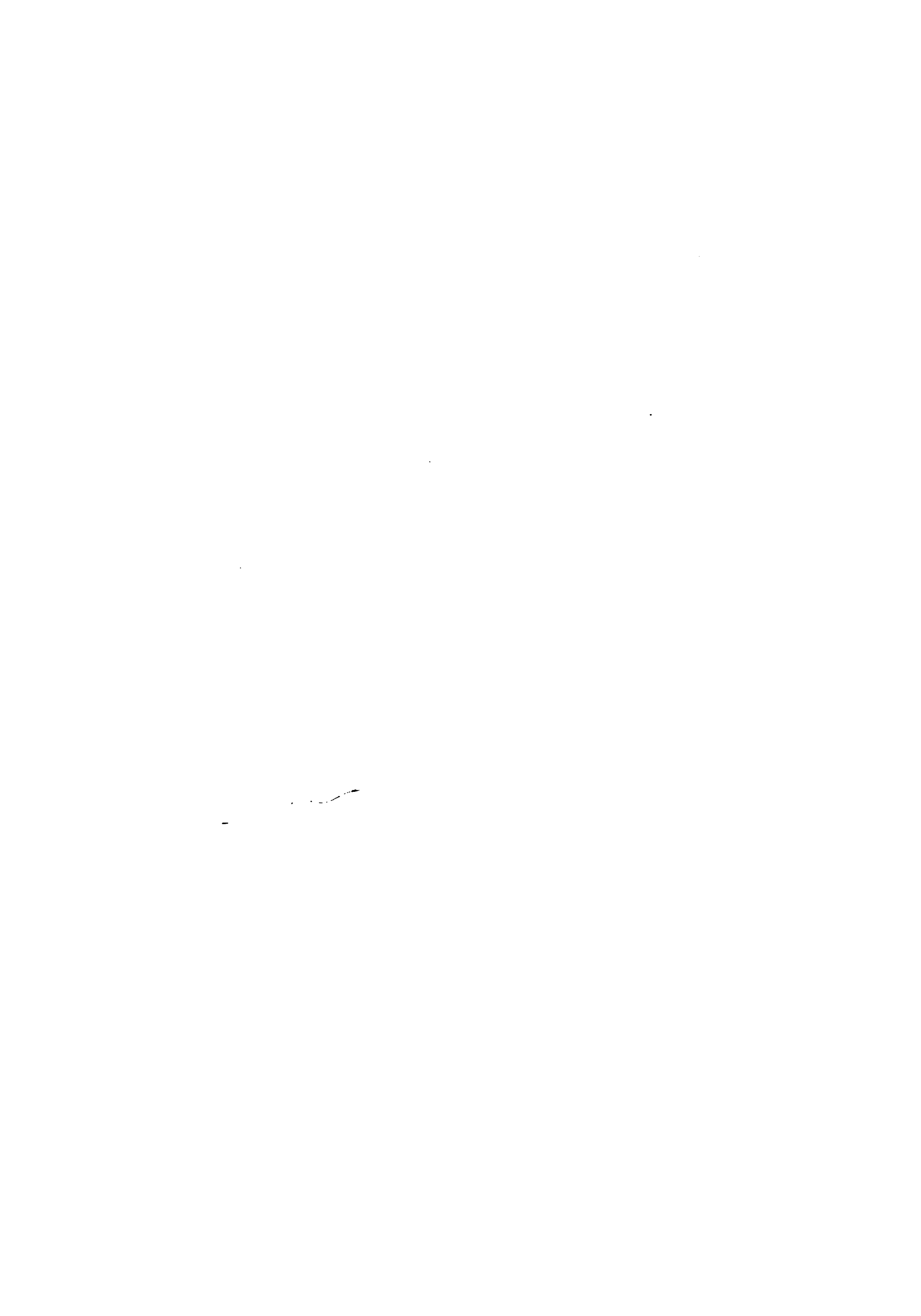
		Цѣна. р.	к.
1.	Напрасная Жестокость. *В. Черткова.*	—	20
2.	Голосъ Древней Церкви въ Защиту Свободы Вѣры. *И. Трегубова.*	—	12
3.	Помогите! Обращеніе къ обществу по поводу гоненій на кавказскихъ духоборовъ, составленное *П. Бирюковымъ, И. Трегубовымъ и В. Чертковымъ.*	—	12
4.	Положеніе Духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г., и необходимыя средства облегченія ихъ участи. *П. Бирюкова и В. Черткова.*	—	20
5.	Письма Петра Васильевича Ольховика, отказавшагося отъ воинской повинности въ 1895 году, письмо Л. Н. Толстого и другія свѣдѣнія, относящіяся къ этому дѣлу.	—	40
6.	Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? *Л. Н. Толстого.*	—	12
7.	Приближеніе Конца. *Л. Н. Толстого.*	—	12
8.	Объ отношеніи къ государству. *Л. Н. Толстого.*	—	20
9.	Царство Божіе внутри васъ. *Его-же.*	1	—
10.	Христіанское ученіе. *Его-же.*	—	50
11.	Гдѣ братъ твой? *В. Черткова.*	—	20
12.	Голодъ или не голодъ? *Л. Н. Толстого.*	—	10
13.	Мой отказъ отъ военной службы (записки военнаго врача) *А. Шкарвана.*	—	75
14.	„Свободное Слово", № 1, періодическій сборникъ *подъ редакціей П. И. Бирюкова.*	1	—
15.	„Листки Свободнаго Слова", № 1, повременное изданіе *подъ редакціей В. Г. Черткова.*	—	20
16.	„Листки Свободнаго Слова", № 2, повременное изданіе *подъ редакціей В. Г. Черткова.*	—	20
17.	Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина, составилъ *Е. Поповъ,* съ послѣсловіемъ *Л. Н. Толстого.*	—	75

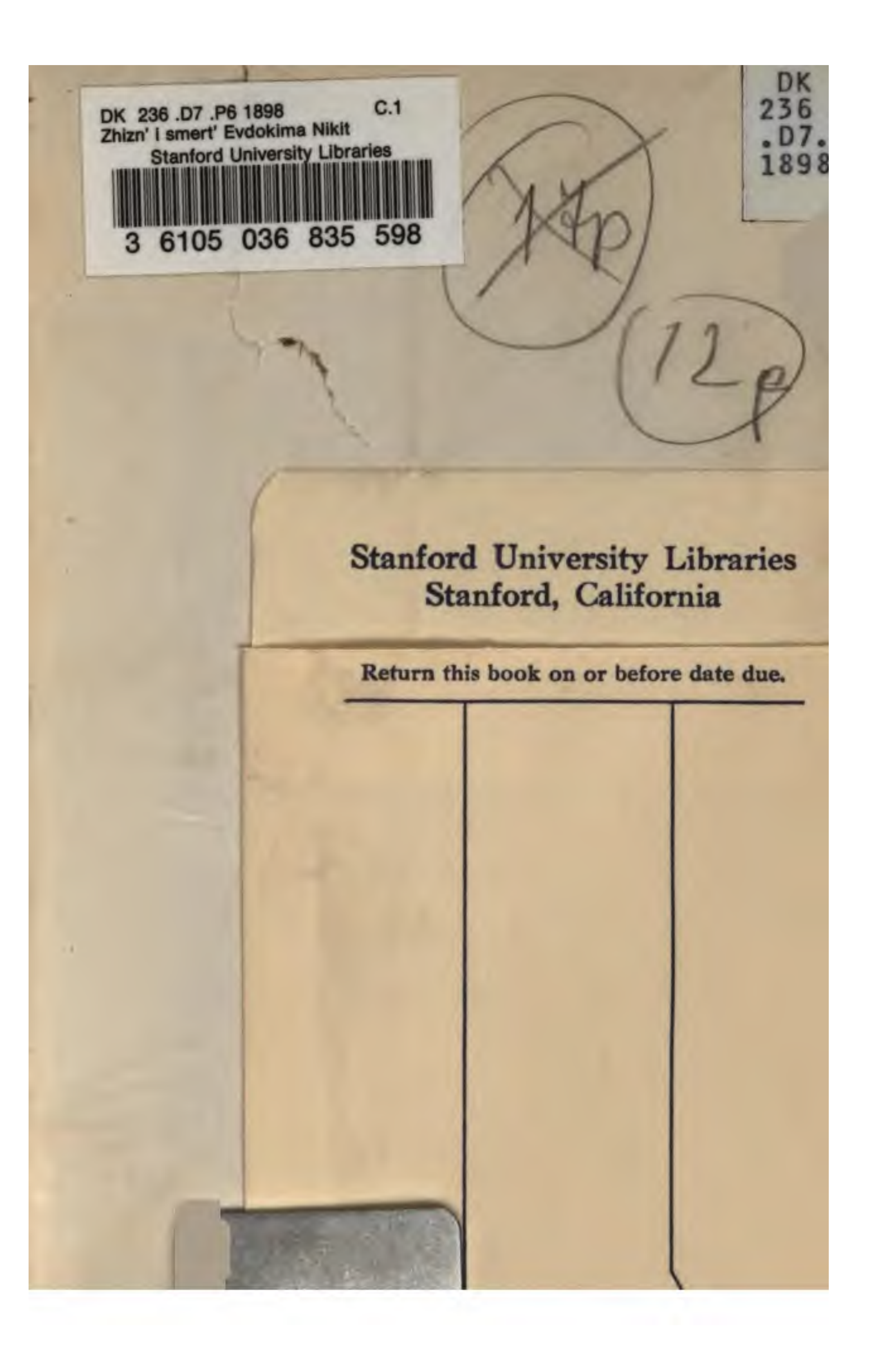
Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Готовится серія изданій всѣхъ послѣднихъ писаній Л. Н. Толстого.

Адресъ редакціи:

V. Tchertkoff, Maldon, Purleigh, Essex, England.

DK 236 .D7 .P6 1898 C.1
Zhizn' i smert' Evdokima Nikit
Stanford University Libraries
3 6105 036 835 598
DK
236
.D7.
1898
12 p
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

